

С. М. Каштанов

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО И ЗАПАД

Историографические очерки

Университет Дмитрия Пожарского

Сергей Каштанов

**Московское царство и Запад.
Историографические очерки**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2015

УДК 930
ББК 63.3(2)4

Каштанов С. М.

Московское царство и Запад. Историографические очерки / С. М. Каштанов — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2015

ISBN 978-5-91244-138-7

В книге рассматривается развитие историографии феодального иммунитета в России XVIII–XX вв., излагается авторская теория иммунитета как общеевропейского института, характерного для периода Средних веков. Монография дополняется приложениями, где анализируются представления западной историографии XIX–XX вв. о феодализме в России и дается обзор современных концепций эволюции форм труда в Европе XIII–XVIII вв. Отдельные очерки посвящены историографии крестьянства Среднего Поволжья в эпоху феодализма и вопросу о роли крестьянской реформы 1861 г. в развитии тематики и методологии российского источниковедения. В двух очерках содержится разбор русской и французской литературы 60-х годов XX в., касающейся истории феодальной России.

УДК 930
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-91244-138-7

© Каштанов С. М., 2015
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2015

Содержание

От автора	6
Часть	7
Глава 1	7
Глава 2	38
Глава 3	51
Часть II	97
Глава 1	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Сергей Каштанов

Московское царство и Запад: Историографические очерки

*Светлой памяти академика Льва Владимировича Черепнина
посвящаю*

Университет Дмитрия Пожарского
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт всеобщей истории

Работа выполнена в рамках проекта Программы фундаментальных исследований РАН
«Традиции и инновации в истории и культуре»

Печатается по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук Н. А. Горская
доктор исторических наук, академик РАО С. О. Шмидт

Рецензенты:

доктор исторических наук Л. В. Столярова
доктор исторических наук Т. В. Гимон

© Каштанов С.М., текст, 2015

© Григоренко М.В., дизайн макета и верстка, 2015

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015

От автора

Основу настоящей работы составляет монографическое исследование историографии и теории феодального иммунитета (части I–II). Наряду с ним в книгу включены в качестве приложения (часть III) ряд историографических очерков, характеризующих развитие источниковедческой и историко-социологической мысли по вопросам, тесно связанным с трактовкой сущности иммунитета, крепостного права и феодализма вообще. В первом из этих очерков делается попытка выяснить влияние крестьянской реформы на тематику и направление источниковедческих исследований в России. Во втором очерке рассматривается дореволюционная и советская историография крестьянства Среднего Поволжья эпохи господства феодальных отношений и крепостного права. В третьем очерке автор анализирует советскую литературу 1965–1966 гг., касающуюся кардинальных проблем социально-экономического развития России в Средние века и раннее Новое время. В четвертом очерке прослеживается эволюция представлений зарубежной историографии о феодализме в России. В пятом очерке содержится систематический разбор французской литературы 1960–1964 гг. по истории дореволюционной России. Наконец, шестой очерк дает представление о современной проблематике исследований по широкому кругу вопросов социально-экономической истории стран Европы XIII–XVIII вв. Заключают работу наши размышления о типе Русского государства XIV–XVI вв. и его соотношении с западными моделями.

Автор выражает сердечную признательность О. Б. Бокаревой, Н. А. Комочеву и П. С. Каштанову за участие в компьютерном наборе текста книги.

Часть Историография феодального иммунитета в России

Глава 1 Зарождение и развитие представлений о феодальном иммунитете в России (XVIII в. – 80-е годы XIX в.)

Изучение феодального иммунитета и жалованных грамот как источника по этой теме всегда прямо или косвенно сталкивалось в русской исторической науке с проблемой крепостного права. Данный аспект развития историографии крепостного права до сих пор не был предметом специального исследования, хотя в монографии Л. В. Черепнина имеется параграф, содержащий весьма ценный разбор основных работ, посвященных жалованным грамотам¹. Л. В. Черепнин вскрыл гносеологические основы главнейших концепций феодального иммунитета, дал глубокую критику ряда схем классификации жалованных грамот. Вместе с тем в его задачу не входило последовательное изучение историографии иммунитета в связи с изменениями в общественной жизни России XIX–XX вв.

С большой статьей, посвященной иммунитету на Руси XIV–XV вв., выступил в 1962 г. западногерманский историк Вильгельм Шульц². В историографическом разделе автор анализирует труды дореволюционных и советских исследователей иммунитета³. Отвергая марксистскую трактовку иммунитета, Шульц весьма критически оценивает и русскую историографию XIX – начала XX в., причем всю борьбу мнений он сводит к спору о публичном или частном характере вотчинного и княжеского права.

Шульц абстрагируется от истории социально-экономических отношений и политической борьбы XIX–XX вв., вне связи с которой нельзя понять развития историографии. Это и неудивительно: ведь Шульц по существу отрицает поступательное движение русской исторической мысли в области теории иммунитета. Историки группируются им не по хронологии прежде всего, а по принадлежности к числу сторонников концепции публичного или частного права (отсюда такие внеисторические группы, как Градовский – Милюков, Неволлин – Павлов-Сильванский). Создается впечатление, что русская историография иммунитета все время топталась на месте, не двигаясь вперед с двух раз навсегда занятых взаимоположенных позиций.

Задачей настоящей работы является изучение развития исторических взглядов на иммунитет в России. В данной главе рассмотрение историографии доводится до середины 80-х годов XIX в.

В русской исторической литературе тема жалованных грамот с давних пор занимает видное место. Интерес к ней обусловлен богатейшим историко-юридическим содержанием жалованных грамот. Они предоставляют исследователю широкую возможность заняться рассмотрением таких ведущих исторических проблем, как феодальная собственность на землю, взаимоотношения между феодалами и крестьянами, роль государства в этих взаимоотношениях и т. д. Самое превращение в начале XIX в. жалованных грамот в предмет научных изысканий и публикаций определялось вызреванием и оформлением буржуазной

---

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. II. С. 97–111.

² Schulz W. Die Immunitat im Nordostlichen Russland des 14. und 15. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Berlin (West), 1962. Bd. 8. S. 26–281. (Далее – FOG).

³ Ibid. S. 57–86.

историографии, которая довольно быстро приобрела ярко выраженный юридический характер. Без изучения актовых источников и прежде всего жалованных грамот как документов с наиболее разветвленной системой правовых норм представители этой историографии уже не видели достаточно свободного пути для движения вперед. Вместе с тем, подобно всякой общей тенденции, введение в научный оборот актовых материалов находило подчас проявление в деятельности лиц, не имевших сознательной цели дать дорогу новой тенденции и ставивших перед собой более частные, иногда узкокорпоративные цели. Так, на протяжении XIX – начала XX в. жалованные грамоты неоднократно издавались церковно-монастырскими иерархами, стремившимися показать особо милостивое отношение к их корпорациям древних князей и царей.

Проекты и отдельные реформы М. М. Сперанского, вызвавшие против себя реакцию части дворянства, способствовали оживлению юридической мысли. Созданная в мае 1811 г. Комиссия печатания государственных грамот и договоров приступила к публикации духовных и договорных грамот великих и удельных князей, а также других документов общегосударственного значения. С 1811 г. в издании «История Российской иерархии»

Амвросия Орнатского начали печататься княжеские и царские жалованные грамоты (из архивов северных монастырей)⁴.

Источники, изданные Амвросием, а также отдельные неопубликованные грамоты из монастырских архивов позволили С. Г. Салареву дать самые общие, очень краткие, неточные и сбивчивые сведения о жалованных грамотах. Его обзор русских грамот, вышедший в начале 1819 г.⁵, носил еще примитивный, главным образом информационный характер. Но автор энергично подчеркивал актуальность изучения грамот: «Для объяснения некоторых мест истории нашей знание грамот необходимо»⁶. Определения разновидностей жалованных грамот («тарханные», «несудимые», «льготные»), взятые автором из законодательных источников (Судебника 1550 г., Стоглава), толковались в его обзоре весьма произвольно⁷. Однако попытка Саларева причислить «тарханные» грамоты к категории «несудимых» основана, как думается, не только на недоразумении. «Тарханные» грамоты, фиксировавшие бессрочные податные привилегии в большинстве случаев одновременно с судебным иммунитетом, в обстановке господства крепостного права вполне могли приниматься за «несудимые». Экономическая действительность России первой половины XIX в. давала наглядные доказательства того, что «привилегии», которые землевладельцы получали по жалованным грамотам, на практике представляют собой обычное право помещиков. Поэтому более существенной частью жалованных грамот казался их несудимый раздел, где строго определялся объем сеньориальной юрисдикции. Саларев указал мимоходом, что несудимые грамоты выдавались и в странах Западной Европы, хотя сколько-нибудь подробного сравнения русских иммунитетных актов с западными он не производил⁸.

Запрещение публично обсуждать крестьянский вопрос (1818–1858 гг.) затормозило изучение феодального иммунитета, однако уже с 40-х годов под сенью этого запрета разгорелась борьба между дворянским и буржуазным пониманием природы привилегий, закреп-

⁴ *Амвросий*. История российской иерархии. М., 1811. Ч. III; 1812, Ч. IV; 1815. Ч. VI. (Далее – *Амвросий*). Некоторые грамоты, опубликованные Амвросием, сохранились в копиях XIX в. в архиве А. Ф. Малиновского: РГАДА. Ф. 197 (А. Ф. Малиновский). Портфель II. № 58 (ср.: *Амвросий*. Ч. III. С. 136–144. № I), № 59 (ср.: *Амвросий*. Ч. IV. С. 704–706. № I); Портфель III. № 5. (ср.: *Амвросий*. Ч. IV. С. 706–711. № II), № 6 (ср.: *Амвросий*. Ч. III. С. 283–286. Б/н). Текстуальное сличение показывает, что грамоты печатались с копий, хранящихся в портфелях Малиновского. Возможно, публикаторская работа Амвросия находилась в какой-то связи с деятельностью А. Ф. Малиновского, игравшего руководящую роль в Комиссии печатания государственных грамот и договоров.

⁵ *Саларев [С. Г.]* Описание разного рода российских грамот // Вестник Европы. 1819. Февр., № 4; Март, № 5.

⁶ Там же. Март, № 5. С. 44.

⁷ Вестник Европы. 1819. Февр., № 4. С. 285–287.

⁸ Там же. С. 288, примеч. 43.

ленных в жалованных грамотах. В 30-40-х годах XIX в. тезис о незыблемости помещичьего землевладения и крепостного права вошел в официальную правительственную доктрину А. С. Уварова (1832 г.). Вместе с тем тогда же правительство настойчиво стремилось использовать достигнутый уровень развития юридической мысли для укрепления пошатнувшегося положения класса феодалов и феодального государства. Кодификационные работы, публикация законов и других правовых материалов служили этой цели. Наметившаяся тенденция дала возможность некоторым прогрессивным историкам и археографам (в том числе П.М. Строеву) поставить работу по изданию исторических источников (главным образом летописных и актовых) на более широкую ногу, введя ее в рамки деятельности официального учреждения – вновь созданной императорской Археографической комиссии⁹. Акты Археографической экспедиции, напечатанные на весьма высоком для того времени археографическом уровне¹⁰, давали исследователям богатейший материал по истории политики и права, но материал, конечно, иллюстративный, случайный, что, с одной стороны, соответствовало самому принципу иллюстративности в юридическом методе буржуазной историографии, а с другой стороны, отражало трудности сбора источников при слабой централизации архивного дела и сосредоточении многих документов в руках монастырей и частных лиц. Такой же характер носило издание «Актов исторических» (1841 г.). В 1836 г. Досифей опубликовал целый ряд жалованных грамот XVI–XVII вв. Соловецкому монастырю¹¹. Сразу по основании Губернских ведомостей в 1837 г. в их «неофициальной части» (или «добавлениях») стали издаваться отдельные жалованные грамоты. Регесты значительного числа иммунитетных грамот составил А.Х. Востоков в своем знаменитом описании рукописей Румянцевского музея (1842 г.).

Несмотря на то, что публикации 30-х – начала 40-х годов создали благоприятные условия для изучения феодального иммунитета, специального исследования проблемы иммунитета в это время не велось, поднимались лишь отдельные связанные с ней вопросы, причем оставались в тени самые существенные стороны сеньориальной власти феодалов – получение податей и вотчинная юстиция. К проблеме иммунитета подходили окольным путем, начиная с обсуждения сравнительно второстепенного вопроса – о происхождении права феодала взимать таможенные пошлины в пределах своего владения. Ю.А. Гагемейстер верно подметил, что материальной базой этого права служила земельная собственность¹². У него нет типичных для позднейшей историографии попыток рассматривать феодальное право сбора таможенных пошлин в качестве результата княжеского пожалования. Вывод Гагемейстера довольно точно согласовался с правительственной концепцией, трактовавшей крупное феодальное землевладение и вытекавшие из него права как институты, не допускавшие посягательства на них со стороны центральной власти, а, следовательно, издревле независимые от нее. В. В. Григорьев, выступивший с доказательством подлинности ханских ярлыков русским митрополитам, указывал, что привилегии, зафиксированные в ярлыках, не могли быть вымышленными, ибо духовные корпорации «действительно пользовались ими издревле, так и долгое время после свержения монгольского ига»¹³. При этом он допускал возможность отмены или ограничения привилегий ханами, а впоследствии князьями¹⁴. Автор неправоммерно отрицал политические мотивы выдачи ярлыков и объяснял их проис-

⁹ ААЭ. СПб., 1836. Т. I–IV.

¹⁰ Критический разбор ААЭ дал впоследствии Н.П. Павлов-Сильванский (см.: Павлов-Сильванский Н.П. Погрешности актов Археографической экспедиции // ЛЗАК. 1904. СПб., 1907. Вып. XVI).

¹¹ Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. III.

¹² Гагемейстер Ю. А. Разыскания о финансах древней России. СПб., 1833. С. 44–45 > 77-

¹³ Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842. С. 30.

¹⁴ Там же. С. 77–78, 109.

хождение веротерпимостью монгольских ханов¹⁵. Таким образом, в его концепции иммунитет выступает как обычное право церкви, лишь подтвержденное в ярлыках. Взгляды Ю.А. Гагемейстера и В.В. Григорьева фактически нашли поддержку в работе К. А. Неволлина, который писал: «Господин для своих слуг, владелец земель для людей, на них поселенных, были по древним нашим законам природными судьями...»¹⁶. Право сеньориального суда церкви было, согласно Неволлину, только «подтверждаемо (курсив мой. – С. К.) ханскими ярлыками»¹⁷. Тезис о том, что иммунитетные привилегии возникли независимо от публичной власти, имел в условиях разложения феодально-крепостнической системы определенный классовый смысл. По существу он вполне отвечал интересам широких кругов дворянства, давая историческое обоснование их стремлению сохранить в неприкосновенности свои земельные богатства и связанные с ними вотчинные права. Появление этой концепции стало объективно возможным благодаря определенной эволюции дворянской земельной собственности в XVIII – начале XIX в. Еще в первой половине XVIII в. сохранялись живые воспоминания об условном характере дворянской собственности, о связи ее с государевым пожалованием. Посошков призывал к активному вмешательству государства в отношения между помещиком и крепостным. И позднее идеологи абсолютизма пытались представить помещиков не столько собственниками, сколько уполномоченными правительства – чиновниками, полицейскими, попечителями крестьян (Павел I, В. Н. Каразин и др.)¹⁸. Однако манифест о вольности дворянства 1762 г., жалованная грамота дворянству 1785 г. юридически оформили фактическое превращение дворянского землевладения в чистую частную собственность, не обусловленную службой государству. Эта буржуизация земельной собственности, сопровождавшаяся ростом частной (рабовладельческой) собственности на работника производства, позволила взглянуть и на иммунитетные права дворянства как на продукт частного права, расценить их в качестве частной собственности, а не политического института, созданного царским пожалованием.

В самом конце 40-х – начале 50-х годов XIX в. открыто заявила о себе и другая концепция. В исследовании, посвященном истории внутренних таможенных пошлин в России (1850 г.), Е. Осокин, полемизируя с Ю. А. Гагемейстером, полностью отрывал право феодалов на сбор таможенных пошлин от земельной собственности¹⁹. Мнение Осокина подверглось критике со стороны И.Д. Беляева, который поддержал концепцию Гагемейстера и убедительно использовал одну грамоту 1596 г. для доказательства того, что право сбора таможенных пошлин (мыта, мостовщины, перевозов) обуславливалось земельной собственностью²⁰. Несмотря на всю заурядность монографии Осокина, спор между ним и Беляевым был не частным случаем, а началом борьбы двух направлений в легальной русской историографии. По методу изучения истории оба эти течения представляются формами буржуазной историографии, однако, если точка зрения Гагемейстера – Неволлина – Беляева давала оружие в руки феодалов-землевладельцев, то концепция Осокина, наоборот, вырывала его у них и целиком подчинялась классовым устремлениям буржуазии.

Выступление идеологов буржуазии против выразителей концепций, выгодных земельному дворянству, имело под собой широкую социальную основу. К 50-м годам XIX в. классовая борьба крестьянства за ликвидацию феодального строя приобрела огромный размах. Она оказала чрезвычайно сильное влияние на буржуазную историографию, способствовала

¹⁵ Там же. С. 32–53.

¹⁶ Неволлин К. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. СПб., 1847. С. 202.

¹⁷ Там же. С. 204.

¹⁸ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. I. С. 7, 74–75, 371–372.

¹⁹ Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. С. 25–29.

²⁰ Москвитянин. 1850. Ноябрь, кн. 2, отд. IV. С. 59–61.

ее активизации. Учитывая расстановку классовых сил в стране, представители буржуазной общественной мысли стали пытаться всячески ослабить идеологические основы крепостного права. Иммуниетные права и привилегии дворянства, действительно базировавшиеся на земельной собственности, начали изображаться независимыми от этой основы, не связанными с ней. Многие источники, и прежде всего жалованные грамоты, как будто вполне позволяли сказать, что феодалы обязаны своими иммуниетными правами центральной власти, правительству, которое делегировало им часть своих государственных полномочий. Буржуазная историография выступила, таким образом, с культом центрального правительства. Дело тут объясняется, конечно, не только буквальным трактовкой жалованных грамот буржуазными историками. Это было, скорее, следствием, а не причиной абсолютизации государства.

Сущность вопроса состояла в том, что буржуазная историография накануне реформы не могла обойтись без культа правительства. С одной стороны, правительство рассматривалось ею как единственный возможный реформатор общественного строя, способный решить крестьянский вопрос путем лишения дворян их земель и иммунитета. Поэтому-то буржуазная историография стремилась доказать полную зависимость феодалов от правительства и отсутствие прочных корней феодального иммунитета в объективных факторах (феодальной собственности на землю). С другой стороны, в обстановке развернувшейся классовой борьбы народных масс идеологи русской буржуазии не видели другой представительницы «порядка» в стране, кроме самодержавно-полицейской власти царского правительства. Это также послужило важной социальной причиной абсолютизации государства в буржуазной историографии предреформенного периода.

В 50-х годах появилась уже целая плеяда историков, чьи труды проникнуты отмеченной тенденцией. Прежде всего, внутренние противоречия, из которых фактически родилась уступка вновь возникавшей концепции, обнаружились в очередной книге самого К. А. Неволлина, вышедшей в 1851 г. и посвященной истории русского гражданского права. Здесь Неволлин впервые в русской историографии широко поставил вопрос о роли жалованных грамот и характере зафиксированных в них юридических норм. Он высказал верное предположение, что жалованными грамотами «был только подтверждаем, как исключение, тот порядок вещей, который в древнейшие времена существовал сам собою по общему правилу», «... В древнейшие времена права вотчинника были не теснее, а напротив еще обширнее, чем были во времена позднейшие»²¹. Неволлин совершенно правильно рассматривал выдачу вотчинникам несудимых грамот в качестве средства ограничения их феодальной автономии²². Но его уступка новой концепции наиболее явно выразилась в том, что он находил возможным говорить об «уничтожении» судебной власти феодалов по мере окончательного укрепления государственной власти, т. е. при создании централизованного государства²³. Это допущение, проскользнувшее уже у В. В. Григорьева, имело свои политические и гносеологические корни. С политической точки зрения такая трактовка вопроса служила делу примирения старой и новой концепций на основе признания определяющей роли государственной власти для развития иммунитета.

Гносеологической базой схемы Неволлина было идеалистическое понимание исторического процесса, умение анализировать явления только в политической плоскости, без учета экономических факторов как ведущих двигателей истории. Неволлин изучал эволюцию «вотчинного права» в отрыве от социально-экономических отношений феодального строя. Он не показал источника власти феодала, которым являлась феодальная форма земельной соб-

---

²¹ Неволлин К. История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 2. С. 149.

²² Там же. С. 150.

²³ Там же.

ственности. Неволин совершенно игнорировал вопрос об экономическом господстве феодалов – получении податей, вытекавшем непосредственно из отношений собственности, и сосредоточил свое внимание лишь на политических правах феодалов, которые исследовались им вне связи с основой феодализма и экономической властью феодалов.

Историю судебного иммунитета Неволин рассматривал с точки зрения развития феодального государства. Отмеченные выше правильные суждения Неволина строились не на научном понимании структуры феодального общества, а на представлении о слабости публичной власти в раннефеодальную эпоху. Он так и объяснял свою мысль: «При слабой власти общественной сильный вотчинник в пределах своей земли был самовластным господином»²⁴. Сделав вывод, что централизованное государство уничтожило судебный иммунитет, Неволин впал в видимое противоречие не только с историческими фактами, но и с фактами окружающей его действительности. Судебные права помещиков в отношении крестьян были хорошо известны самому автору. Чтобы ликвидировать это противоречие, он приводил следующее рассуждение: «Хотя владельцы населенных имений были естественными судьями своих крепостных в их делах между собою, но право суда в этом случае было совершенно отлично от принадлежавшего прежде вотчинникам права судить людей свободных, живших в вотчинных землях»²⁵.

На самом деле коренного различия между судом феодала в раннефеодальную эпоху и вотчинным судом периода позднего феодализма нет. И в том, и в другом случае крестьянин выступает как лично несвободный в силу феодальной формы земельной собственности. Говоря о судебных полномочиях феодалов во времена позднего феодализма, Неволину пришлось назвать землевладельцев «естественными судьями» и на этом закончить объяснения. Характерные для схемы Неволина тенденции – показ иммунитетных привилегий феодалов в отрыве от феодальной собственности на землю и попытка обусловить их степень полноты государственной власти – по существу ослабляли позиции сторонников дворянской теории иммунитета. Во всяком случае, Неволин не выдвинул на передний план их важнейший аргумент (земельную собственность), ограничившись ссылками на «естественные», обычные права вотчинников.

Буржуазно-дворянская теория обычного права вотчинников, несомненно, перекликалась со взглядами представителей естественно-исторической школы в области изучения литературных памятников, особенно летописных и переводных (И. И. Срезневский, М. И. Сухомлинов, А. Н. Пыпин). Середина 40-х – середина 50-х годов XIX в. – кульминационный момент развития естественно-исторической школы. К началу крестьянской реформы ее идеи были почти совершенно вытеснены из русской историографии. Для естественно-исторической школы типично стремление отыскивать корни того или иного явления не во внешних факторах, а в естественных потребностях людей и самостийно возникших порядках. Историкам этого направления было несвойственно усматривать первоисточники древних обычаев в иностранных влияниях и в правотворчестве государства. Такая позиция позволила естественно-исторической школе внести большой вклад в отечественную науку.

Однако главная слабость естественно-исторической школы, определившая крах последней накануне реформы, заключалась в ее попытке совершенно абстрагироваться от рассмотрения человеческого общества как социально неоднородного, разделенного на классы²⁶. Желание обойти проблему классовых и даже политических противоречий феодального строя, объяснение всех явлений человеческими потребностями вообще – все это показывает крайне незрелый характер буржуазного гуманизма данного течения, которое своим

---

²⁴ Там же. С. 149.

²⁵ Там же. С. 150–151.

²⁶ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С. 576, 585.

полным затушевыванием социальных конфликтов в древнерусском обществе в значительной мере служило интересам земельного дворянства. Определение вотчинных порядков в качестве обычного или «естественного» права феодалов отражало в условиях господства крепостнической системы классовую ограниченность и политическую тенденциозность авторов. Маркс указывал, что «обычные права благородных по своему содержанию восстают против формы всеобщего закона... они являются *обычным бесправием*»²⁷.

Если у Неволлина уступка новой теории делалась в скрытой форме, а в основном он защищал старую точку зрения, то уже в трудах двух крупнейших буржуазных историков середины XIX в. – С. М. Соловьева и Б.Н. Чичерина – была дана совсем иная постановка вопроса о жалованных грамотах. В четвертом томе своей «Истории России», изданном в 1854 г., Соловьев исследовал главным образом льготные грамоты. Он первый более или менее широко обоснован взгляд на жалованные грамоты как на документы, содержащие реальные льготы. В оценке льготных грамот Соловьев исходил из предположения, что колонизационный процесс являлся важнейшим фактором исторического развития русского народа в Средние века. Историю Руси XIV–XV вв. С.М. Соловьев считал историей «страны, которая колонизируется». «Населить как можно скорее, перезвать отовсюду людей на пустые места, приманить всякого рода льготами... – вот важные вопросы колонизирующейся страны». Отсюда, по его мнению, «легко понять происхождение... льготных грамот, жалующих землевладельцам, населителям земель»²⁸.

Соловьев дал чисто юридический разбор вотчинных прав, зафиксированных в грамотах, без выяснения первоисточников этих прав²⁹. Строго говоря, концепция Соловьева не была до конца четкой, так как оставалось гадать, считает ли автор государственную власть, носители которой выдавали льготные грамоты, творцом иммунитета, или он видит в ней просто силу, расширявшую иммунитет. В последнем предположении сомневаться не приходится: в отличие от Неволлина, рассматривавшего иммунитетные акты как средство ограничения вотчинных прав, Соловьев представлял их в виде документов, увеличивающих объем иммунитета. Крайне важно признание автором выдающейся роли государства в создании зависимых отношений между вотчинниками и крестьянами: согласно схеме Соловьева, без помощи государства, без льгот с его стороны земельные собственники не смогли бы населить свои вотчины. В середине 50-х годов XIX в. этот вывод отвечал политическим интересам буржуазии, а не дворянства. Таким образом, своей трактовкой льготных грамот Соловьев расчистил дорогу для представителей государственной школы. Он еще не сформулировал вполне определенно, что именно льготные грамоты создавали весь комплекс иммунитетных привилегий, однако самим ходом рассуждений автора читатель подводился к этому выводу.

В обстановке борьбы за ликвидацию крепостного права проблема жалованных грамот нашла отклик у идеологов русской революционной демократии. Н. Г. Чернышевский, опубликовавший в том же 1854 г. рецензию на четвертый том «Истории» Соловьева, уделил этой проблеме особое внимание. Он резко выступил против идеализации феодального государства, содержащейся в книге Соловьева. Поставив под сомнение тезис Соловьева насчет исключительной заботы государства о заселении территории, Чернышевский дал замечательное по своей глубине объяснение политических мотивов выдачи льготных грамот: «Скорее давались они для того, чтобы привязать к себе, удержать волость от принятия в кня-

---

²⁷ Маркс К. Дебаты шестого Рейнского ландтага (статья третья) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. I. С. 126.

²⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. II. С. 648.

²⁹ Там же. С. 493, 535–539, 601–602 и др.

зья соперника, нежели с тем, чтобы привлечь новое население. Об этом думали гораздо меньше»³⁰.

Таким образом, хотя Н. Г. Чернышевский и не остановился в своей статье на экономической обусловленности содержания жалованных грамот, он сумел глубже современных ему и последующих буржуазных историков понять политический смысл предоставления льготных грамот в период феодальной раздробленности: они являлись важным средством борьбы князей за расширение территории княжеств. Только в советской исторической науке эта мысль Н. Г. Чернышевского нашла развитие и подтверждение (Л. В. Черепнин ярко показал роль жалованных грамот в деле централизации России). Трактовка Чернышевского была глубоко научной и потому, что ею фактически отрицалась возможность создания иммунитета при посредстве льготных грамот – князьями, государством. В русской дореволюционной историографии точка зрения Чернышевского осталась одинокой, хотя она открывала чрезвычайно широкие перспективы для исследования политической истории России. Буржуазная историография не могла и не хотела принять ее, так как подобный взгляд на жалованные грамоты, во-первых, не соответствовал классовым и политическим задачам идеологов русской буржуазии, а во-вторых, он находился в противоречии с абстрактно-юридическим методом буржуазной историографии, предполагая необходимость конкретно-исторического подхода к выяснению причин выдачи каждой исследуемой грамоты.

Книга Соловьева дала толчок для дальнейшей абсолютизации роли государства в деле создания иммунитета. В 1855 г. Е. Осокин напечатал свой полемический ответ на рецензию И. Д. Беляева, где отрицал всякую связь между земельной собственностью, с одной стороны, административным и на этот раз даже податным иммунитетом – с другой. «Было бы произвольно и неосновательно предполагать, – писал он, – что право взимания торговых пошлин, даже прямых податей, соединялось с правом на поземельную собственность»³¹.

По пути, проложенному Соловьевым, пошел Б.Н. Чичерин, который, критикуя родовую теорию Соловьева, углубил абсолютизацию государства, имевшуюся в трудах Соловьева. Чичерин не понял специфики общественных отношений феодального строя. Рисую отношения между феодалом и крестьянами по образцу отношений буржуазной аренды³² и считая крестьян (до XVI в.) свободными³³, Чичерин вместе с тем представлял отношения между феодалом и холопами как отношения рабовладельческого строя³⁴.

Таким образом, средневековый экономический уклад Руси в его изображении выступал в виде некоторой комбинации рабовладельческой и буржуазной общественных структур.

Чичерин противопоставлял порядки эпохи феодальной раздробленности как проявление господства частного права крепостничеству XVIII–XIX вв. как форме служения государству³⁵. Все развитие производственных отношений в феодальной деревне с удельных времен до середины XIX в. трактовалось им с точки зрения взаимной смены частных и государственных отношений: частное право до XVI в., система повинностей до Екатерины II (всеобщее закрепощение сословий), раскрепощение дворянства при Екатерине («награда за долговременное служение отечеству») и предстоявшая отмена крепостного права («вековые

---

³⁰ Чернышевский Н. Г. ПСС. М., 1949. Т. II. С. 401.

³¹ Осокин Е. Несколько спорных вопросов по истории русского финансового права // Юридический сборник Дм. Мейера. Казань, 1855. С. 555.

³² «Они платили ему подати, оброки, несли повинности за владение землею (курсив мой. – С. К.), а в этом состояла его сила. Но при бродячем духе народонаселения удержать их было невозможно» (Чичерин Б. Н. Холопы и крестьяне в России до XVI века // Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 176).

³³ Чичерин Б. Н. Опыты... С. 158, 175 и др.

³⁴ Там же. С. 164–165, 176 и др.

³⁵ Там же. С. 164, примеч.; 229–230.

повинности должны замениться свободными обязательствами»³⁶. Таким образом, в схеме Чичерина был заложен известный элемент «отрицания отрицания»: от частных отношений средневековой Руси (без государства) через закрепощение сословий государством к частным отношениям нового времени (в рамках государства). Но Чичерин не видел *качественного* отличия «частных» отношений удельной Руси от «частных» отношений буржуазного типа³⁷. Единственным критерием оценки их особенностей служил для него факт наличия или отсутствия централизованной государственной власти.

Отрицая наличие «государства» до XVI в., Чичерин вместе с тем сумел уловить элемент общности между князем и вотчинником как представителями власти по отношению к крестьянам, хотя самую власть он считал частным правом: «...Каждая вотчина представляла собою маленькое княжество, точно так же, как княжество было не что иное, как большая вотчина. В обоих господствовали одни и те же начала – начала частного владения. Все, что составляет насущную потребность общества, с этой точки зрения превращалось в частную собственность, рассматривалось как доходная статья»³⁸. Чичерин прямо признавал княжескую власть источником вотчинной юстиции. Суд, по его мнению, «отчуждался в частные руки жалованными грамотами частным лицам и монастырям». Право вотчинного суда, утверждал Чичерин, – «особенная милость князя»³⁹.

Выдачу грамот духовным учреждениям Чичерин объяснял также и благочестивыми мотивами⁴⁰. При этом роль феодальной собственности на землю как источника иммунитета сводилась им к нулю при помощи тезиса о кочевом духе народонаселения в удельное время⁴¹. Правильно считая, что вотчинная власть не являлась формой выполнения общественной службы, Чичерин вообще отрицал наличие элементов публичного права в сеньориальной юрисдикции: «...В удельный период в вотчинной Руси суд имел характер не общественной должности, а частной собственности», его отчуждение князьями было «не государственною мерою», «а подарком князя вследствие расположения его к известному лицу»⁴². Грамотчиков, по мнению автора, интересовало не само право суда, а доходы от судопроизводства⁴³. Эта модернизация Чичериным общественных отношений феодального строя отражает не только ограниченность его представления об иммунитетных правах в средневековой Руси, но и определенную политическую тенденциозность в их интерпретации. Русская действительность 50-х годов XIX в. была одной из причин, позволявших настаивать на частном характере сеньориальной власти феодалов.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что именно те отношения, которые сам Чичерин считал «не частным укреплением лица за лицом, а властью, врученной

³⁶ Там же. С. 231.

³⁷ Правда, он указывал, что «землевладелец был не столько хозяин, сколько князь своей вотчины; цель его состояла не в экономическом устройстве имения, а в сохранении вотчинных прав, которые вовсе не имели хозяйственного характера...» (Чичерин Б.Н. *Опыты...* С. 219).

³⁸ Чичерин Б.Н. *Опыты...* С. 217.

³⁹ Чичерин Б.Н. *Областные учреждения в России*. М., 1856. С. 19, 31.

⁴⁰ Чичерин Б.Н. *Опыты...* С. 179–180, 210.

⁴¹ Анализируя грамоту 1450 г. митрополита Ионы Андрею Афанасьеву, автор замечает: «Здесь видно стремление к образованию такого же иерархического порядка землевладельцев, как в феодальном мире на Западе. Духовное лицо, монастырь получают от князя земли, а вместе с тем и *соединенные с ними права и льготы* (курсив здесь и далее в этой цитате мой. – С. К.), сами же они в свою очередь передают эти права и льготы людям, *которые поселяются на их земле и через это делаются от них зависимыми*. Но у нас вследствие всеобщего разведения и кочевания этот порядок никогда не мог получить такой определенности, как на Западе...» (Чичерин Б.Н. *Опыты...* С. 182).

⁴² Чичерин Б.Н. *Областные учреждения...* С. 19–20; ср.: С. 23; *Он же*. *Опыты...* С. 179–180.

⁴³ Чичерин Б.Н. *Областные учреждения...* С. 17; *Он же*. *Опыты...* С. 211, 216.

правительством одному сословию, и обязанностями, наложенными на другие»⁴⁴, обусловили его концепцию «частного» характера средневековых порядков.

Крепостничество конца XVIII – середины XIX в. приобрело, как известно, много черт рабовладения, что способствовало резкому увеличению элементов частного права во всех вотчинных институтах и потере ими в значительной степени облика учреждений, как-то сочетающих в себе частноправовые и публично-правовые функции. С усилением частного элемента в юрисдикции и других политических правах феодалов феодализм становился несколько более понятным представителям буржуазной общественной мысли, которые начали рассматривать его в свете категорий буржуазной политэкономии и юриспруденции, неслучайно пользуясь при этом формулами рабовладельческого римского права, оперировавшего нормами «чистой» частной собственности. Параллельное развитие буржуазных отношений было основой этого процесса. Но если сначала буржуазные юристы только удовлетворяли запросы крепостников⁴⁵, то по мере роста классовой борьбы народных масс за ликвидацию феодализма модернизация сущности феодальных отношений превратилась в способ критики их. В самом деле, утверждая, что феодальная юстиция и прочие политические права феодалов не есть общественная функция, буржуазная историография подводила читателя к выводу о ненужности феодалов как организаторов народной жизни в раскрепощенном обществе.

Итак, новые буржуазные теории начали трактовать жалованные грамоты, а через них – государственную власть, в качестве источника иммунитетных привилегий. Они открывали иммунитет от феодальной собственности на землю. Эти взгляды искажали подлинное положение вещей, к пониманию которого ближе были историки, проводившие точку зрения, выгодную земельному дворянству. Однако появление указанных буржуазных концепций имело и определенное положительное значение. Во-первых, они наносили удар по теории незыблемости и законности крепостного права. Во-вторых, признание жалованных грамот основой вотчинных привилегий дало мощный толчок для их исследования в юридическом плане. Выразители старой концепции, считая, что жалованные грамоты только подтверждали или ограничивали реальные права, по существу не интересовались ими как историческими памятниками. Новые теоретики, резко преувеличив и исказив действительную роль жалованных грамот, не могли не поставить на очередь дня задачу их подробнейшего изучения, ибо жалованные грамоты были теперь объявлены единственным источником всех сеньориальных прав.

Конец 50-х – 60-е годы XIX в. явились самым насыщенным этапом изучения жалованных грамот в русской историографии, причем, в рамках данного периода активнее всего жалованные грамоты исследовались в 1858–1863 гг. Это объясняется тем, что ни до, ни после рассматриваемого отрезка времени проблема сеньориальной власти вообще и крепостного права в частности не была предметом столь острых политических споров, никогда в другие периоды русской истории столкновение классовых интересов на почве борьбы за отмену феодальных податных и судебных привилегий не носило столь широкого, всеобщего характера. В годы революционной ситуации (1859–1861) в центре внимания буржуазной историографии находилась не публикация, а источниковедческий анализ жалованных грамот. В первой половине XIX в. не существовало гармонического единства между печатанием иммунитетных грамот и их исследованием. В условиях, когда социально-экономи-

---

⁴⁴ Чичерин Б.Н. Опыты... С. 164, примеч.

⁴⁵ Отмечая характерное для позднего феодализма стремление феодалов превратить крестьян в крепостных, а общинную землю – в господскую, Энгельс писал: «В этом князьям и дворянам помогали юристы, изучившие римское право, которые своим применением норм римского права к германским отношениям, большей частью не понятым ими, сумели создать безграничную путаницу, и притом такую, что благодаря ей господин всегда был в выигрыше, а крестьянин постоянно в проигрыше» (Энгельс Ф. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 340).

ческое развитие России и рост внутренних потребностей исторической науки выдвинули изучение жалованных грамот на передний план, исследовательская работа по этой теме не могла быть сколько-нибудь широко развернута в силу официального запрещения обсуждать крестьянский вопрос.

Буржуазная историография прибегла тогда к языку самих источников (написанных от лица носителей верховной власти – князей и царей), т. е. начала в довольно крупных масштабах издавать жалованные и указные иммунитетные грамоты (30-40-е годы XIX в.). В конце 40-х – 50-х годах XIX в., несмотря на сохранение старого запрета, в обстановке назревания революционной ситуации источниковедческая мысль работала гораздо интенсивнее, чем раньше, а темпы накопления сырого материала (публикация иммунитетных грамот), несколько снизились в центре⁴⁶, хотя издательская деятельность на местах продолжала развиваться. В годы революционной ситуации эта тенденция раскрылась до конца.

Более того, в 60-х годах была теоретически обоснована необязательность дальнейшей публикации жалованных грамот. По мнению писавшего в это время А. Н. Горбунова, новые материалы не смогли бы ничего прибавить к тому, что стало известно из напечатанных образцов. Грамотами, напечатанными в провинциальных изданиях, ведущие историки почти не пользовались как вследствие недостаточной осведомленности об этих изданиях, так и в силу специфической особенности буржуазной историографии, которая главным в исследовании жалованных грамот считала юридический анализ, а потому часто обходилась «известными образцами», не стремясь привлечь к изучению жалованные грамоты во всей их совокупности.

Охарактеризованное положение вещей объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, публикации первой половины XIX в. создали достаточно солидную базу для исследования жалованных грамот. Документы, таким образом, имелись, а специальных источниковедческих работ на данную тему не существовало. Само развитие исторической науки требовало отвлечься от накопления сырого материала и заняться его осмыслением. Во-вторых, политическое положение в годы революционной ситуации было таково, что язык источников казался уже слишком невнятным ответом на вставшие вопросы современности. Чувствовалась нужда в остром слове исследователя. В-третьих, буржуазная историография не выдвигала проблему изучения политических причин возникновения каждой конкретной группы жалованных грамот.

Буржуазные исследователи ограничивали свою задачу выяснением юридической основы феодальных привилегий, т. е. вопроса, наиболее актуального (из всей проблематики жалованных грамот) в период революционной ситуации. Как в силу этого момента, так и вследствие юридического характера буржуазной историографии вообще, буржуазное источниковедение конца 50-х – начала 60-х годов интересовалось лишь описанием правовых норм, зарегистрированных в жалованных грамотах. Кроме того, *развитие* самих правовых норм жалованных грамот также мало занимало буржуазную историографию середины XIX в., метафизическую в основе своей и сконцентрировавшую свое внимание на решении общего вопроса об источниках сеньориальной власти.

Подобный подход к жалованным грамотам действительно позволял удовлетвориться «известными образцами» и не предполагал введения в научный оборот всего комплекса исследуемых актов. Некоторое ослабление источниковедческого исследования жалованных грамот после 1861 г., обусловленное уменьшением актуальности этой темы в связи с законодательным оформлением отмены сеньориальной власти феодалов, сопровождалось известным оживлением публикаторской деятельности⁴⁷.

---

⁴⁶ Из крупных изданий можно назвать только: ДАИ. СПб., 1846. Т. I; АЮБ. СПб., 1857. Т. I.

⁴⁷ Наиболее значительные публикации: АЮБ. СПб., 1864. Т. II; Сборник П. Муханова. М., 1866. Вып. II; *Горчаков М.*

В годы революционной ситуации выделилось три направления в области исследования жалованных грамот. Первое представлено трудами, в которых делались попытки соединить или примирить старую теорию обычного права землевладельцев с новой буржуазной концепцией в разных ее вариантах. В 1859 г. вышла в свет книга Ф.М. Дмитриева о судебных инстанциях 1497–1775 гг. Одной из тем, затронутых автором, являлись судебные привилегии феодалов-землевладельцев. Ф.М. Дмитриев глухо заметил, что «вотчинниковы и помещичьи крестьяне судились своим вотчинником или помещиком на основании землевладельческого права»⁴⁸. Этим он в какой-то степени солидаризировался с теоретиками обычного права. Однако дальше Дмитриев целиком встал на точку зрения Чичерина. Говоря о судебных привилегиях вообще, он утверждал: «... Все дело основывалось на одной милости»⁴⁹. «Драгоценное право не подлежать местной расправе» давалось, по словам автора, жалованными грамотами⁵⁰.

Характеризуя вотчинный суд монастырей и церкви, Дмитриев вслед за Чичериным рассматривал его только как источник дохода (судебных пошлин), «как облегчение в повинностях»⁵¹. В другом месте автор мотивировал выдачу несудимых грамот злоупотреблениями наместников и их агентов. «Недостатки древней администрации, которая была иногда чрезвычайно обременительна для лиц подвластных, – писал он, – повели к многочисленным исключениям из области подсудности»⁵².

Если в книге Дмитриева старая и новая концепции соединялись чисто механически, а в основном автор поддерживал новую теорию (Б. Н. Чичерина), то в монографии В. А. Милютин компромиссная тенденция получила логическое обоснование. Исследование Милютин «О недвижимых имуществах духовенства в России» начало печататься в 1859 г.⁵³ Жалованным грамотам автор посвятил специальную главу⁵⁴. Милютин впервые дал систематическое и подробное изложение основных юридических норм, зафиксированных в жалованных грамотах, отметил составные части жалованных грамот XIV–XVII вв., рассмотрел разные формы подтверждения грамот. В этой же работе Милютин поместил главу, где описывалась внутренняя жизнь монастырских вотчин, – сбор податей с крестьян, организация суда над ними⁵⁵.

Автор, разумеется, не ставил перед собой цели путем такого двустороннего показа реально существовавших вотчинных порядков и их юридического оформления в жалованных грамотах прийти к каким-либо выводам относительно природы монастырского иммунитета. Двусторонняя характеристика получилась у Милютин стихийно – в силу его стремления описать наиболее полно землевладение и права духовных корпораций. Хотя автор и говорит о тесной взаимосвязи «явлений юридических» с явлениями «хозяйственными»⁵⁶, органического единства между отмеченными двумя главами нет. Основой финансовых и судебных привилегий церковно-монастырских корпораций Милютин считал жалованные

О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. СПб., 1871. Прил.

⁴⁸ Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 101.

⁴⁹ Там же. С. 103.

⁵⁰ Там же. С. 91.

⁵¹ Там же. С. 101. Ср. с. 73, 92, 100.

⁵² Там же. С. 91.

⁵³ См.: Чтения ОИДР. 1859. Кн. IV; 1860. Кн. III; 1861. Кн. I–II. Далее даются ссылки на издание 1862 г. Работа эта была написана до 1855 г. (в 1855 г. В. А. Милютин погиб), но для нас важна ее роль в качестве печатного произведения.

⁵⁴ Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862. Гл. V. С. 165–272.

⁵⁵ Там же. Гл. VI.

⁵⁶ Там же. С. 273.

грамоты. Не случайно разбор жалованных грамот предшествует у него анализу внутренних порядков, царивших в монастырских вотчинах.

Пытаясь выяснить «общие» причины выдачи жалованных грамот, Милютин апеллировал к теории обычного права⁵⁷. Однако, отмечая в декларативной форме всеобщий характер привилегий, утвердившихся в силу «обычного права», Милютин не распространял это положение на иммунитет духовных корпораций. Вотчинную власть монастырей и церкви Милютин рассматривал как результат пожалований со стороны княжеских и царских правительств, отрывая ее от феодальной собственности па землю. В предоставлении духовным учреждениям иммунитетных прав Милютин видел «обычай», который «получил начало свое в Греции». Основными причинами, побуждавшими носителей верховной власти к выдаче грамот монастырям, Милютин считал «любовь к вере» и «желание окончательно обеспечить содержание и благосостояние духовного сословия»⁵⁸. Конкретный разбор жалованных грамот дан Милютиным в метафизическом духе. Выводя средние нормы иммунитета XIV–XVII вв., автор совершенно не показал развития экономической и политической власти феодалов.

Рост компромиссных настроений в буржуазной историографии периода революционной ситуации объясняется ее страхом перед развернувшимся в стране народным движением. Попытка совместить признание исконности землевладельческих и иммунитетных прав светских феодалов с показом решающей роли государства в деле создания феодальных привилегий имела определенный классовый смысл. Она должна была привести к выводу о том, что помещичьи права – это древняя «частная собственность», которая требует уважения к себе и не может попирацца всеми и каждым: только государство располагает правом ее ликвидировать. Чисто буржуазная модернизация феодального строя в чичеринском духе в сочетании с подчеркиванием обычных прав землевладельцев оказалась удобным средством оправдания намеченной правительством реформы, причем именно в том виде, в каком она была задумана и впоследствии осуществлена на практике – буржуазной по содержанию, крепостнической по форме.

Логический прием, допускавший это, строго говоря, эклектическое смешение теорий, состоял в довольно искусственном противопоставлении землевладения светских лиц землевладению духовных учреждений. Наиболее ясно указанные формы землевладения противопоставлялись в монографии Милютина. Гносеологически такое противопоставление было возможно вследствие крайне ограниченного понимания буржуазной историографией природы обычного права «благородных». Обычное право связывалось только с отсутствием или слабостью государственной власти в древности. Вместе с тем, определенная экономическая структура, порождаящая «обычные права» феодалов, игнорировалась.

Конечно, при такой методологии не представляло особенного труда отыскать принципиальную разницу между светским и духовным землевладением и объявить одно основанным на обычном праве, другое – на княжеской милости. Впрочем, историки, писавшие в 40-х годах, отличились здесь большей наблюдательностью. У Неволлина, например, нет указанного противопоставления (он отмечал, что судебные права духовенства «подтвержда-

⁵⁷ Выдача грамот обуславливалась, по мнению Милютина, двумя главными факторами: во-первых, тенденцией «всех элементов тогдашнего общества» к корпоративности, во-вторых, «страдательным положением тогдашней законодательной власти, которая, при господстве обычая, служившего первоначально важнейшим источником права, не иначе могла обнаруживать свою деятельность, как только признанием юридических начал, образовавшихся независимо от нее, или же установлением в пользу известных, определенных лиц частных, специальных изъятий из общего, имевшего силу закона, обычая». Установление привилегий, продолжал далее Милютин, составляло «естественный и необходимый переход от господства обычного права к самостоятельности законодательной власти» (*Милютин В. Указ. соч. С. 195*). В. Шульц несправедливо относит Милютина к числу тех, кто понимал привилегии исключительно как княжеские пожалования (*Schulz W. Op. cit. S. 72 u. Anm. 71–72*).

⁵⁸ *Милютин В. Указ. соч. С. 165, 193–194, 220.*

лись» ханскими ярлыками). Значит, безусловно, на углубление идеалистической концепции иммунитета в конце 50-х – начале 60-х годов повлияла политическая обстановка в стране. Правоведы типа Милютина и Дмитриева заняли двойственную позицию. Признавая обычные права вотчинников и помещиков, они в центре исследования поставили все же государственную власть в роли создательницы иммунитетных привилегий, но сместили плоскость, в которой изучалась эта проблема, так, чтобы речь шла о политически менее острых вопросах, а к ним в середине XIX в. и принадлежала тема церковно-монастырского феодального землевладения, ликвидированного еще в XVIII в.

Исследование монастырских жалованных грамот стимулировалось, кроме того, их численным преобладанием над грамотами светским лицам и большим проникновением в печать. Однако само по себе это обстоятельство мало что объясняет. Для середины XIX в. как раз показательно отсутствие ясно выраженного стремления отыскивать и широко публиковать жалованные грамоты светским феодалам. Не случайно издания 60-х – начала 70-х годов вводили в научный оборот почти исключительно церковно-монастырские грамоты, чего нельзя сказать про «Акты Археографической экспедиции» и «Акты исторические», напечатанные в 30-х – начале 40-х годов.

Второе течение в историографии жалованных грамот, наметившееся в годы революционной ситуации, выросло из тех же тенденций, которые были источником уже рассмотренного первого направления. Только здесь все носило более последовательный характер. Исследователи второго направления совершенно не затрагивали проблему светского иммунитета, поэтому обходились как без концепции обычного права, так и без схемы Чичерина. Вообще второе течение отмечено упадком теоретической мысли. В центре его внимания находилась государственная власть, милостиво наделявшая привилегиями духовных феодалов. Во втором течении еще яснее, чем в книге Милютина, проявилось стремление буржуазной историографии показать церковь и государство в ореоле тесного единения и бескорыстной взаимной любви. Эта дополнительная черта историографии конца 50-х – 60-х годов понятна в свете острой классовой борьбы периода подготовки и проведения реформы.

Буржуазная историография проповедовала союз церкви и государства, так как видела, что без достаточного идеологического нажима со стороны церкви государству трудно будет справиться с народным движением и осуществить реформу в том урезанном виде, какой ей придавали на практике помещики. Таким образом, в трудах историков второго направления для утверждения культа государства избиралась наиболее идеалистическая и вместе с тем претенциозная основа. Во время подготовки реформы начал печатать свою монографию самый видный представитель этого течения А. Н. Горбунов. Издание его исследования растянулось на 10 лет (с 1860 до 1869 г.)⁵⁹. Работа Горбунова явилась первым специальным научным трудом, целиком и полностью посвященным изучению жалованных грамот. Автор проанализировал свыше 200 опубликованных жалованных грамот XIII–XV вв. монастырям и церквам. По теме, трактовке церковно-монастырского иммунитета и методу исследования источников работа Горбунова близка к сочинению Милютина.

В представлении Горбунова иммунитет не был институтом определенной исторической эпохи. Приобретение привилегий духовными корпорациями Горбунов, подобно Милютину, считал византийским «обычаем», занесенным на Русь. До монгольского нашествия, – рассуждал автор, – единственным «основанием» предоставления церкви материальных преимуществ было благочестие князей. Со «времен монголов» появились и другие «основания»: во-первых, пример самих монголов, во-вторых, «желание заселить порожние земли... и получить с них скорее незначительный доход, чем не получить никакого» (модификация

---

⁵⁹ Горбунов А. Н. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII–XIV и XV веках // АИПС-2. СПб., 1860. Кн. I; СПб., 1863. Кн. V; СПб., 1869. Кн. VI.

посылки С.М. Соловьева), в-третьих, стремление князей «к обузданию... варварских понятий», по которым князья были «вольны» по отношению к монастырям: хотели жаловали их, хотели – грабили⁶⁰.

Горбунов в наиболее откровенной форме развил идеалистический взгляд на феодальный иммунитет. Он усматривал источник феодального иммунитета в княжеском «благочестии», в княжеской «милости». Анализ содержания жалованных грамот носит у Горбунова такой же метафизический характер, как и в сочинении Милютина: автор дает свод юридических норм, зафиксированных в жалованных грамотах, и представляет его в виде чего-то застывшего, неизменного. Устанавливая «средние» нормы иммунитета XIII–XV вв., Горбунов не мог показать *развития* правового содержания жалованных грамот⁶¹. Печатью излишнего схематизма отмечена и предложенная Горбуновым первая в русской историографии развернутая классификация жалованных грамот. Достоинство ее состоит в том, что она в известной мере принимала во внимание деление жалованных грамот на акты, предоставляющие земельные пожалования, и акты, закрепляющие разного рода финансовые и судебные привилегии⁶².

Тематически и методологически к исследованию Горбунова примыкает вышедшая в конце изучаемого периода работа М. И. Горчакова, целью которой было доказать существование в древней Руси обоюдного уважения и согласия между представителями духовной и светской власти при верховенстве последней⁶³. Не случайно автор занялся изучением именно митрополичьего (а также патриаршего и синодального) землевладения. Его интересовал союз государства с главой церковной организации в России, т. е. тема, актуальная политически в конце 60-х – начале 70-х годов XIX в. Феодальные привилегии духовных корпораций автор считал милостью князей, обусловленной необходимостью оградить церковно-монастырские вотчины от корыстолюбия и незаконных действий местных властей.

Льготы, по мнению Горчакова, распространялись не на все земли митрополии, а лишь на «отдельные участки». Прекращение действия грамоты приводило к тому, что прежде льготные земли «входили снова в те общие отношения к государству, из которых они были изъяты грамотою». Таким образом, жалованная грамота фигурировала в схеме Горчакова в роли создательницы иммунитета⁶⁴.

Большой интерес представляет третье течение в историографии жалованных грамот периода революционной ситуации 1859–1861 гг. Накануне отмены крепостного права проблема вотчинной власти феодалов была животрепещущим вопросом, к решению которого весьма своеобразно подошел один из видных теоретиков славянофильства К. С. Аксаков. В основе его концепции лежала мысль о господстве общинного начала в средневековой Руси. Аксаков отрицал факт существования феодальной собственности на землю: «Значение вотчинников не было значение собственников»⁶⁵. Вотчинник, по мнению Аксакова, являлся не господином, а должностным лицом, чем-то вроде наместника: «Вотчинник имел государственное значение и потому не был господином, баринном. Он был похож на тех мужей, которым в первой древности раздавали города в управление, даже на князей удельных»⁶⁶. В соответствии с этим взглядом К. С. Аксаков рассматривал все податные и судебные привилегии вотчинников как кормления, полученные ими от князей.

---

⁶⁰ Горбунов А. Я. Указ. соч. // АИПС-2. СПб., 1860. Кн. I. С. 6–9.

⁶¹ Подробную и обоснованную критику классификационной схемы Горбунова дал Л. В. Черепнин (*Черепнин Л. В. Указ. соч.* С. 98–99).

⁶² Горбунов А. Я. Указ. соч. // АИПС-2. СПб., 1860. Кн. I. С. 6–7.

⁶³ Горчаков М. Указ. соч. С. 250, 253, 258; ср. выше, примеч. 47.

⁶⁴ Там же. С. 251–254.

⁶⁵ Аксаков К. О состоянии крестьян в древней России // Соч. М., 1861. Т. I. С. 415.

⁶⁶ Там же. С. 416; ср. с. 417, 421.

Свою точку зрения Аксаков изложил совершенно конкретно: «Есть выражение: *с судом и с данью*. Очевидно, что вотчинник судил крестьян и людей своих не своим произвольным, но установленным государственным судом и брал за суд определенные пошлины, в чем состояла выгода вотчинника»⁶⁷. Но раз вотчинник не был барином, собственником, значит, крестьяне являлись свободными людьми. Разобрав многие жалованные грамоты, изданные в «Актах Археографической экспедиции» и в «Актах исторических», Аксаков кратко резюмировал: «Видно из актов, что крепостные деревни имели все права свободных»⁶⁸. Государство же в схеме Аксакова выступало в роли надклассовой силы. В итоге получалась, таким образом, иллюзия полной гармонии интересов государства и народа. Концепция Аксакова содержала в себе самое последовательное и прямолинейное отрицание факта наличия феодализма в древней Руси: отрицалась, во-первых, феодальная собственность на землю, во-вторых, экономическая и политическая власть феодалов в качестве атрибута феодальной формы земельной собственности. Использование жалованных грамот славянофилом Аксаковым имело ярко выраженную политическую заостренность⁶⁹.

Внешне концепции Чичерина и Аксакова представляли собой две взаимоисключающие крайности⁷⁰. Если Чичерин сводил феодальный иммунитет к частному праву, то Аксаков рассматривал иммунитетные привилегии лишь как проявление публичного права. Феодальные порядки модернизировались Чичериным по образцу чисто буржуазных отношений, теория же Аксакова идеализировала феодальный строй, изображая его свободным от частной собственности. Схема Аксакова возникла в качестве реакции на классовую борьбу крестьянства в условиях, когда отмена крепостного права стала исторически неизбежной. Между взглядами Аксакова и буржуазной теорией Чичерина было значительное внутреннее единство: культ государства, признание лишь его правомочным органом для осуществления реформы, точка зрения относительно важности для феодалов сеньориального суда только как доходной статьи, кормления. Вместе с тем, если Чичерин, отвергая тезис о публичном характере власти феодала в период «свободы» крестьян, подводил читателя к выводу, что в условиях «свободы» помещики не нужны в качестве организаторов народной жизни, то Аксаков своей теорией публичных функций помещика поднимал авторитет феодального сеньора, изображал его необходимым должностным лицом, а ренту и судебные пошлины – вознаграждением за исполнение общественной службы. Таким образом, по Аксакову, помещик должен был стать центральной фигурой в политической жизни пореформенного периода, руководителем и попечителем освобожденных крестьян. Создание дворянского института мировых посредников Аксаков поэтому вполне мог бы рассматривать как непосредственный вывод из его теории.

С теорией Аксакова совпадает в главных чертах концепция другого славянофила – И.Д. Беляева, выступившего в 1859 г. с известной монографией о крестьянах. Беляев считал русских крестьян равноправным классом общества вплоть до I ревизии и последующих законов Петра III и Екатерины II⁷¹. Признавая их гражданскую свободу, «полную собственность на землю»⁷², Беляев по существу отрицал наличие феодальной собственности на землю. В отличие от статьи 1850 г., где автор связывал вотчинные права на сбор пошлин с землевладением, в монографии 1859 г. привилегии, даваемые по жалованным грамотам, рассматривались как

⁶⁷ Там же. С. 416.

⁶⁸ Там же. С. 418; ср. с. 419–494.

⁶⁹ Об этом см.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. С. 661; ср. с. 583.

⁷⁰ О споре Чичерина со славянофилами по крестьянскому вопросу см.: Морозов И. Актовый материал на службе помещичье-буржуазной историографии (спор 1856 г. о сельской общине в России) // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. I. С. 130–162.

⁷¹ Беляев И. Крестьяне на Руси. 2-е изд. М., 1879. С. 71 и др.

⁷² Там же. С. 79.

«исключение», не составлявшее общего правила⁷³. Источник свободы крестьян Беляев, в противоположность Чичерину, видел в их прямой связи с государством. Когда же в XVIII в. помещик стал ответственен за крестьян в податном отношении, с крестьянина «спали государственные непосредственные обязанности, а с тем вместе он утратил и все права как член государства», возникло «страшное разобщение крестьянина с государством, между им и государством стал господин»⁷⁴, манифест о вольности дворянства, порвав последнюю связь крестьян с государством, превратил их в полную частную собственность⁷⁵.

Считая определяющим в положении крестьян отношение их к государству, Беляев, естественно, не мог оценить иммунитет как форму феодального господства. По его мнению, право вотчинного суда и расправы второй половины XVII – начала XVIII в. «нисколько не уничтожало гражданской личности крестьян»⁷⁶, «самим крестьянам суд владельца был не противен»⁷⁷. В основе этой концепции лежало представление о феодале как наместнике, агенте княжеской власти, опекуне – представление, наиболее четко сформулированное Аксаковым.

После реформы 1861 г. в рамках той общей схемы, которую выработала буржуазная историография во второй половине 50-х годов, мы не наблюдаем обилия новых вариантов теории иммунитета. Принципиально новой и плодотворной была лишь вскользь брошенная И. Е. Андреевским мысль о влиянии возникавшей крестьянской крепости на выдачу несудимых грамот. Андреевский не являлся сторонником старой теории автогенного происхождения иммунитета, он рассматривал наместничье управление как первичное по сравнению с привилегиями, как «общий закон и правило», которые постепенно (уже с XIV–XV вв.) подкапывались «частным законом, привилегией». В этом проявилась его принадлежность к государственной школе. Но причины предоставления жалованных грамот Андреевский освещал иначе, чем историки конца 50-х годов. Указывая главные «основания», вызвавшие появление жалованных грамот, он писал: «Начавшие уже поселяться элементы крепости, начала фактической зависимости земледельцев от владельца земли, на которой они сидели, давали повод такому владельцу, вначале только приближенному к князю, а потом и каждому, который мог дойти до князя, просить об освобождении его земли и всех людей, ее населявших, от наместника... На этом же основании родился обычай, при пожаловании кого-нибудь землею, давать ему вместе с тем и освобождение от наместника»⁷⁸. «Общее правило наместничьего управления делается мало-помалу исключением и приводит к необходимости заменить его началом новым, которое бы более соответствовало новому порядку вещей», – говорит несколько выше автор⁷⁹. Значит, «частные законы», привилегии, создали «новый порядок вещей».

Подобные взгляды получают развитие только в 80-х годах, особенно в работах Сергеевича, впоследствии у Дьяконова. В 60-х же годах точку зрения Андреевского критиковал А.Д. Градовский с позиций славянофильской концепции. В 60-х годах под влиянием той крепостнической формы, в которую вылилось освобождение крестьян, в буржуазной историографии возобладала схема Аксакова. Наоборот, концепция Чичерина начала подвергаться критике. У Градовского наблюдается попытка примирить крайности мировоззрений Акса-

---

⁷³ Там же. С. 43.

⁷⁴ Там же. С. 239.

⁷⁵ Там же. С. 283.

⁷⁶ Там же. С. 228.

⁷⁷ Там же. С. 225.

⁷⁸ Андреевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С. 32.

⁷⁹ Там же.

кова и Чичерина. Градовский не отрицал существования собственности землевладельцев на землю, но он отрывал от нее вытекавшие из феодальной структуры землевладения права.

Главная задача Градовского заключалась в попытке доказать ненужность революций в России в силу коренного отличия ее истории от истории стран Западной Европы. Идеалом государственной жизни Градовский считал непосредственные отношения между государством и народом.

В феодальной Европе таких отношений не было, так как между королем и народом стояло феодальное баронство, обладавшее реальной властью в провинции. Поэтому идея государственного единения была на Западе революционной идеей – без революции, т. е. без ликвидации власти местных феодалов, там нельзя было добиться приближения народа к центральной власти. В Московской же Руси земельные собственники не приобрели значения местной власти, здесь господствовало земское начало и самоуправление, существовала близость народа к правительству. Революция, значит, России не нужна: достаточно вернуться к прежнему земскому духу, а после раскрепощения сословий это получается само собой; сословное деление, бывшее результатом временного закрепощения сословий, теперь теряет свой смысл, открывается дорога к бессословному обществу⁸⁰. Таким образом, Градовский шел в русле идей буржуазно-помещичьего либерального земского реформаторства 60-х годов. Какими же аргументами доказывал он отсутствие политической власти у русских средневековых землевладельцев?

Градовский механически разделял права феодала по отношению к крестьянам на две группы: 1) экономические права, вытекавшие из поземельных отношений (оброк и т. п.), которые не давали владельцу никакой политической власти⁸¹; 2) привилегии, жаловавшиеся грамотами в порядке исключения, которые носили характер кормления, не связанного с самим правом земельной собственности⁸². Таким образом, отношения буржуазной аренды, с одной стороны, система государственного кормления – с другой, – вот картина социально-политических отношений в русской деревне удельного времени по Градовскому. Появление жалованных грамот Градовский объяснял, во-первых, кормовым значением привилегий, во-вторых, желанием ограничить власть наместников⁸³. С созданием централизованного государства, по мнению Градовского, роль феодалов как органов местной власти совершенно упала⁸⁴. Концепция иммунитета, развитая Градовским, была направлена против теории автогенного иммунитета Неволлина, отчасти против взглядов Чичерина и Андреевского. В основе его теории иммунитета лежала схема Аксакова.

Русские сознательные и стихийные последователи Аксакова не случайно увлеклись именно в 60-х годах теориями немецких буржуазных правоведов – Г.-Ф. Пухты, Р. Иеринга, К. Ф. Эйхгорна и др. Крепостнические пережитки в России и Германии в обстановке довольно активной политической борьбы за буржуазные реформы порождала там и здесь весьма близкие по своей природе попытки противопоставить политической борьбе различные формы идеологии, якобы отстаивавшей «... интересы человеческой сущности, интересы человека вообще, человека, который не принадлежит ни к какому классу и вообще существует не в действительности, а в туманных небесах философской фантазии»⁸⁵. Схемы перечисленных немецких историков-правоведов как раз и строились на философской абстракт-

---

⁸⁰ Градовский А.Д. История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1. С. 23, 29, 131, 381–384 и др.

⁸¹ Там же. С. 12, 23, 131.

⁸² Там же. С. 21, 25, 26, 122.

⁸³ Там же. С. 26–27.

⁸⁴ Там же. С. 28.

⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 452.

ции, ведшей исследователей к полному самоустранению от анализа социальной сущности юридических порядков прошлого.

Концепции Пухты, Иеринга и Эйхгорна послужили теоретической базой для вышедшей в 1869 г. работы Н. Л. Дювернуа об источниках права и суде в древней Руси. Дювернуа примирял теорию обычного права, толкуемого в духе немецкого идеализма, с культом государственной власти. Он утверждал, что сущность обычного права объясняется выдвинутым Пухтой тезисом – «не из действий рождаются убеждения, а из убеждений действия»⁸⁶. Такая трактовка требовала считать само обычное право продуктом абстрактно взятого человеческого разума, т. е. в конечном счете результатом государственного правотворчества⁸⁷. Работа Дювернуа показала возможность органического сосуществования концепций Аксакова и клерикалов типа Горбунова и др. Дювернуа возражал против выдвинутого Чичериным отождествления политических прав феодалов с частной собственностью и вслед за Аксаковым рассматривал землевладельца как княжеского наместника. Вместе с тем Дювернуа целиком поддерживал развитие Чичериным положение о том, что иммунитет – личная милость князя: «Жалованные грамоты имеют характер в высшей степени случайный и обуславливаются чаще всего личной милостью»⁸⁸. В качестве мотивов выдачи жалованных грамот Дювернуа называл уже отмечавшиеся Милютиным и Горбуновым основания: во-первых, благочестивые цели, во-вторых, стремление «увеличить количество податных сил».

Итак, изучение жалованных грамот в период революционной ситуации имело актуальное политическое значение. Именно тогда появились первые специальные труды (Горбунова, Милютина, Аксакова), целиком или в значительной своей части посвященные жалованным грамотам. Работы, вышедшие на рубеже 60-х и 70-х годов (Дювернуа, Горчакова), уже не представляли собой систематических обзоров правового содержания жалованных грамот⁸⁹.

Рост интереса к жалованным грамотам в годы революционной ситуации и спад его с 1862–1863 гг. находятся в связи с аналогичными явлениями в других отделах русской дипломатики. Так, 1861 г. оказался кульминационным моментом увлечения ханскими ярлыками, после которого они специально не изучались вплоть до XX в. Ханские ярлыки ярко отражали систему феодальных прав и привилегий. Но не только этим привлекали они внимание буржуазных источниковедов. Крепостное право XIX в. в какой-то мере ассоциировалось с порабощением народа иностранцами⁹⁰, поэтому исследование ханских ярлыков накануне отмены крепостного права было не менее актуальным, чем изучение жалованных или губных грамот⁹¹. А. А. Бобровников, издавший свою работу в 1861 г., связал вопрос о ярлыках с

⁸⁶ Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. М., 1869. С. 5.

⁸⁷ У Пухты это правотворчество представлено в виде отражения народного мнения. Говоря, что обычное право есть убеждение всего народа, Пухта рассматривал законодателя как выразителя правового сознания народа в целом (*Puchta G. F. Das Gewohnheitsrecht. Erlangen, 1828. Th. 1. S. 145*). Таким образом, в государственном законодательстве Пухта видел осуществление воли не господствующих классов, а всего народа, он отождествлял законодательство с народным правосознанием. В. И. Сергеевич справедливо писал, что теория Пухты «не может быть... названа действительно исторической» (*Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 79*). Сергеевич тонко подметил сходство концепции славянофилов с теорией Пухты: «Славянофильское воззрение на народ как на хранилище народной правды стоит в самой тесной связи с этой немецкой теорией» (Там же).

⁸⁸ Дювернуа Н. Указ соч. С. 262; ср. С. 263, 350.

⁸⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. С. 662.

⁹⁰ Русские крепостники особенно напоминали иностранных господ своим противопоставлением себя народу – одеждой, широким употреблением французского языка и др. – противопоставлением, которое усиливалось по мере того, как крепостничество приобретало (с XVIII в.) отдельные черты рабовладения. Имитация характерной особенности рабства (национального различия рабовладельца и раба, не дававшего «равенства» их даже «перед Богом») было возможно только в условиях загнивания феодального строя.

⁹¹ Губные грамоты, как и судебные акты, впервые обратили на себя серьезное внимание в период расцвета классовой борьбы крестьянства в 40-х годах XIX в. В годы революционной ситуации изучались не только грамоты, дававшие пример организации борьбы с «разбойниками» (губные), но и устанавливавшие обычные отношения власти и населения (уставные

вопросом о так называемых монгольских подписях на русских актах. Он пришел к выводу, что эти подписи были сделаны не монгольскими чиновниками, а митрополичьими дьяками. С установлением этого факта, заключал Бобровников, «падает и вся теория о контроле ханских чиновников над нашими внутренними и частными делами»⁹².

Категорический вывод Бобровникова относительно свободы России от татарского ига явно перекликался с заявлениями Аксакова о свободе крестьян от крепостного права в древней Руси. Буржуазная историография периода революционной ситуации упорно искала свободу в прошлом, чтобы обосновать необходимость освобождения в настоящем. Сходные тенденции проявились и в дипломатике частных актов⁹³. Н.В. Калачов, публикуя и анализируя четыре порядных грамоты конца XVII в., стремился, подобно Аксакову, обосновать мысль о существовании известной свободы крестьян⁹⁴. После реформы изучение частных актов надолго заглохло (до 90-х годов XIX в.).

Подготовка реформы повлияла и на понимание национального аспекта проблемы происхождения иммунитета. Возникла трактовка иммунитета как обычая, привнесенного из-за границы (Милютин, Горбунов). Годы революционной ситуации характеризуются расширением кругозора русской историографии. Поиски новых путей развития страны заставляли серьезно оглянуться на историю и пример других государств. С правдоподобными теориями естественно-исторической школы, доказывавшей самобытное происхождение русских институтов, было в основном покончено. Реформа развеяла в какой-то мере представление об исключительно самобытном пути развития России. Стали отыскивать все с большей и большей тщательностью общие моменты истории западных стран и Руси. В связи с увлечением иностранной историей, иностранными источниками и попытками рассмотреть судьбу России в свете мировой истории появилось новое преувеличение роли переводных византийских и западных сочинений, а также иностранных обычаев на Руси⁹⁵. Это отрицательно сказалось на трактовке происхождения иммунитета, однако имело и некоторое положительное значение: русский иммунитет был, наконец, назван словом «иммунитет» (в работах 1869–1871 гг. – Н. Дювернуа⁹⁶ и М. Горчакова⁹⁷) и данным определением ставился в ряд аналогичных явлений, известных истории других стран.

Интересен развивавшийся в конце 50–60-х годов тезис об исключительном, случайном характере выдачи жалованных грамот и обусловленности ее лишь милостью князей. Здесь был совершенно искажен подлинный смысл выдачи жалованных грамот. Вместе с тем из рассматриваемого тезиса мог быть сделан один правильный вывод: жалованные грамоты играли политическую роль, устанавливая определенные отношения между правительством и влиятельными феодалами. Конечно, еще Неволин расценивал выдачу жалованных грамот как ограничительную *политику* княжеских правительств. Однако у него была намечена лишь самая общая причина предоставления иммунитетных актов. В историографии же изучаемого периода предполагались априори каждый раз особые причины выдачи жалованных грамот, хотя понимались они крайне идеалистически и на деле совершенно не исследовались, оставаясь тоже общей фразой.

наместничьи), что крайне интересовало буржуазных правоведов в связи с намечавшимися в результате отмены крепостного права переменах в сторону усиления функций государственной власти на местах (см. Очерки истории исторической науки. Т. II. С. 664).

⁹² Бобровников А. А. О монгольских подписях на русских актах (письмо к В. В. Вельяминову-Зернову) // Изв. имп. Археологического общества. СПб., 1861. Т. III. С. 24.

⁹³ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. С. 665–667.

⁹⁴ Там же. С. 666.

⁹⁵ Там же. С. 585–586.

⁹⁶ Дювернуа Я. Указ. соч. С. 261.

⁹⁷ М. Горчаков глухо заметил, что по ханским ярлыкам митрополиты приобретали «*jus immunitatis*», т. е. право иммунитета (Горчаков М. Указ. соч. С. 250).

Подспудное угадывание более конкретного политического значения жалованных грамот связано с общей перестройкой русского источниковедения в годы революционной ситуации. Преувеличение роли государственной власти породило большее внимание к ее политике, чаще стали говорить о политических причинах возникновения отдельных памятников. Это особенно заметно обнаружилось в историографии летописей. Если в 50-х годах И. И. Срезневский и М. И. Сухомлинов считали, что летописи создавались просто из потребности помнить, ради чистой истины, то уже Н. И. Костомаров в 1862 г. подчеркивал политические мотивы составления летописей⁹⁸.

Коснемся, наконец, методики изучения жалованных грамот в конце 50-х – начале 70-х годов. Наряду с обычным иллюстративным методом, проявившимся в трудах Аксакова, Дювернуа, Горчакова, в источниковедение жалованных грамот проник метод «сводных текстов», который был основан в 40-х годах XIX в.⁹⁹, а затем получил широкое распространение, повлияв на источниковедение не только юридических¹⁰⁰, но и литературных¹⁰¹ памятников. Сводные нормы иммунитета выводились в специальных трудах, посвященных жалованным грамотам (Милютин, Горбунов).

Сводные тексты представляли собой определенный, усовершенствованный тип иллюстративности в источниковедении. Они давали обобщение юридических норм, но обобщали статьи разновременных памятников, не показывая их развития. Подобные приемы анализа источников – типичная черта буржуазной историографии.

Критикуя одного из наиболее видных представителей немецкой исторической школы – Г. Маурера, Энгельс указывал на «остатки» у него «юридической узости, которая мешает ему всякий раз, когда дело идет о понимании *развития*»¹⁰². Отмеченная Энгельсом «привычка» Маурера «приводить доказательства и примеры из всех эпох рядом и вперемежку»¹⁰³ характеризует подавляющую массу буржуазных историков XIX в. Юридическая школа, развивавшаяся очень интенсивно в середине XIX в., была большим шагом вперед по сравнению с чисто описательными направлениями и их внешней противоположностью – «скептической» школой. Юридическая школа занималась по мере своих сил и возможностей установлением основной сути источников, отделением главного от неглавного, стремилась выяснить типичное. В то же время она не могла действительно научно раскрыть проблему типичного в источнике, так как не учитывала необходимости конкретно-исторического исследования исторических памятников и подчас обобщала явления, характерные для нескольких веков, выводя тем самым не существовавшие в действительности средние нормы.

Сводные тексты были схемой, которая помогала четче представить себе характер юридических норм, заключенных в грамотах, однако в ней вполне конкретные и разновременные акты заменялись голой абстракцией, фикцией никогда не существовавшего документа. Сводные тексты имели свое оправдание и некоторое положительное значение в моменты их

⁹⁸ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. С. 576–577.

⁹⁹ *Калачов Н.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846; *Ерлыков В.* Сличенный текст всех доселе напечатанных губных грамот XVI и XVII века. М., 1846.

¹⁰⁰ *Высоцкий Ф.* Уставные, судные и губные грамоты. СПб., 1860; *Загоскин Я.* Уставные грамоты XIV–XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления. Казань, 1875. Вып. I; Казань, 1876. Вып. II; *Шумаков С. А.* Губные и земские грамоты Московского государства, М., 1895; *Сомов Л.* Опыт систематического изложения материала уставных грамот, определяющих порядок местного правительственного управления в Московском государстве: Работа из семинария проф. М. В. Довнар-Запольского. Киев; Пг., 1914; Сводный текст крестьянских порядных XVI века / сост. слушательницами С.-Петербургских Высших женских курсов. СПб., 1910.

¹⁰¹ Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописи Л. И. Лейбовичем. СПб., 1876. Вып. I: Повесть временных лет; ср. также условное разделение сочинений митрополита Даниила на искусственные группы в книге В. Жмакина (*Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881).

¹⁰² *Энгельс Ф.* Письмо к К. Марксу от 15 декабря 1882 г. // Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М., 1952. С. 147.

¹⁰³ Там же.

возникновения, но вместе с тем, возведенные юридической школой в догму, они тормозили дальнейшее исследование актов с конкретно-исторических позиций.

70-е годы XIX в. отмечены спадом интереса к актовому источниковедению вообще и к жалованным грамотам в частности. После крестьянской реформы во всех отделах актовом источниковедения, за исключением дипломатики уставных грамот, наблюдалось затишье. Издание жалованных грамот также почти заглохло¹⁰⁴. Слабое внимание к жалованным грамотам в 70-х годах объясняется тем, что исследования конца 50-х – 60-х годов в основном выполнили те актуальные научные и политические задачи, которые стояли перед буржуазной историографией жалованных грамот в связи с отменой крепостного права и другими буржуазными реформами. Еще в начале 80-х годов Д.М. Мейчик писал: «Содержание жалованных грамот и общее значение их в хозяйственно-правовом быту древней Руси выяснены так полно, что в этом отношении едва ли остается чего-нибудь желать...»¹⁰⁵. Он же выражал господствующую точку зрения, разделяя нигилистическое мнение Горбунова о бесполезности дальнейшей публикации жалованных грамот¹⁰⁶.

Тем не менее, новые проблемы, назревшие в ходе развития русской исторической мысли к 80-м годам, потребовали продолжить исследование жалованных грамот. В первой половине 80-х годов участилась их публикация¹⁰⁷. Вторая половина 80-х годов прошла под знаком почти полного отсутствия новых публикаций жалованных грамот. Возможно, это стоит в связи с крайней правительственной реакцией, открыто проявившейся в середине 80-х годов XIX в. В 1885 г. власти отпраздновали столетний юбилей екатерининской жалованной грамоты дворянству, после чего для правительства стало нежелательным появление в печати старинных жалованных грамот, которые в свете историографии середины XIX в. (особенно славянофильской) легко можно было истолковать как документы, дающие всякие льготы и свободы представителям разных сословий, в том числе крестьянам¹⁰⁸. В условиях нового усиления внеэкономического принуждения и возврата к пережиткам барщины такая трактовка противоречила бы интересам реакционных помещиков. Не случайно в провинциальной прессе (губернских и епархиальных ведомостях), где задавали тон местные землевладельцы и зависевшие от них церковники, жалованные грамоты почти совсем не печатались не только в 80-х, но уже и в 70-х годах XIX в.

На источниковедение жалованных грамот в 80-х годах решающее влияние оказали два обстоятельства: во-первых, возникновение экономического направления в русской буржуазной историографии, во-вторых, новое усиление крепостничества в деревне. Экономическое направление, обусловленное дальнейшим ростом капиталистических отношений в стране,

¹⁰⁴ Они печатались лишь в некоторых описаниях монастырей. Более заметные публикации: РИБ. СПб., 1875. Т. II; Сборник Хилкова. СПб., 1879.

¹⁰⁵ Мейчик Д. М. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883. С. 5.

¹⁰⁶ Там же. С. 4: «Горбунов имел полное право сказать, что от дальнейшего печатания жалованных грамот нельзя ожидать каких-либо существенных дополнений к тому, что известно было из напечатанных до того образцов».

¹⁰⁷ Княжеские и царские грамоты Ярославской губернии. М., 1881; АЮБ. СПб., 1884. Т. III; Токмаков И. Ф. Историко-статистическое описание города Киржача. М., 1884, и др.

¹⁰⁸ И. И. Дитятин, посвятивший в 1885 г. специальную статью «жалованным грамотам» 1785 г., поставил вопрос о причинах празднования их столетнего юбилея (Дитятин И. И. К истории «жалованных грамот» дворянству и городам 1785 года // Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 49–53). Он подчеркнул, что в дворянской среде получила широкое распространение новая тяга к сословности. «И.С. Аксаков... – писал Дитятин, – проектирует теперь выделение дворянства в особое сословие, опираясь на „идеалы чести“, свойственные дворянству...». «Какой „идеал чести“, – восклицает далее автор, – может быть выше идеала общего блага? Неужели у дворян нет ничего общего с остальными классами населения? Неужели их идеал ничего общего не имеет с идеалами всех?» Весьма показательна мысль Дитятина о том, что «если, наконец, этот особый идеал есть, то не следует его так ревниво монополизировать, нужно делать его, по возможности, общим идеалом, внести его туда, откуда, века назад, дворянство было выделено...» (Там же. С. 104). Полемика И. И. Дитятина с И. С. Аксаковым отражает борьбу буржуазной идеологии с дворянской. Как видим, логика именно буржуазного социолога вела к противопоставлению жалованной грамоте 1785 г. более древних жалованных грамот разным сословиям.

было шагом вперед в развитии буржуазной науки, хотя и это течение не давало материалистического объяснения истории. Новым в подходе представителей экономического направления к историческому процессу являлось стремление выяснить объективные закономерности, отличные от таких общих и в значительной мере внешних факторов, как географическая среда и правотворчество государства. Экономическое направление было далеко от рассмотрения производственных отношений в качестве основы экономической жизни общества. «Экономизм» этого течения заключался лишь в интересе к проблемам товарного обращения¹⁰⁹ и к юридическому статусу различных форм частной собственности в средневековой Руси¹¹⁰.

Усиление крепостнических пережитков в сельском хозяйстве определило новую постановку вопроса о том, может ли государство просто уничтожить феодальные права, а, следовательно, оно ли было источником этих прав, не кроются ли они в более объективных факторах. Таким образом, оба отмеченных момента подготовили почву для пересмотра проблемы жалованных грамот в плане поисков объективных причин их выдачи. Уже В. О. Ключевский, рассматривая феодальные привилегии как результат передачи вотчиннику князем части правительственных функций, особо отмечал при этом роль земельной собственности: «...землевладение все более становилось главным экономическим средством обеспечения их (духовенства и военно-служилого класса – С. К.) общественного положения. Привилегии, бывшие последствием их господствующего положения в обществе, теперь также переносились на эту экономическую основу»¹¹¹. Ключевский, однако, не понимал, что именно феодальная земельная собственность порождает те порядки, которые выступают потом в виде привилегий.

Для Ключевского характерна модернизация феодальных отношений удельного времени. Он мыслил их по существу как разновидность отношений буржуазного общества. Так, Ключевский считал, что удельный князь – это не политический правитель, а хозяин: отношения между ним, с одной стороны, черными крестьянами, вольными слугами и боярами – с другой, строятся на основе частного договора¹¹². Качественного различия в положении крестьян как эксплуатируемого класса, бояр и вольных слуг как класса эксплуататорского для Ключевского не существовало. Бояре и вольные слуги в его концепции – арендаторы земли у князя, отсюда и иммунитет – результат аренды: «...преимущества, которыми они пользовались, были не столько политическими или гражданскими правами, сколько хозяйственными выгодами, которыми князь вознаграждал их за оказываемые ему услуги»¹¹³.

Таким образом, близость Ключевского к Чичерину состоит в признании иммунитета частным правом. Но, если у Чичерина иммунитет – лишь милость князя, имеющая, к тому же, не «хозяйственное», а чисто фискальное значение, то у Ключевского он – следствие определенного хозяйственного договора между князем и частным собственником. Модернизация феодального строя пошла здесь гораздо дальше. Ключевский правильно уловил элемент договорных отношений в практике выдачи иммунитетных грамот, но этот элемент он трактовал в свете представлений о буржуазном хозяйственном укладе, искажая тем самым сущность взаимоотношений между феодалом и феодальным государством.

¹⁰⁹ См. например: *Ключевский В.* Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему. М., 1884.

¹¹⁰ См. *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889; *Никитский А. И.* Заметки об издании новгородских писцовых книг // ЖМНП. 1880. Ч. 212, декабрь. В 80-х годах Никитский изучал хозяйственную жизнь Великого Новгорода (*Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода // Чтения ОИДР. 1898. Кн. I, раздел IV. С. 1–228 (посмертное издание)).

¹¹¹ *Ключевский В.* Боярская дума древней Руси. М., 1882. С. 121–122.

¹¹² *Ключевский В. О.* История сословий в России. М. 1886. С. 71–75.

¹¹³ Там же. С. 82–83.

Поиски объективных причин выдачи жалованных грамот наблюдаются и в монографии Н. Ланге, изданной в 1882 г., когда под воздействием роста крестьянского движения правительство делало видимость попыток облегчить положение крестьян (подготовка отмены выкупных платежей и подушной подати), но в то же время исподволь начинало поход против реформ 60-х – 70-х годов, Н. Ланге как представитель того либерального общества, которое, выражаясь словами В. И. Ленина, легко давало себя «дурачить» кабинету графа Игнатьева, отразил в своей книге обе господствующие тенденции. С одной стороны, он сочувственно говорил о тяжелом положении крестьян в XIV–XVI вв. и «ярме» лежавших на них податей и повинностей¹¹⁴. С другой – Ланге явно идеализировал смесные суды в качестве формы суда «скорого и правого»¹¹⁵.

Ланге не являлся поклонником вотчинного суда. Он утверждал, что вотчинное тягло и вотчинный суд были не лучше, «если не хуже», государственных¹¹⁶. В то же время, в отличие от либералов 60-х – 70-х годов, идеализировавших земские и губные органы, считая их известным образцом выборных учреждений, Ланге весьма скептически расценивал результаты губной реформы, отрицал ее эффективность¹¹⁷. Вообще своим противопоставлением древних смесных судов современному ему порядку¹¹⁸ автор ратовал за компромисс вотчинной власти с государственной, а *выборные* учреждения уже не признавал действенным средством борьбы с «разбоями». Буржуазные либералы 80-х годов, напуганные размахом народного движения, фактически сами намекали на необходимость контрреформ. Установление института смесного суда Ланге считал выходом из тяжелого юридического положения, существовавшего в древней Руси XIV–XVI вв. Самую выдачу жалованных грамот Ланге рассматривал с тех же позиций, объясняя ее общим тяжелым финансовым и судебным положением крестьян: «С одной стороны, обременение народа пошлинами и повинностями... с другой – недовольство судом наместников, волостелей и их тиунов, постоянно давали владельцам населенных имений благовидный повод просить князей об освобождении их крестьян от тягостных поборов, о даровании им, владельцам, права самостоятельного суда в своих вотчинах. Такие просьбы не только уважались, но нередко владельческие крестьяне освобождались даже от платежа княжеской дани на урочное число лет. Вообще стремление обособиться, получить льготу от общего суда, было повсеместным в рассматриваемое нами время и составляло естественное следствие господствовавших тогда неурядиц и бесправия»¹¹⁹.

Ланге явился, таким образом, одним из основателей «челобитной» теории происхождения жалованных грамот¹²⁰. Новизна и преимущества концепции Ланге заключались в следующем: во-первых, автор искал общие экономические предпосылки выдачи жалованных грамот; во-вторых, он учитывал тяжелое положение крестьян и заинтересованность феодалов в более широких формах их эксплуатации; в-третьих, он не считал жалованные гра-

¹¹⁴ Ланге Н. Древние русские смесные или вобчие суды. М., 1882. С. 11–16.

¹¹⁵ «Самое судоговорение было необыкновенно логично и просто, без всякого излишнего многословия и многописания» (Ланге Я. Указ. соч. С. 228).

¹¹⁶ Ланге Я. Указ. соч. С. 21, 23.

¹¹⁷ Там же. С. 18.

¹¹⁸ «...Наша старина не знала нескольких решений и приговоров по одному и тому же делу, так называемых неокончательных, которые бы отменялись или изменялись высшими судебными инстанциями... Решение и приговоры произносились по каждому делу только один раз и действительно имели непоколебимую силу закона... при смесных судах требовалось, чтобы решение постановлялось единогласно, а не по большинству голосов, хотя бы смесных судей и было более двух» (Ланге Я. Указ. соч. С. 229). Ланге ошибается, считая, что на Руси не было «пересуда».

¹¹⁹ Ланге Я. Указ. соч. С. 21

¹²⁰ Сходные взгляды развивал и писавший в это же время И. И. Дитятин, который рассматривал жалованные грамоты только как ответ царя на просьбу, «челобитье» (Дитятин И. И. Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства // Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. С. 277).

моты в целом действенным средством улучшения жизни самих крестьян, так как отмечал обременительность внутривотчинного суда и тягла (идеализация смесных судов строилась на том, что они не были исключительно вотчинными). Вместе тем, идеалистические концепции и метафизический метод исследований конца 50-х – 60-х годов получили в схеме Ланге новые теоретические подкрепления. За «общей» картиной юридического быта автор не видел неравномерностей экономического развития разных частей России, поэтому существование уделов казалось ему поверхностным явлением, а все различия в жалованных грамотах разных мест и разного времени характеризовались им как несущественные¹²¹. Отсюда у него тенденция рассматривать жалованные грамоты метафизически, не исследуя диалектику их содержания.

Внешним показателем метафизического подхода Ланге к жалованным грамотам было широкое использование в его книге метода сводных текстов¹²². Идеалистически изображалась в этой схеме и роль государства, которое якобы пассивно, совершенно автоматически выдавало жалованные грамоты в ответ на просьбы челобитчиков. Государство теряло в такой интерпретации характер надстройки, активно относящейся к своему базису, представлялось не политической организацией, а бесстрастным распределителем льгот, вполне равнодушным к вопросу о том, кому оно их дает. Политическое значение жалованных грамот как документов, исходивших от лица государства, сводилось к нулю¹²³. Считая государство пассивным распределителем льгот, Ланге хотел показать, что жалованные грамоты создавали привилегии вотчинников в какой-то степени независимо от воли самого государства, в силу общей необходимости. Однако при этом основной тезис буржуазной историографии середины XIX в., провозглашавший жалованные грамоты и их составителя – государство – творцами феодальных привилегий, оставался в неприкосновенности.

Отрицание политического значения жалованных грамот связано с чисто буржуазным пониманием роли государства, которое в представлении буржуазных идеологов должно было только защищать интересы частных «организаторов хозяйства» и держаться принципа невмешательства в хозяйственные дела, пока речь не заходила о подавлении классовой борьбы трудящихся.

В трактовке жалованных грамот к Ланге был близок историк-правовед В. И. Сергеевич. Подобно Ланге и Дитятину, он преувеличивал значение челобитий как двигателей законодательной мысли¹²⁴ и в то же время гиперболизировал диктаторские возможности централизованного государства XV–XVII вв.¹²⁵ Жалованные грамоты Сергеевич считал источником льгот и привилегий¹²⁶. Вслед за Ланге Сергеевич говорил о всеобщем порядке предоставления судебных привилегий разным лицам. «Думаем так потому, – писал он, – что в числе пожалованных встречаются Ивашки и Федьки. Можно ли допустить, что большие люди, имена которых писались с «вичем», имели менее прав и привилегий, чем эти Ивашки, жалованные грамоты которых случайно сохранились до наших дней»¹²⁷.

¹²¹ Ланге Н. Указ. соч. С. 4, 8.

¹²² Там же. С. 181–195 и др.

¹²³ Этому противоречил уже конкретный разбор автором нескольких жалованных грамот на одни и те же владения, из которого становилась ясной ограничительная (т. е. активная) роль новых жалованных грамот (Ланге Я. Указ. соч. С. 66–68, 92 и др.).

¹²⁴ Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 597–598.

¹²⁵ Там же. С. 57–58.

¹²⁶ Там же. С. 169, 484, 601. В одном месте Сергеевич, правда, отметил: «Вотчинникам принадлежало право сбора мостовых пошлин в пределах их владений. Это право возникало иногда на основании жалованных грамот, а иногда в силу обычая, без всяких грамот» (Там же. С. 948). Однако приведенное замечание Сергеевича о мостовых пошлинах несколько не меняло его общей концепции.

¹²⁷ Сергеевич В. Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. I. С. 30.

Сергеевич впервые в русской историографии выдвинул предположение, что право вотчинного суда не было уничтожено (до отмены крепостного права): «... С прикреплением крестьян оно вошло в состав крепостного права»¹²⁸. Таким образом, Сергеевич верно угадал присущность иммунитета феодальному землевладению в общем порядке, однако он отводил жалованным грамотам и государственной власти роль создателей этого порядка. Как и в схеме Ланге, у Сергеевича жалованные грамоты приобретали значение механических фиксаторов вновь возникавших привилегий и служили только этой цели, ибо без грамоты, по Сергеевичу, нет и привилегий¹²⁹. Преувеличивая «экономическую» роль жалованной грамоты, наделяя ее законодательной функцией творца иммунитета, автор крайне снижал значение действительных экономических закономерностей развития феодального общества, ибо иммунитет существовал и независимо от грамот, в силу самой структуры феодальной формы собственности на землю. Гиперболизация «экономической» роли жалованных грамот сочеталась у Сергеевича с полным игнорированием их политической роли. Однако при отрицании политического значения жалованных грамот становилось теоретически необъяснимым то обстоятельство, что сохранились жалованные грамоты отнюдь не всем землевладельцам и отнюдь не на все земельные участки. Выход из этого положения оказался очень простым и внешне бесспорным: сохранившиеся жалованные грамоты были объявлены лишь случайным остатком того огромного их общего количества, которое до нас не дошло. Такая постановка вопроса заранее дискредитировала всякие попытки и самую идею конкретно-исторического исследования жалованных грамот.

Помимо концепций Ланге и Сергеевича, в 80-х годах XIX в., особенно во второй половине десятилетия, не без влияния усилившейся реакции, возникли теории, объяснявшие появление иммунитетных грамот только интересами и волей государства. Подробное освещение проблема жалованных грамот получила в работе Д. М. Мейчика. Автор изучил многие разновидности актовых источников XIV–XV вв. и представил известный итог развития метафизической буржуазной дипломатики 40-х – начала 80-х годов XIX в. Мейчик считал свою работу политически актуальной. Например, при постановке вопроса о родовом выкупе, он, намекая на отмену выкупных платежей и другие мероприятия, указывал: «В наше время, когда предстоит преобразование всего гражданского кодекса, подобные изыскания особенно полезны»¹³⁰. Вместе с тем, в обстановке реакции автор боялся быть обвиненным в увлечении экономическими теориями. После замечания насчет причин предоставления жалованных грамот Мейчик писал: «... Жестоко ошибется тот, кто подумает, что они (предположения Мейчика. – С. К.) были результатом каких-нибудь предвзятых экономических теорий»¹³¹. С Ланге и Сергеевичем Мейчика роднило признание государства источником льгот и привилегий, поиски «объективных» мотивов выдачи жалованных грамот, игнорирование их политической роли. Но в отличие от Ланге, который усматривал общую первопричину появления жалованных грамот в хозяйственных и юридических неурядицах, Мейчик под впечатлением финансовых трудностей в стране и новой финансовой политики 80-х годов, объявившей сбор налогов и пошлин превыше всего, свел проблему происхождения жалованных грамот к вопросу о фискальных интересах княжеских правительств.

Усиливая один из тезисов Горбунова и Дювернуа, взятый ими в модифицированной форме у Соловьева, Мейчик объяснял происхождение жалованных грамот желанием правительства заселить пустующие земли и превратить их в «цветущие луга и поля», с тем,

¹²⁸ Там же. С. 331.

¹²⁹ «... привилегии вольных слуг возникают каждый раз в силу особой жалованной грамоты...» (Там же).

¹³⁰ Мейчик Д. М. Указ. соч. С. V.

¹³¹ Там же. С. VIII.

чтобы с них можно было собирать казенные доходы¹³². Автор крайне гиперболизировал возможности правительства. В его толковании жалованные грамоты – не документы, фиксирующие какие-то реальные или в силу определенных условий неизбежные отношения господства и подчинения, а документы, создающие известный юридический статус, который прекращается сразу после потери жалованной грамотой значения действующего юридического акта¹³³.

Отличие концепции Мейчика от предшествующих заключалось лишь в том, что этот юридический статус он считал выгодным не грамотчику, а княжеской казне, и видел «мало льготного в так называемых освободительных грамотах»¹³⁴. Будучи не в состоянии понять экономические основания юридической силы жалованных грамот, Мейчик преувеличивал масштабы нарушения и прекращения их действия меняющимися княжескими правительствами. В своих попытках вскрыть корень «слабой исполнительной силы» жалованных грамот Мейчик встал на позиции отрицания их политической роли. Он не называл персонально представителей противоположной точки зрения, но вероятно, имел в виду главным образом Неволлина. Автор считал несостоятельным стремление связать выдачу жалованных грамот с «дальновидными политическими расчетами московских князей», с «желанием их поставить поземельную собственность в более тесную зависимость от верховной власти, подчинившей вотчинников своему непосредственному суду»¹³⁵.

По поводу подобной трактовки Мейчик высказал три критических замечания. Первое: «...На место *объективных причин*» ставятся «*сознательные субъективные цели*»¹³⁶. Это типичное проявление вульгарного экономизма, который громкими фразами относительно объективных причин пытался опровергнуть невыгодный для буржуазии вывод о том, что политика есть в конечном счете отражение объективных экономических закономерностей развития общества. Второе: «...Непосредственное участие князей в суде, особенно по делам поземельным, составляло общее правило в XIV и XV вв., и с этой стороны освобождение вотчинников от местной подсудности не могло быть, с одной стороны, льготой, а с другой – *средством централизации...*»¹³⁷. Мейчик здесь сконцентрировал внимание на личном иммунитете вотчинников, т. е. вопросе второстепенном по сравнению с главным содержанием иммунитета – взаимоотношениями между феодалом и эксплуатируемым населением сеньории. О них у Мейчика ничего не сказано, хотя именно в этой сфере яснее всего обнаруживала себя централизаторская политика князей, ограничивавших объем сеньориальной юстиции и др. Третье: «...Если бы князья предоставлением временных или бессрочных льгот вотчинникам преследовали какие-либо политические цели, то это не могло бы долго укрыться от внимания современного общества, которое и перестало бы домогаться их. В действительности же видим *противное*»¹³⁸. Приведенное соображение Мейчика основано на его преувеличении указного, директивного характера жалованных грамот. Автор не сумел разглядеть элемент договора между жалователем и грамотчиком, форму политического союза.

Считая, что в жалованных грамотах государство добивалось только своих казенных целей, Мейчик по-существу отрицал классовый характер жалованных грамот, заинтересованность феодала в получении грамоты, которая, во-первых, укрепляла его земельно-собственнические права, во-вторых, санкционировала систему феодальной эксплуатации, в-

¹³² Там же. С. VII, VIII.

¹³³ Там же. С. 9, 18. Ср. сходную точку зрения М. И. Горчакова (*Горнаков М. Указ. соч. С. 252*).

¹³⁴ Там же. С. 6.

¹³⁵ Там же. С. 18.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же. С. 19.

¹³⁸ Там же.

третьих, определенной комбинацией вотчинных и государственных судебно-административных прав давала каждый раз наиболее подходящую для конкретного места и времени гарантию удержания эксплуатируемого большинства в узде. С точки зрения чистой логики как раз концепция Мейчика могла привести к размышлениям о том, что вотчинникам не имело смысла «домогаться» выдачи грамот, ибо последние, по теории Мейчика, «обогащали» княжескую казну, грамотчики же никаких особых выгод не получали.

После своих критических замечаний Мейчик сделал следующий вывод: «Все это заставляет нас искать ответа на поставленный вопрос (о «слабой исполнительной силе» жалованных грамот. – С. К.) не в *политических*, а в *юридических* воззрениях древнерусского общества»¹³⁹. Автор указывал на отчуждаемость земельной собственности в древней Руси и в этом усматривал источник слабости «исполнительной силы» жалованных грамот. Он рассуждал так: правительство не хотело, чтобы вместе с отчуждением земли отчуждались и казенные доходы, которые не брались с нее по жалованной грамоте; поэтому оно было заинтересовано в непрочности юридической силы жалованной грамоты и завело такие порядки, при которых грамота быстро теряла свое значение (неподтверждение новым князем, пересмотр и ограничение и т. д.)¹⁴⁰. Мейчик искусственно противопоставлял феодальную земельную собственность, как отчуждаемое имущество, феодальному иммунитету, как комплексу прав, отделяемых от этой собственности и могущих по воле князей исчезнуть при передаче земли из одних рук в другие или при неподтверждении жалованной грамоты. Трактовка Мейчика являлась естественным следствием отрыва иммунитета от землевладения. Она отражала непонимание автором того факта, что иммунитет есть атрибут феодальной собственности на землю.

Ценной особенностью работы Мейчика была попытка углубить приемы источниковедческого анализа формы жалованных грамот. Разбор формуляра в его сочинении тесно связан с классификацией жалованных грамот. Классификационная схема Мейчика уже подверглась обстоятельной критике в монографии Л. В. Черепнина, который подчеркнул ее большее удобство и простоту по сравнению со схемой Горбунова, но вместе с тем справедливо отметил, что классификация Мейчика, как и Горбунова, носит формальный характер¹⁴¹ (чистый тип: грамоты на земли, воды и угодья, заповедные, несудимые и обельные; смешанный тип: обельно-несудимые, данные в соединении с какими-либо льготами)¹⁴². Интересен опыт изучения Мейчиком формуляра обельно-несудимых грамот. Автор различал полную и краткую редакции актов этой разновидности, но не объяснял происхождения разницы в редакциях¹⁴³. Новым способом анализа иммунитетных грамот было предложенное в работе Мейчика деление их формуляра на существенные и несущественные части¹⁴⁴, однако это деление не могло не отличаться субъективизмом.

Мейчик правильно отметил, что местные особенности грамот коренятся в специфике внутреннего строя и делопроизводства отдельных княжеств¹⁴⁵. Вместе с тем, приведя образцы рязанских, новгородских и белозерских грамот, он не выяснил существенного различия между ними¹⁴⁶.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. С. 3–9, 19.

¹⁴¹ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 99–100.

¹⁴² Мейчик Д. М. Указ. соч. С. 12–17.

¹⁴³ Ничего не дает его замечание о том, то «краткость обуславливалась опущением частных» (Там же. С. 16.)

¹⁴⁴ Там же. С. 8–9.

¹⁴⁵ Там же. С. ю.

¹⁴⁶ Там же. С. 10–12.

Мейчик впервые уделил специальное внимание указным грамотам, дал их описание и опыт классификации. Автор не учитывал отличие указных грамот от жалованных как документов делопроизводственных от актов и поэтому довольно искусственно применял к ним методы дробления формуляра по образцу аналогичных приемов, закономерных в актовом источниковедении. Когда дело коснулось указных грамот, яснее всего обнаружилась произвольность деления текста грамоты на существенные и несущественные части. Несущественной частью указных грамот Мейчик считал, например, «*повествование* или изложение обстоятельств дела, по которому повеление состоялось»¹⁴⁷. Таким образом, согласно методике Мейчика, в основу источниковедческого анализа грамот следовало положить принцип чисто формального деления текста источника.

В 1886 г. вышел курс истории русского права М. Ф. Владимирского-Буданова. Его трактовка жалованных грамот явилась в значительной мере выводом из концепции Мейчика. Однако вся теория Владимирского-Буданова окрашена резко выраженными монархически-националистическими чертами славянофильского толка. По мнению автора, для развития жалованных грамот как формы закона условия создались лишь в «Московском государстве», «когда власть сосредоточена была в лице великого князя, который стал единственным источником правовых норм»¹⁴⁸. Отмечая «равновесие закона и обычая» в XIV–XV вв., Владимирский-Буданов писал: «...почти вся юридическая жизнь народа представлялась в продолжении двух столетий действию обычного права и частной воли князей...»¹⁴⁹. Отсюда деление автором иммунитетных грамот на грамоты, фиксирующие исключительно законодательную волю князей («льготные» или «иммунитеты»), и грамоты, не создающие нового права, но подтверждающие общие нормы «в применении к частному случаю и лицу» (охранные и указные)¹⁵⁰. Впрочем, и за последними в силу недостаточной четкости общих норм права Владимирский-Буданов признавал значение частных законов (*privae leges*)¹⁵¹. Учет автором обычного права вовсе не означал его приближения к материалистическому пониманию природы некоторых иммунитетных прав (заключенных в охранных или бережельных грамотах). Владимирский-Буданов, подобно более ранним последователям славянофильства, толковал обычное право по существу целиком в духе Пухты¹⁵² (как национальное убеждение, чьим выразителем оказывался потом законодатель).

Консервативность схемы Владимирского-Буданова отчетливее всего проявилась в трактовке автором позднейшей судьбы иммунитета. Как и многие его предшественники, начиная с Неволлина, Владимирский-Буданов утверждал, что иммунитет был уничтожен. Однако Владимирский-Буданов не просто присоединился к этому выводу. Он поставил его на фундамент лозунга православия, самодержавия и народности. В целях доказать преимущества самодержавной России перед «разлагающимся» Западом со всеми свойственными ему «язвами» (классовой борьбой прежде всего) автор утверждал, что в «Московском государстве» не могло быть и не было классовых противоречий. В «Московской» Руси классовые противоположности, согласно схеме автора, стирались на почве национального единства и службы государству, а власть великого князя или царя по отношению к подданным имела «патриархальный характер», проистекая «из древних оснований власти домовладыки и отца». Самодержавное государство «не допускало развития сословных прав в ущерб обще-

---

¹⁴⁷ Там же. С. 20.

¹⁴⁸ Обзор истории русского права по лекциям проф. М. Ф. Владимирского-Буданова. Киев, 1886. С. 178.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. С. 175.

¹⁵¹ Там же. С. 178.

¹⁵² Там же. С. 62–64. Уже М. А. Дьяконов заметил, что облеченная в новую фразеологию концепция обычного права, предложенная Владимирским-Будановым, «является... воспроизведением целиком теории Пухты» (Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Юрьев, 1907. Т. I. С. 13).

государственным»¹⁵³: поэтому, если на Западе иммунитеты из частных исключений превратились в общие права господствующего сословия, то в России этого не произошло: «из грамотчиков не успело выработаться привилегированное сословие»¹⁵⁴.

Работы 80-х годов занимают определенное место в источниковедении жалованных грамот. Здесь нужно различать два направления: первое – чисто буржуазное с экономическим уклоном (Ланге, Сергеевич), второе – буржуазно-националистическое, с уклоном в сторону культа монархической власти (Владимирский-Буданов). Промежуточное течение, представленное Мейчиком, в некоторых своих существенных положениях было ближе ко второму направлению. Обе концепции сходились на почве признания государства источником иммунитетных привилегий.

Положительное значение исследований Ланге и Сергеевича состояло, во-первых, в том, что в противовес историографии середины 50-х – начала 70-х годов, они попытались выяснить объективные причины выдачи грамот, не сводя все дело к воле и милости князей, к правотворчеству государства. Во-вторых, вместо идеи случайного характера жалованных грамот они выдвинули идею их всеобщего характера, основанного на известных закономерностях. В-третьих, была впервые высказана правильная мысль, что право вотчинного иммунитетного суда вошло в состав крепостного права. В-четвертых, отказ от идеи благочестия князей как стимула выдачи грамот сочетался с ростом интереса к жалованным грамотам светским лицам. В-пятых, в рассматриваемое время уже не наблюдалось двух крайностей историографии периода подготовки и проведения реформы: стремления видеть в феодальных привилегиях только частную собственность и попытки считать феодала не собственником, а наместником.

Вместе с тем историография 80-х годов больше тяготела к чичеринскому взгляду на иммунитет как частную собственность. Для буржуазной историографии периода господства капиталистических отношений характерен интерес к явлениям, имевшим значение институтов «закономерных» и «всеобщих». Это связано с экономическими теориями эпохи зрелого капитализма, когда буржуазная нация начинает осмысливаться как известное экономическое целое, и буржуазные идеологи пытаются усмотреть подобную же экономическую общность в феодальном обществе, которое в действительности было еще экономически раздробленным. Под влиянием дальнейшего развития капитализма в России буржуазная историография 80-х годов трактовала феодальную собственность на землю модернизаторски, не могла понять ее коренного отличия от буржуазной частной собственности и поэтому оказалась не в состоянии оценить иммунитет как неизбежное следствие и атрибут феодальной формы земельной собственности. Историография 80-х годов считала иммунитет по существу лишь довеском, прибавкой к землевладельческим правам, а всеобщий характер его объясняла либо финансовыми интересами правительства, либо «челобитной» теорией.

Таким образом, подобно историографии времени реформы, она усматривала источник феодальных привилегий в государственном законодательстве, осуществлявшемся в форме жалованных грамот.

Если первое направление обогатило науку новым тезисом о включении вотчинного суда в состав крепостного права, то второе течение в историографии жалованных грамот 80-х годов повторило в концентрированном виде как неправильный взгляд на происхождение иммунитета, так и неверное представление об его уничтожении. В схеме Мейчика и Владимирского-Буданова положительным моментом была мысль, что жалованные грамоты совсем не обязательно выдавались всем и каждому, однако из нее делались ошибочные выводы («не успело выработаться привилегированное сословие» и т. п.). Оба рассмотренных направле-

---

¹⁵³ Владимирский-Буданов М. В. Указ. соч. С. 93, 132.

¹⁵⁴ Там же. С. 175.

ния в историографии 80-х годов в значительной степени объединялись теорией надклассового характера русского самодержавного государства.

Глава 2

Проблема иммунитета в связи с вопросом о феодализме в России (конец XIX – начало XX в.)

Развитие российской историографии в 80-х годах XIX в. привело к новой постановке вопроса об издании жалованных грамот. Получив признание актов, устанавливающих не случайные изъятия, как это полагали исследователи периода реформы, а общие порядки (концепции Н. Ланге, В. И. Сергеевича), жалованные грамоты снова оказались в центре внимания археографов. Издания второй половины 90-х годов поражают своей многочисленностью¹⁵⁵. Особенный интерес представляет сборник А. Юшкова, в котором помещалась основная масса ранее неизвестных жалованных грамот светским лицам¹⁵⁶. В сборнике М.А. Дьяконова было напечатано значительное число указных грамот, касающихся иммунитета светских лиц¹⁵⁷. Это вполне согласовалось с тематикой исследовательских работ рубежа XIX–XX вв., занимавшихся главным образом обсуждением проблемы светского иммунитета, внимание в котором стало усиливаться уже в 80-х годах. В годы, предшествовавшие революции 1905–1907 гг., и во время революции печатались жалованные грамоты как духовным феодалам, так и светским лицам¹⁵⁸. После поражения революции, воцарения реакции, в обстановке массового увлечения буржуазной интеллигенции богоискательством наблюдается большой уклон в сторону издания жалованных грамот духовным учреждениям¹⁵⁹.

В конце XIX – начале XX в., в связи с переходом от капитализма к империализму, в русской буржуазной историографии возникло течение, пытавшееся выяснить специфику феодального строя, чтобы не смешивать его с буржуазным, как это делалось в работах предшествующего периода. Однако представители нового течения (П. И. Беляев, Н. П. Павлов-Сильванский) увидели специфику феодализма только в его политическом характере и по существу отбросили вопрос о роли экономической основы феодализма – феодальной собственности на землю.

П.И. Беляев, оставаясь на почве концепции, считавшей иммунитетные грамоты формой «изъятия, *lex gr̄iva*», начал рассматривать их как документы, преследовавшие чисто управленческие цели («регулирование финансовых отношений населения» и «упорядочение судопроизводства»). Подобно Сергеевичу и Ланге, он писал, что жалованные грамоты «отменяли государственное нестроение, усовершенствовали правовой порядок», но аспект у него получался иной. Если Сергеевич и Ланге делали акцент на выполнении правительством экономических требований грамотчиков, то Беляев отмечал здесь лишь форму политического управления с оттенком льготности. Поэтому Беляев зачислял жалованные иммунитетные грамоты в одну группу с уставными, земскими и губными¹⁶⁰.

¹⁵⁵ См., например: *Вахрамеев И. А.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / изд. И. А. Вахрамеевым. М., 1896. Т. I; *Шумаков С.* Тверские акты. Тверь, 1896; *Он же.* Угличские акты. М., 1899; *Он же.* Обзор «грамот коллегии экономии». М., 1899. Вып. I.; М., 1900. Вып. II, и др.

¹⁵⁶ Акты XIII–XVII веков, представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / изд. Александром Юшковым. М., 1898.

¹⁵⁷ Акты, относящиеся к истории тяглового населения в Московском государстве / изд. М. Дьяконовым. Юрьев, 1897. Вып. II.

¹⁵⁸ Материалы для истории Владимирской губернии / собрал А. В. Смирнов. Владимир, 1901–1907. Вып. I–V; Акты исторические / описан. И.М. Катаевым и А. К. Кабановым; под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., 1905, и др.

¹⁵⁹ *Веселовский С. Б.* К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот // Чтения ОИДР. 1907. Кн. 3. Смесь; *Добронравов В. Г.* История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908. Прил.; *Попов Н. П.* Собрание рукописей Московского Симонова монастыря. М., 1910 (То же // Чтения ОИДР. 1910. Кн. 2) и др.

¹⁶⁰ *Беляев П.И.* Источники древнерусских законодательных памятников // ЖМЮ. 1899. Ноябрь. С. 136, 139.

Шире подошел к этому вопросу Павлов-Сильванский¹⁶¹. Будучи одним из немногих историков, отстаивавших мысль о существовании феодализма в «древней» и «удельной» Руси, Павлов-Сильванский обратил особое внимание на однородность содержания русского и западноевропейского иммунитетов¹⁶². Этот правильный тезис он сочетал с выводом «о самобытном происхождении иммунитета» светских землевладельцев. Автор неоднократно подчеркивал «принадлежность светским вотчинникам иммунитетных привилегий по обычному праву, независимо от пожалований»¹⁶³.

Комментируя одну из грамот, Павлов-Сильванский вынужден был провести ее взгляд на иммунитет как на «естественный придаток к праву собственности на село»¹⁶⁴. Однако мысль о том, что иммунитет – атрибут феодальной формы земельной собственности, не нашла в его труде никакого развития. Павлов-Сильванский считал феодализм определенной совокупностью политических феодальных учреждений. Одним из таких учреждений был, по его мнению, иммунитет. Павлов-Сильванский не искал корней иммунитета в производственных отношениях, он присоединялся к точке зрения К. А. Неволлина, объяснявшего «самобытное» происхождение вотчинной юстиции светских землевладельцев слабостью великокняжеской или королевской власти в раннефеодальную эпоху¹⁶⁵.

Автор целиком соглашался с Фюстель-де-Куланжем, считавшим иммунитет монастырей и церкви результатом королевской милости, обусловленной любовью к вере¹⁶⁶. Неволлин был в этом отношении более последователен, чем Павлов-Сильванский, концепцию которого правильнее возводить к взглядам В. А. Милютина¹⁶⁷. Ставя иммунитетные привилегии в зависимость от размеров землевладения, Павлов-Сильванский подчеркивал только политическое значение иммунитета, но, по словам автора, для мелкого вотчинника это политическое значение «могло сводиться к нулю»¹⁶⁸.

Мелкий феодал, согласно концепции Павлова-Сильванского, интересовался иммунитетным судом лишь как доходной статьей. Автор, таким образом, игнорировал основное содержание иммунитета – отношения между феодалом и феодально-зависимым населением сеньории. Он рассматривал две производные стороны иммунитета: отношения между феодалом и феодальным государством, отношения между населением феодальной вотчины и государством¹⁶⁹, т. е. вся постановка вопроса была перенесена им в чисто политическую, юридическую плоскость. Отсюда у Павлова-Сильванского сближение с историографией середины XIX в.: объяснение княжеским благочестием выдачи грамот монастырям, толкование иммунитета как доходной статьи (для части феодалов). Наоборот, игнорирование так называемых «экономических причин» выдачи жалованных грамот усиливало разрыв концепции Павлова-Сильванского с теориями 80-х годов (вместо челобитной теории он возродил теорию обычного права и княжеского благочестия).

Мы видим здесь ярко выраженное проявление «отрицания отрицания» в развитии взглядов на иммунитет – челобитная теория, зачеркнувшая компромиссную теорию обычного права и княжеской воли, в свою очередь зачеркивается на новой основе старой ком-

---

¹⁶¹ Павлов-Сильванский Н. П. Иммунитеты в удельной Руси // ЖМНП. 1900. Декабрь. С. 318–365. Эта работа вошла в его книгу «Феодализм в удельной Руси».

¹⁶² Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 281–282.

¹⁶³ Там же. С. 298; см. также с. 291–298.

¹⁶⁴ Там же. С. 296.

¹⁶⁵ Там же. С. 298.

¹⁶⁶ Там же. С. 282.

¹⁶⁷ Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862. с. 193–195.

¹⁶⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 305.

¹⁶⁹ Значение иммунитета, поясняет Павлов-Сильванский, «звиздется на том, что он разрывает связь подданства между государем и населением» (Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 304).

промиссной теорией. Челобитная теория, модернизовавшая феодальный строй по буржуазному образцу, отражала мировоззрение сторонников чисто буржуазного развития России. Отчетливо проявившийся на рубеже XIX–XX вв. военно-феодальный характер русского империализма обусловил реакцию на эти иллюзии, показав их беспочвенность.

Мнение Павлова-Сильванского об иммунитете как атрибуте землевладения (а не результате пожалования) поддержал Н.А. Рожков, хотя и с оговорками, связанными с влиянием идей Сергеевича (отрицание феодализма «в удельной Руси»; следование челобитной теории: выдача грамоты – нотариальный акт, князь – «простой нотариус»)¹⁷⁰.

Сторонники экономической теории 80-х годов не сложили оружия. Сергеевич выступил с критикой взглядов Павлова-Сильванского. Льготы в отношении уплаты налогов он считал возникшими исключительно в силу пожалований со стороны носителей верховной власти¹⁷¹. Иммуниетные привилегии автор отрывал от частнофеодальной собственности на землю. Апеллируя к тому факту, что жалованные грамоты выдавались не только феодалам, но и слободчикам, отдельным группам торгово-ремесленного населения и др., Сергеевич утверждал: «Различие черных и белых сох не стоит ни в какой связи с сословным различием лиц»¹⁷², «тягло могли тянуть всякие люди, начиная с владык и бояр и кончая крестьянами. Льготами могли пользоваться также всякие люди». «Наше льготное владение далеко не укладывается в рамки западных иммунитетов»¹⁷³.

Эта путаница произошла у Сергеевича от формального подхода к так называемому «льготному владению». Сергеевич смешивал всех лиц, получавших жалованные грамоты, не вникая в содержание последних. Вместо изучения вопроса об иммунитете феодалов, он делал упор на пожаловании льгот лицам, не имевшим права феодальной собственности на землю, т. е. не являвшимся феодалами. Жалованные грамоты льготникам подобного рода нужно рассматривать как акты государственного или дворцово-вотчинного управления¹⁷⁴. Некоторые из них (относящиеся главным образом к дворцовым селам) аналогичны тем льготным и уставным грамотам, которые выдавали монастыри своим крестьянам.

Считая иммунитет королевским пожалованием, исключением из правила, Сергеевич приходил к выводу, что общее правило предполагает «действие королевской власти на всех подданных, которые платят ей повинности и состоят под судом ее чиновников»¹⁷⁵. Однако при феодализме, указывал далее Сергеевич, «государственный суверенитет был поделен между королем и его вассалами», узурпировавшими дарованные им королем привилегии¹⁷⁶. Потеряв, таким образом, право сбора дани и суда в отношении населения феодальных сеньорий, король потерял и право иммунитета, т. е. освобождения от налогов и юрисдикции королевских чиновников.

Отсюда Сергеевич делал вывод, что иммунитет предшествовал феодализму, а с установлением последнего исчез¹⁷⁷. Но так как на Руси иммуниетные льготы продолжали предоставляться вплоть до XVIII в., ни о каком феодализме в древнерусском государстве и речи быть не может: «У нас были некоторые предвестники феодализма, но очень слабые: феодализма же не развилось»¹⁷⁸. Следовательно, трактовка иммунитета послужила для Сергеевича

---

¹⁷⁰ Рожков Н. Происхождение самодержавия в России. М., 1906. С. 20, 21, 24, 27.

¹⁷¹ Сергеевич В. Древности русского права. СПб., 1903. Т. III. С. 291, 292, 297.

¹⁷² Там же. Т. III. С. 313.

¹⁷³ Там же. С. 308 и примеч. 2.

¹⁷⁴ Подробнее см.: Памятники русского права. М., 1956. Вып. IV. С. 101–102 (далее – ПРП).

¹⁷⁵ Сергеевич В. Указ. соч. Т. III. С. 471.

¹⁷⁶ Там же. С. 471–472.

¹⁷⁷ Там же. С. 472.

¹⁷⁸ Там же. С. 474–475.

одним из способов отрицания феодализма на Руси, что, в свою очередь, давало возможность обосновать теорию бесконфликтного течения русского исторического процесса. Рассуждения об одинаковом предоставлении льгот всем сословиям подкрепляли теорию надклассовости феодального государства, сеяли буржуазные иллюзии относительно сущности русского самодержавия.

Не остался в стороне от обсуждения природы иммунитета и П. Н. Милюков. В первых четырех изданиях его «Очерков по истории русской культуры» (1896–1900 гг.) термин «иммунитет» как будто еще не фигурирует. Появляется он в пятом (1904 г.) и повторяется в шестом (1909 г.) издании. Но уже в первых изданиях Милюков ясно сформулировал свою мысль о принципиальном отличии социально-политического положения русского землевладельца от статуса его западного собрата: «русский землевладелец» в противоположность западному «феодалу» не превратился в промежуточную власть между государем и подданными. «В своей вотчине он никогда не был тем полным государем, судьей и правителем, каким был западный барон в своей баронии. Чиновники местного князя, его судьи, сборщики податей всегда беспрепятственно проникали в пределы владений русского вотчинника»; только поступив на службу к князю, вотчинник «мог рассчитывать получить в свое пользование хотя бы часть тех государственных прав, которых он был лишен как простой хозяин вотчины»¹⁷⁹.

В первых четырех изданиях Милюков по существу сводил возможные политические права землевладельца к правам кормленщика. В пятом и шестом изданиях он различает «иммунитет» и «кормление», но оба комплекса прав считает результатом пожалования: «Свой князь мог передать ему часть своих верховных прав в его собственной „боярщине“, т. е. установить для него более или менее широкий „иммунитет“. Чужой князь... давал особенно важным и сильным „слугам“ часть своих доходов, связанных с управлением и судом в каком-нибудь городке или волости, во временное „кормление“. Итак, те права, которыми западный землевладелец пользовался как самостоятельный хозяин и как обязательный вассал своего обязательного сюзерена, наш землевладелец мог получить только как чиновник на службе выбранного им князя»¹⁸⁰.

Особый путь России Милюков объясняет тем, что государственность сложилась здесь раньше, чем к этому привел процесс внутреннего экономического развития (в этом он видит коренное отличие России от Запада и сходство с Турцией): на Руси «присвоение государственных земель частными владельцами не привело к феодализму, потому что государственная власть была уже настолько сильна, что заставить ее поделиться верховными правами с крупными землевладельцами было невозможно. Самое большое, чего они кое-как добились, – это введение феодального элемента в свои отношения к низшим слоям населения, т. е. закрепощение крестьян и дворовых слуг»¹⁸¹. Затем, согласно Милюкову, был закрепощен государством и класс служилых землевладельцев¹⁸².

В построениях Милюкова повторилась на новой стадии развития общественной мысли концепция закрепощения сословий, отрицание (хотя и небезоговорочное) феодализма в России, отождествление иммунитета с кормлением, рассмотрение иммунитета в качестве простого пожалования государственных прав частному лицу. Милюков возродил в основных чертах схему Градовского, придав ей новую политическую направленность.

¹⁷⁹ Милюков П. Очерки по истории русской культуры, [1-2-е изд.]. СПб., 1896. С. 164–165; 3-е изд. СПб., 1898. С. 168–169; 4-е изд. СПб., 1900. С. 177–179; 5-е изд. СПб., 1904. С. 206–208; 6-е изд. СПб., 1909. С. 220–222.

¹⁸⁰ Милюков П. Указ. соч. 5-е изд. С. 208–209; 6-е изд. С. 222–223.

¹⁸¹ Там же. 5-е изд. С. 142–143; 6-е изд. С. 147–148.

¹⁸² Там же. 5-е изд. С. 209; 6-е изд. С. 223.

Схема Милюкова не рождалась как антитеза концепции Павлова-Сильванского (первое издание «Очерков» появилось до выхода статьи Павлова-Сильванского об иммунитетах), но фактически оказалась таковой, что особенно заметно в изданиях 1904 и 1909 гг., в которых автор, видимо, учел новую литературу.

В 1907 г. вышла в свет книга М. А. Дьяконова. В своей классификации жалованных грамот (дарственные, льготные или иммунитетные, заповедные) Дьяконов целиком повторил схему М. Ф. Владимирского-Буданова¹⁸³, однако его толкование иммунитетных грамот разошлось с концепцией Владимирского-Буданова. В этом вопросе Дьяконов исходил в основном из теории Сергеевича рубежа 80-90-х годов. Рассматривая иммунитетные грамоты как документы, содержащие «какие-либо изъятия... от общих порядков суда и податных обязанностей»¹⁸⁴, автор считал, что этими пожалованиями московские великие князья и цари «создают указную практику, на почве которой могут выработаться мало-помалу общие нормы»¹⁸⁵. Дьяконов писал: «Хотя у нас почва для возникновения сословных привилегий оказалась менее благоприятной (чем на Западе. – С. К.), но все же некоторые из пожалований получили характер общих норм. Например, предоставляемое по жалованным грамотам землевладельцам право судить население своих имений и взимать с них подати вошло готовым элементом в состав крепостного права на крестьян вотчин и поместий»¹⁸⁶. Таким образом, Дьяконов развил здесь мысль Сергеевича. Он изложил ее в такой форме, которую было довольно нетрудно примирить с положением об иммунитете как праве определенного сословия.

Попытка соединить концепции Владимирского-Буданова и Сергеевича в рамках классификационной схемы Владимирского-Буданова делалась также в курсе А. Н. Филиппова, однако автор гораздо больше, чем Дьяконов, находился под влиянием Владимирского-Буданова. Во всяком случае вывода о вхождении вотчинного суда в состав крепостного права у него нет¹⁸⁷.

Зато сословное право видел в иммунитете А. Е. Пресняков. Посмертная (1938 г.) публикация его лекций дает представление о концепции иммунитета, выдвинутой им в 1907/08-1915/16 гг.

Пресняков подчеркивал древность «иммунитетной автономии церкви», ограничивавшейся лишь по мере усиления княжеской власти.

Из лекций не вполне ясно, считал ли в это время Пресняков иммунитет атрибутом землевладения или результатом пожалования. Во всяком случае, он говорил, что в XII в. «предметом *пожалования* (курсив мой. – С. К.) были земли с населением их и с административно-судейскими правами и доходами над этим населением зависимых людей»¹⁸⁸.

Наличие боярского иммунитета в XI-XII вв. Пресняков отрицал: «В XI-XII вв. в Киевской Руси не видим еще признаков существования в боярских вотчинах вотчинного суда, вотчинной власти. Время иммунитета, уже народившегося для церкви, для боярства впереди, в удельной эпохе»¹⁸⁹.

Б. И. Сыромятников, лекции которого, читанные в 1908/09 г., были опубликованы в 1909 г., рассматривал иммунитет как «политическую привилегию крупного землевладения». Вместе с тем он выводил его из власти над несвободными, т. е. из рабовладения:

---

¹⁸³ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Юрьев, 1907. Т. I. С. 210–213.

¹⁸⁴ Там же. С. 211.

¹⁸⁵ Там же. С. 209.

¹⁸⁶ Там же. С. 212.

¹⁸⁷ Филиппов А.Н. История русского права: Конспект лекций. Юрьев, 1906. Ч. I, вып. II. С. 8–12.

¹⁸⁸ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. I: Киевская Русь. С. 194–195.

¹⁸⁹ Там же. С. 195.

«Благодаря приложению несвободной рабской силы к земле, в эту эпоху у нас начинает развиваться крупное правительственное и частное землевладение на рабовладельческой основе»¹⁹⁰. Сыромятников говорил о всеобщей зависимости в эпоху феодализма: «Свободный, вольный человек уже исчез»¹⁹¹. Однако эту несвободу он больше относил не к периоду «политического» («удельных» времен) феодализма, когда иммунитет зародился, а к периоду «социального» феодализма (с XVI в.)¹⁹². Источник несвободы крестьян Сыромятников усматривал не в специфике производственных отношений, а в иерархической структуре общества. Автор отрицал существование «личной» несвободы крестьян в «удельный» период, сводя дело к «земельной» или территориальной, т. е. политической зависимости: «Холопство – личная зависимость, крестьянство – земельная»; «крестьяне – вольные арендаторы (цензива) княжеских или частновладельческих земель»¹⁹³. Выводя иммунитет из власти над холопами, трудно было объяснить его распространение в первую очередь на «свободных» крестьян. В этом состояла внутренняя противоречивость концепции Сыромятникова.

Писавший в те же годы М. С. Ольминский признавал независимое от жалованных грамот происхождение иммунитета¹⁹⁴. Он отмечал, что крестьяне были «подчинены» иммунитетам «в отношении суда и управления», но при этом, по его мнению, крестьянин «удельного» времени «сравнительно легко мог избегнуть власти своего помещика». Речь у него идет о «державных правах» бояр-землевладельцев, но не о личной зависимости и внеэкономическом принуждении крестьян¹⁹⁵. В этом отношении взгляды М. С. Ольминского были близки к концепции Б. И. Сыромятникова¹⁹⁶.

В 1910 г. начала выходить «Русская история» М. Н. Покровского, который подверг решительной критике мнение «националистической историографии» об отсутствии феодализма в России¹⁹⁷. Согласно Покровскому, на Руси, как и в Западной Европе, «всякий самостоятельный землевладелец был „государем в своем имении“»¹⁹⁸. Попытку вывести права землевладельца из пожалований Покровский высмеивает: «...С обычной в нашей историко-юридической литературе „государственной“ точки зрения эти права всегда представлялись как особого рода исключительные привилегии, пожалование которых было экстраординарным актом государственной власти»¹⁹⁹.

Покровский соглашается с той частью концепции Сергеевича, которая провозглашала привилегию не исключением, а общим правилом, и считает привилегию правом целого сословия²⁰⁰. В жалованной грамоте он видит только юридическую формальность, способ

¹⁹⁰ Сыромятников Б. И. История русского государственного права: Лекции, читанные в Московском Коммерческом институте в 1908/09 академическом году. М., [1909]. С. 72.

¹⁹¹ Там же. С. 74–75.

¹⁹² Там же. С. 74.

¹⁹³ Сыромятников Б. И. История русского права: Удельный период (с конца XII до начала XVI ст.) // Вести. Высших женских юридических курсов в Москве, 1907/08 акад. год. М., 1908. № 5/6. С. 13–14.

¹⁹⁴ Александров [Ольминский] М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб., 1910. С. 9–10, 13–17.

¹⁹⁵ Там же. С. 10–13.

¹⁹⁶ О концепциях Н. П. Павлова-Сильванского, Б. И. Сыромятникова, М. Н. Покровского и М. С. Ольминского см. также: Муравьев В. А. Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX – начала XX в.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1969. С. 16–33. Ср.: Тихонов В. В. В. А. Муравьев как исследователь теории русского феодализма в отечественной историографии // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: Сб. ст.: В двух томах. М., 2013. Т. I. С. 61–69; Дурновцев В. И., Тихонов В. В. Жизнь и труды историка Б. И. Сыромятникова. М., 2012.

¹⁹⁷ Покровский М. Н. [с участием Я. М. Никольского и В. Н. Сторожева]. Русская история с древнейших времен. М., [1910]. Т. I. С. 64–65 (Покровский М. Я. Избранные произведения в четырех книгах. М., 1966. Кн. I. С. 103).

¹⁹⁸ Покровский М. Я. Русская история... Т. I. С. 86; ср. с. 94 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 123; ср. с. 131).

¹⁹⁹ Покровский М. Я. Русская история... Т. I. С. 84 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 121–122).

²⁰⁰ Покровский М. Н. Русская история... Т. I. С. 85 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 122).

размежевания прав князя и частного землевладельца²⁰¹. Политическое значение Покровский придает лишь ханским ярлыкам и говорит, что они устанавливали «самый полный иммунитет церкви, каким только она пользовалась в средние века где бы то ни было в Европе»²⁰².

Иммуниеты определяются автором как «особая подсудность для особых разрядов лиц и учреждений»²⁰³. Одновременно признается и существование «финансового иммунитета»²⁰⁴. «Иммуниеты» в понимании Покровского оказываются принадлежностью и церкви, и светских землевладельцев, и «капиталистов», правивших «земством», и др. Автор, вероятно, в значительной мере разделял представление Сергеевича о всеобщности иммунитетов.

Что касается источников иммунитета, лежавших глубже юридической формальности, то этого вопроса Покровский касался лишь применительно к светским вотчинникам. Природу их власти он усматривал не в структуре землевладения, а в пережитках патриархального права: вотчинное право «было пережитком патриархального права, не умевшего отличать политической власти от права собственности»²⁰⁵.

Следовательно, для Покровского иммунитет – чисто юридический институт, в области светского землевладения закрепляющий независимо от него существовавшую власть вотчинника. Как и почему возник иммунитет церкви и других сословий, автор в 1910 г. не объяснял, оставляя тем самым место для теории пожалований. В концепции Покровского нашло выражение своеобразное сочетание идей Павлова-Сильванского (наличие феодализма в России, независимость вотчинного иммунитета от пожалования) и Сергеевича (иммунитет – право различных сословий и разрядов населения). Особенность его схемы заключалась в признании источником вотчинной власти «патриархального права». Этот специфический момент можно расценить как попытку приложить к частному землевладению представление о патерналистском характере княжеской власти, проистекавшей, по мнению Владимирского-Буданова, «из древних оснований власти домовладыки и отца»²⁰⁶.

Покровский проводил прямую линию от вотчинной власти раннего периода до «уголовной юрисдикции помещика» и «подданства» ему крестьян в условиях «нового феодализма» XVIII – первой половины XIX в.²⁰⁷ Здесь проявилось следование автора плодотворной идее Сергеевича – Дьяконова о вхождении иммунитета в состав позднейшего крепостного права.

В книге В. А. Панкова, вышедшей в 1911 г., проблема иммунитета также рассматривалась в довольно тесной связи с проблемой крестьянской крепости. Эта взаимосвязь, конечно, не была случайной в условиях столыпинской реформы, когда в буржуазной историографии резко возрос интерес к крестьянскому вопросу (в изучаемое время началась, в частности, энергичная разработка дипломатики актов крестьянской и холопской зависимости)²⁰⁸. Остановившись на проблеме происхождения иммунитетных грамот, Панков указывал в качестве мотивов их выдачи благочестивые побуждения, желание устроить духовенство, помогавшее

²⁰¹ Покровский М. Н. Русская история... Т. I. С. 86–87 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 124).

²⁰² Покровский М. Н. Русская история... Т. I. С. 220 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 218).

²⁰³ Покровский М. Н. Русская история... М., [1910]. Т. II. С. 253 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 438–439).

²⁰⁴ Покровский М. Н. Русская история... Т. II. С. 241 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 427).

²⁰⁵ Покровский М. Н. Русская история... Т. I. С. 86 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 123).

²⁰⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1886. С. 93.

²⁰⁷ Покровский М. Н. Русская история... М., 1912. Т. IV. С. 55, 57, 61 и др. (Он же. Избранные произведения... М., 1965. Кн. II. С. 57, 59, 62 и др.).

²⁰⁸ Удинцев В. С. История займа. Киев, 1908; Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1909. Т. II. С. 79; Дьяконов М. К вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабале // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909. Ч. I. С. 321–326 и др.; Лапто-Данилевский А. С. Служилые кабалы позднейшего типа // Там же. Ч. II. С. 719–764; Сводный текст крестьянских порядных XVI века / сост. слушательницами С.-Петербургских Высших женских курсов. СПб., 1910; Греков Б. Новгородские бобыльские порядные // Чтения ОИДР. 1912. Кн. 2, отд. 2. С. 1–6.

великим князьям в борьбе с удельными, а также стремление заселить пустующие земли для получения казенных доходов, переманить людей из других княжеств²⁰⁹.

Повторение тезиса о благочестивых целях выдачи жалованных грамот предопределялось общим возрождением схемы Милютин – Горбунова в концепции Павлова-Сильванского. Дополнительным объяснением роста внимания к этому тезису в годы реакции может служить факт распространения богоискательских настроений в среде буржуазной интеллигенции в изучаемый период. Тогда же в русской историографии возродился специальный интерес к ханским ярлыкам русским митрополитам²¹⁰.

Схема Панкова важна новым раскрытием старого тезиса о благочестивых мотивах. Автор рассматривал грамоты как награду духовенству за помощь в борьбе с удельными князьями. Отсюда уже был один шаг до признания самих грамот орудиями междукняжеской политической борьбы. Однако этот шаг означал бы огромный качественный скачок, переход на позиции Н. Г. Чернышевского. Панков лишь показал тот поворот, который следовало придать тезису о благочестии, чтобы поставить его с головы на ноги, но сам остался на идеалистических позициях, считая жалованные грамоты актами благодарности, т. е. пассивными свидетелями, а не активными орудиями политической борьбы. Более того, он буквально переписал аргументацию Мейчика, доказывая не политические, а юридические причины «слабой исполнительной силы» жалованных грамот²¹¹.

Дальнейшую судьбу иммунитета Панков трактовал в духе К. А. Неволлина, Д. М. Мейчика, М. Ф. Владимирского-Буданова. Вслед за Неволлиным он считал, что централизованное государство в ходе постепенного ограничения иммунитета ликвидировало его совсем (иммунитет светских землевладельцев – в XVI в., духовных – в XVIII в.)²¹². Все основные предпосылки для ликвидации церковно-монастырских иммунитетов, по мнению Панкова, были уже в XVI в. (сокращение казенных платежей с земель духовных корпораций, уменьшение заинтересованности правительства в монастырях в связи с уничтожением уделов и др.). Однако задержка секуляризации произошла, согласно Панкову, в силу мировоззрения тогдашнего общества, которое считало необходимым материально обеспечивать «устройство душ» и вообще испытывало благоговение перед духовенством²¹³. Не совсем четко объяснял Панков фактическую разницу между владениями, имевшими жалованную грамоту, и владениями, не имевшими таковой. В XVI в., полагал он, положение крестьян в пожалованных вотчинах было не легче, чем в других землях, но крестьяне туда стремились лишь в надежде получить кратковременную льготу: монастыри давали ее вследствие большей своей материальной обеспеченности по сравнению с бестарханскими светскими феодалами.

Панков считал, что в ранний период (до XVI в.) крестьянство являлось свободным населением иммунитетных вотчин и лишь затем стало попадать в личную зависимость от землевладельцев²¹⁴. Однако рост этой зависимости автор связывал не с экономической структурой феодальной собственности на землю, а с закрепостительной политикой правительства. Из своего обзора Панков сделал следующий вывод: отмена иммунитета привела к закрепощению высшего сословия, в конце XVI в. правительство закрепостило и крестьян.

---

²⁰⁹ Панков В. Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI века и его политическое и экономическое значение. СПб., 1911. С. 1–29 (гл. I).

²¹⁰ Веселовский Н. И. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. СПб., 1909. С. 525–536.

²¹¹ Панков В. Указ. Соч. С. 27–28.

²¹² Там же. С. 112–113, 134 и др.

²¹³ Там же. С. 128–129 и др.

²¹⁴ Там же. С. 123, 144–145, 183–184.

Таким образом, Панков вполне солидаризировался с представителями теории надклассового характера государства и всеобщего закрепощения сословий²¹⁵.

Эклектизм концепции Панкова основывался на полном игнорировании феодальной формы земельной собственности. Недаром земельных собственников автор иногда называл «капиталистами». Иммунитет рассматривался Панковым как простое дополнение к землевладению, часто как доходная статья.

В работе Панкова большой документальный материал (опубликованный и частично архивный) был систематизирован по княжествам, и при этом прослеживалось постепенное ограничение иммунитета. Автор справедливо отметил более ограничительный характер политики Москвы по сравнению с удельнокняжеской и стремление московского правительства XVI в. ликвидировать освобождение от важнейших налогов и не давать права суда по самым тяжконаказуемым видам преступлений. Как и Покровский, Панков усматривал в этом прежде всего попытку отобрать наиболее доходные статьи. Вместе с тем он правильно угадывал в ограничениях стремление к стеснению «иммунитетной независимости»²¹⁶ (т. е. задачу политическую). Однако, подобно своим предшественникам (Неволин, Мейчик, Владимирский-Буданов), Панков не выдвигал мысль, что правительство было не в состоянии, сохраняя феодальное землевладение, уничтожить «последние остатки иммунитетной независимости».

Таким образом, в книге Панкова делалась попытка объединить близкие между собой составные части схем Неволина – Милютин – Павлова-Сильванского, с одной стороны, Горбунова – Мейчика – Владимирского-Буданова – с другой. Основное противоречие этих двух больших направлений в историографии иммунитета состояло в полярном решении вопроса о происхождении и природе иммунитета. Однако, рассматривая происхождение грамот, Неволин, Горбунов и др. при всех отличиях их концепций друг от друга считали активным началом государство. Именно оно было заинтересовано в выдаче грамот (либо ради ограничения иммунитета, либо в силу благочестия и т. п.). В этом же духе решал вопрос о выдаче жалованных грамот и Панков.

Завершающему этапу развития историографии феодального иммунитета в дореволюционной России предшествовал ряд новых крупных и мелких публикаций жалованных грамот церковно-монастырским учреждениям и светским лицам²¹⁷. Оживленное обсуждение природы феодального иммунитета в 1915–1917 гг. сопровождалось интенсивным исследованием ханских ярлыков²¹⁸. Между развитием дипломатики жалованных грамот и дипломатики ханских ярлыков существовала довольно устойчивая связь, проявившаяся в годы первой революционной ситуации (1859–1861) и в 1915–1917 гг.

В 1915 г. был издан курс лекций по русской истории М.К. Любавского²¹⁹. Иммунитет Любавский рассматривал как «льготы» и «изъятия»²²⁰, т. е. считал его чисто юридической категорией. Автор не сомневался в том, что источник иммунитета – княжеское пожалование. В этом смысле он вполне следовал за Милюковым: «Князья сделались у нас на Руси территориальными государями прежде, чем создано боярское землевладение, которое разви-

---

²¹⁵ Там же. С. 186.

²¹⁶ Там же. С. 111–113.

²¹⁷ Наиболее важны: Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов / под ред. А. К. Кабанова // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1913. Вып. 3, ч. 1: Сборник. Т. XIV; Архив П.М. Строева. Пг., 1915–1916. Т. 1–2; *Шумаков С. А.* Обзор «грамот коллегии экономии». М., 1912. Вып. III; М., 1917. Вып. IV, и др.

²¹⁸ *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916; *Веселовский Н.* Рецензия на книгу М. Д. Приселкова «Ханские ярлыки русским митрополитам» // ЖМНП. 1917. Март; Апрель. С. 119–124.

²¹⁹ *Любавский М. К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1915; 2-е изд. М., 1916; 3-е изд. М., 1918.

²²⁰ Там же. [1-е] – 3-е изд. С. 175.

валось уже под покровом и в зависимости от княжеской власти»²²¹. Автор прямо отвергал мнение Павлова-Сильванского о независимом происхождении боярского землевладения²²².

Для Любавского вопрос заключался лишь в том, почему князья жаловали иммунитеты и к каким последствиям это приводило. Названные им причины пожалования сводятся к четырем моментам: 1) князья не имели денег для раздачи жалования своим слугам и церковным учреждениям²²³; 2) князья смотрели на государственную власть как на предмет частного владения, доходную статью и средство оплаты услуг²²⁴; 3) религиозные мотивы князей²²⁵; 4) предвидение князьями экономических выгод от заселения страны²²⁶.

Здесь повторены очень старые доводы, встречающиеся в разных вариациях в историографии XIX – начала XX в. (Чичерин, Соловьев, Горбунов, Мейчик, Панков и др.). Однако автор выдвинул еще мысль об отсутствии исторической необходимости в пожаловании иммунитетов. Он считал, что за услуги князья могли расплачиваться кормлениями, а не отказываться «навсегда» от своих прав по отношению к населению жалуемых имений: только «политическая неразвитость» князей толкнула их на путь предоставления иммунитетов²²⁷.

Более интересны выводы Любавского о последствиях пожалования. Автор признавал, что результатом иммунитетных пожалований было, во-первых, приближение статуса вотчины к статусу княжества и некоторое сходство русского иммунитетного владения с западным²²⁸ (в этом известное отличие от концепции Милюкова²²⁹); во-вторых, появление наряду с экономической зависимостью крестьян-арендаторов (концепция Ключевского) юридической зависимости этих крестьян от своих владельцев²³⁰ (близость к концепции Сергеевича – Дьяконова).

Схема Любавского весьма эклектична и в главных чертах представляет собой симбиоз построений Милюкова и Сергеевича.

Революционная обстановка 1916–1917 гг. заметно активизировала общественно-политическую и историко-юридическую мысль. П. И. Беляев, писавший в 1916 г.²³¹, считал (вслед за Н. П. Павловым-Сильванским) иммунитет «конструкцией публичных прав как принадлежности недвижимых имений», возникшей независимо от государства («...В подчинении жителей привилегированной вотчины суду и дани господина иммунитетные грамоты только развивают исконные начала»)²³². Автор утверждал, что феодальное правительство «было не в силах» «уничтожить существование сеньорий, ячеек крепостного нрава»²³³. Беляев по существу присоединился к точке зрения Сергеевича – Дьяконова о неразрывности иммунитета и крепостного права. В термин «недвижимые имения» автор не вкладывал понятия феодальной собственности на землю. Феодал, по его мнению, был не собственником своей земли, а опекуном «в примитивном смысле», имеющим «власть над

---

²²¹ Там же. [1-е изд.]. С. 174; 2-3-е изд. С. 175.

²²² Там же (в дальнейшем ссылки даются только на 1-е изд.).

²²³ Там же. С. 175.

²²⁴ Там же. С. 162.

²²⁵ Там же. С. 160.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Там же. С. 176.

²²⁸ Там же. С. 161, 162, 175, 179.

²²⁹ Автор, впрочем, указывал, что «русский феодализм в своем развитии не пошел дальше первичных, зачаточных форм» (Там же. С. 180).

²³⁰ Там же. С. 162.

²³¹ Беляев П.И. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение // ЖМЮ. 1916. Октябрь; Ноябрь.

²³² Там же. Октябрь. С. 150.

²³³ Там же. С. 152; ср.: Там же. Ноябрь. С. 165.

подопечным имуществом» и действующим «в своих интересах»²³⁴(ср. идею «патриархального права» Покровского). Беляев фактически попытался примирить сильные стороны теорий Павлова-Сильванского и Сергеевича со славянофильской концепцией внесобственнического, сугубо политического характера власти феодалов. Отсюда его понимание жалованных грамот как чисто управленческих актов, не затрагивавших социальной структуры феодального строя.

Большой историографический интерес представляет раздел, посвященный жалованным грамотам в сводной статье С. А. Шумакова о русских грамотах. Как и Дьяконов, Шумаков, используя классификационную схему Владимирского-Буданова, вложил в нее новое содержание. Вслед за Беляевым Шумаков сближал жалованные грамоты с грамотами правительственного управления – уставными, губными и земскими, но в отличие от Беляева он не искал общего источника всех этих разновидностей грамот, а выводил уставные, губные и земские грамоты из более древних жалованных²³⁵. Указанные типы грамот Шумаков расценивал как «хартии вольностей отдельных классов (уставные грамоты) и лиц (грамоты жалованные в тесном смысле), вырванных и завоеванных ими в пылу классово-экономической борьбы». И в сноске разъяснял: «Так по существу, если не по форме. Ведь если жалованные грамоты формально и являются октроированными актами, то по существу... решающим моментом в подобных случаях является не юридическая фикция добровольности дачи грамоты, а юридическое закрепление грамотой фактического переворота и сдвига, явившегося результатом классово-экономической борьбы»²³⁶.

В мысли Шумакова было много верного, однако «классовую борьбу» он усматривал главным образом во внутриклассовой борьбе боярства и дворянства. Так, справедливо отмечая постепенное ограничение судебного иммунитета, Шумаков указывал: «... Причем не осталась тут без влияния и классовая борьба старого боярства с новым дворянством, с участием в ней духовенства и тяглых классов... Под влиянием той же классово-экономической борьбы ограничиваются и финансовые льготы грамотчиков...»²³⁷ Вопрос о дальнейшей судьбе иммунитета Шумаков не ставил специально, но он верно подчеркнул: «Реальное соотношение сил было таково, что льготные грамоты продолжают даваться у нас до XVIII в.»²³⁸

Таким образом, Шумаков, исходя из выработанного уже в науке представления об иммунитете как сословном праве (Дьяконов, Пресняков, Покровский), впервые в русской историографии связал выдачу жалованных грамот с острой борьбой классовых прослоек и сословий русского общества. В этом его заслуга. Однако Шумаков настолько в общих чертах обуславливал «классовую борьбу» выдачу жалованных грамот «в узком смысле», что тезис его не получил обоснования. Вне поля зрения Шумакова оставалась главная причина ограничения феодального иммунитета – развитие производительных сил и производственных отношений. Роль правительства в выдаче жалованных грамот статьей Шумакова тоже не выяснялась. Создавалось впечатление, что правительство довольно механически выполняло то, перед чем оно было поставлено фактами классово-экономической борьбы. Это сближало Шумакова методологически с позднеюридической школой – Сергеевичем и др. Концепция Шумакова сложилась в значительной мере под влиянием революционной борьбы в России 1916–1917 гг. Характерно, что в период кризиса и падения самодержавия вновь были развиты и усилены те точки зрения, которые сводились к отрицанию активной роли государства в создании и отмене иммунитета. В схеме Шумакова идея челобитья была заменена идеей клас-

---

²³⁴ Там же. Октябрь. С. 161. П. И. Беляев указывал, что феодал «есть не собственник, а властитель» (Там же; ср. с. 178).

²³⁵ Шумаков С. Обзор «грамот коллегии экономики». Вып. IV. С. 5.

²³⁶ Там же. С. 3, примеч. 1.

²³⁷ Там же. С. 8.

²³⁸ Там же. С. 9.

совой борьбы за получение привилегий; у Беляева прямо отрицалась возможность отмены иммунитета феодальным государством.

Подводя итоги развития русской дореволюционной историографии иммунитета, отметим постоянную борьбу в ней двух течений: одного – стремившегося доказать независимое от государства возникновение иммунитета, и другого – отстаивавшего мысль о государственном происхождении иммунитета.

При этом сторонники теории автогенного иммунитета (Неволин, Павлов-Сильванский) мало интересовались отношением иммунистов к получению жалованных грамот. В концепциях историков данного направления грамотчики – сторона пассивная, их интересы вне учета, правительство же выдает грамоты по политическим соображениям. У Ланге, И. И. Дитятина, Сергеевича – наоборот: грамотчики – инициаторы, челобитчики, заинтересованные в выдаче грамот, определяющие ее, а государство – пассивный механизм, выполняющий их волю. Каждое направление абсолютизировало одну сторону проблемы, не видя в акте выдачи грамоты своеобразной сделки, компромисса интересов. И та и другая постановка вопроса имела свои сильные стороны, так как охватывала часть истины.

Считая государство активным борцом за ограничение привилегий, некоторые представители первого направления смогли прийти к выводу, что государство пыталось приобрести то, чем не обладало, т. е. что иммунитетные привилегии возникли независимо от государства. Представители второго течения, предполагая механическое распространение иммунитета в общем порядке, сумели понять неразрывность иммунитетных привилегий с позднейшим крепостным правом. Внутренние слабости каждой концепции породили соответствующие неверные выводы: тезис об уничтожении иммунитета государством (до ликвидации феодального землевладения) – у сторонников первой теории, тезис о создании иммунитета жалованными грамотами, т. е. государством, – у выразителей челобитной теории.

Общее в этих воззрениях заключалось в абсолютизации (в том или ином аспекте) роли государства в истории иммунитета. Теоретики первого направления абсолютизировали государство в религиозно-феодальном плане, представляя его источником законодательной мысли. Теоретики челобитного направления идеализировали самодержавное государство в чисто буржуазном духе, считая его исполнителем законодательной воли различных сословий. Незаметно для себя Сергеевич и Дьяконов, критиковавшие теорию Георга-Фридриха Пухты, славянофилов и Владимирского-Буданова, сами приближались к этой же позиции, ибо признание государства исполнителем воли различных сословий (от бояр до крестьян – у Сергеевича) означало солидарность с тезисом Пухты о законодателе как выразителе правового сознания народа в целом.

Буржуазный аспект идеализации государства стал возможен только в условиях более или менее зрелого капитализма, в обстановке буржуазных реформ, некоторого либерализма, ослабления открыто диктаторской роли самодержавия. Челобитную концепцию Ланге, Дитятина, Сергеевича подготовила эпоха реформ 60-70-х годов XIX в. Буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг. дала новый толчок для развития этой теории (Дьяконов). Челобитная теория, сеявшая буржуазные иллюзии относительно сущности самодержавия, не могла играть заметной прогрессивной общественной роли, за ней крылись надежды на «улучшение» самодержавия, его либерализацию в плане ответа на «челобитья» подданных, в то время как революционная постановка вопроса сводилась к требованию ликвидации самодержавия.

Абсолютизация государства в религиозно-феодальном плане (точнее – абсолютизация его религиозно-самодержавной сущности) либо давала прямую апологию самодержавия²³⁹, либо подчеркиванием недоговорного характера государства (теория закрепощения сосло-

---

²³⁹ В случае отождествления воли народа и воли государства.

вий) могла играть некоторую прогрессивную общественную роль, косвенно выражая протест против автократии²⁴⁰.

Абсолютизация самодержавной стороны государственной власти обычно имела место в условиях реакции, наступавшей после периодов революционного подъема (время Николая I, Александра III, столыпинская реакция). Особое значение она приобрела в годы крестьянской реформы, когда либералы надеялись на силу самодержавия в борьбе с крепостниками.

---

²⁴⁰ Этот скрытый протест звучал еще в ранней, теоретически противоречивой работе В. И. Сергеевича, в которой члoбитная теория уживалась с абсолютизацией самодержавной сущности русского государства: «Государственная воля переходит границы возможного и не дает дышать частному человеку» (*Сергеевич В.* Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 58).

Глава 3

Советская историография феодального иммунитета в России (до середины 60-х годов XX в.)

Проблема феодального иммунитета, тесно связанная с проблемой крепостного права, получила весьма основательную разработку в историографии XVIII – начала XX в. В предыдущих главах были показаны главные тенденции развития дворянской, буржуазной и революционно-демократической историографии крепостного права, рассматриваемого в качестве одного из проявлений и следствий иммунитета²⁴¹.

Новый этап в изучении иммунитета наступил после победы Октябрьской революции. Не сразу, но с течением времени все большее влияние на развитие исторической мысли в России оказывал ленинизм. Поэтому будет уместно рассмотреть представления В. И. Ленина о феодализме и крепостном праве, с которыми было связано существование иммунитета.

В третьем выпуске своей книги «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.) В. И. Ленин говорит о переходе России от «крепостнического, феодального способа производства к капиталистическому»²⁴². В своем капитальном труде «Развитие капитализма в России» (написан в 1896–1899 гг., впервые напечатан в 1899 г.) В. И. Ленин, анализируя вторую, по его определению, черту «барщинного хозяйства» – наделение непосредственного производителя земель и прикрепление его к земле, – подчеркивает универсальный характер этого признака ссылкой на Энгельса, которого он цитирует: «В средние века не освобождение (expropriation) народа от земли, а, напротив, прикрепление (appropriation) его к земле было источником феодальной эксплуатации»²⁴³. Такое же универсальное значение придает В. И. Ленин третьей, по его определению, черте «барщинной системы» – личной зависимости крестьянина от помещика: «Необходимо... „внеэкономическое принуждение“, как говорит Маркс, характеризую этот хозяйственный режим («Das Kapital», III, 2, 324)»²⁴⁴. Нет сомнений в том, что «барщинное хозяйство» рассматривается В. И. Лениным как тип феодального хозяйства, механизм которого исследован Марксом в III томе «Капитала»²⁴⁵.

Признав «внеэкономическое принуждение» типичной, необходимой чертой «барщинного хозяйства» вообще (как в России, так и в любой другой стране), В. И. Ленин пишет: «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»²⁴⁶. Отсюда ясно, что кре-

---

²⁴¹ Каштанов С.М. К историографии крепостного права в России. [I] // История и историки: Историография истории СССР: Сб. ст. М., 1965. С. 270–312; *Он же*. К историографии крепостного права в России. [II] // История и историки: Историографический ежегодник. 1972. М., 1973. С. 126–141.

²⁴² Ленин В. И. ПСС. Т. I. С. 247. Об употреблении В. И. Лениным терминов «феодализм», «крепостничество», «крепостное право» см. также: Сахаров А. М. В. И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России // В. И. Ленин и историческая наука. № 4. С. 78–79 и др.; *Он же*. Ленин об основных этапах развития русского государства // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 303–304 и др.; Зимин А. А. Проблемы истории России XVI в. в свете ленинской концепции истории русского феодализма // Там же. С. 328; Шмидт С. О. В. И. Ленин о государственном строе России XVI–XVIII вв.: (О методике изучения материалов по теме) // Там же. С. 332, 339–340; Муравьев В. А. Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX – начала XX в.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1969. С. 15; Маньков А. Г. Вопросы крепостного права и крепостничества в России в трудах В. И. Ленина // В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970. С. 313, 331; Мавродин В. В. В. И. Ленин и классовая борьба крестьян в феодальной России // В. И. Ленин и историческая наука. Л., 1970. С. 7.

²⁴³ Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 184–185. Цитата из Предисловия Ф. Энгельса к американскому изданию (1887 г.) книги «Положение рабочего класса в Англии» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 349).

²⁴⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 185.

²⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 353–354 > 357–358.

²⁴⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 185.

постничество – лишь разновидность той хозяйственной системы, для которой характерно «внеэкономическое принуждение»²⁴⁷ (помимо наделения непосредственного производителя землей и прикрепления его к земле), т. е. крепостничество – определенная форма феодализма.

В ряде случаев В. И. Ленин употреблял термины «феодализм» и «крепостничество» как равнозначные, никогда не отождествляя «крепостничество» с рабством и не выделяя его в отличную от феодализма формацию.

Так, в книге В. И. Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» (написана в 1915 г., впервые напечатана в 1917 г.) находим следующие высказывания: «...при всех и всяких общественных укладах хозяйства мелкий земледелец „трудится“: и при рабстве, и при крепостничестве, и при капитализме»²⁴⁸; «...часто латифундии являются пережитком докапиталистических отношений – рабских, феодальных или патриархальных»²⁴⁹. Можно видеть, что здесь крепостничество и феодализм предстают как вполне однородные понятия. В лекции «О государстве» (произнесена в 1919 г., впервые напечатана в 1929 г.) В. И. Ленин пользуется термином «крепостничество» в значении «феодализм» применительно не только к России, но и к другим странам: «...переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму»; «...Крепостничество было вытеснено из всех стран Западной Европы. Позднее всех произошло это в России»²⁵⁰.

Под «крепостничеством» В. И. Ленин понимал как власть крепостников, так и всю систему землевладения, в том числе и землевладение крестьянское. В статье «Сущность „Аграрного вопроса в России“» (1912 г.) он писал: «Крепостническим является не только помещичье, но и крестьянское землевладение»; «...надельное крестьянское землевладение в России остается средневековым, крепостническим»²⁵¹. Эту мысль следует сопоставить с высказыванием К. Маркса в I томе «Капитала» (1867 г.) о том, что крестьяне «имели такое же феодальное право собственности» на занимаемые ими участки, «как и сами феодалы»²⁵². У. Ф. Энгельса в его работе «К истории прусского крестьянства» (1886 г.) мы находим разъяснение этого положения: крестьяне «до тех пор, пока они выполняли обусловленные повинности, имели такое же право на свои усадьбы и гуфы, а также и на общинные угодья, как и сам господин-помещик»²⁵³.

Определяющее значение для марксистской постановки проблемы феодального иммунитета в России имела дальнейшая разработка В. И. Лениным марксовой теории земельной ренты. Уже в книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин показал главные черты «барщинного хозяйства» как основанного на предоставлении непосредственному производителю земли во владение, на прикреплении его к земле и вытекающем отсюда «внеэкономическом принуждении», с помощью которого земельный собственник получал прибавочный продукт. Проблему «внеэкономического принуждения» и добываемой при его посредстве феодальной земельной ренты В. И. Ленин затронул позднее в брошюре «Карл Маркс» (1918 г.). Касаясь здесь докапиталистической денежной ренты, В.И. Ленин снова включил Россию в контекст всеобщей истории: «...Важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной... в ренту продуктами или натурой... затем в ренту

---

²⁴⁷ О неприменимости термина «внеэкономическое принуждение» к рабству см.: Каштанов С. М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сб. ст. М., 1970. С. 194–195.

²⁴⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 27. С. 148.

²⁴⁹ Там же. С. 170.

²⁵⁰ Там же. Т. 39. С. 71.

²⁵¹ Там же. Т. 21. С. 309.

²⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 730.

²⁵³ Там же. Т. 21. С. 249.

денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, „оброк“ старой Руси, в силу развития товарного производства)...»²⁵⁴.

Ленинское понимание русского Средневековья как периода развития феодальных отношений принципиально отличалось от буржуазных концепций феодализма в России, согласно которым феодализм – это система политических институтов. Политическая концепция русского феодализма не противоречила традиционному представлению о «личной свободе» крестьян до закрепостительного законодательства XVI в. и как бы взаимообуславливала иммунитет и «свободу» крестьян²⁵⁵. Напротив, ленинская схема «барщинного хозяйства», основанная на марксовом анализе феодальной ренты, показывала невозможность крестьянской «свободы» в условиях «внеэкономического принуждения», какие бы формы ни принимало последнее.

В статье «Эсеровские меньшевики» (1906 г.) В. И. Ленин говорил о «тысячелетней истории» «кнута» в России²⁵⁶, а в статье «Левонародничество и марксизм» (1914 г.) он указал точные хронологические рамки господства «крепостничества» в России – «с IX по XIX век»²⁵⁷.

В. И. Ленин различал два основных пути установления феодальной зависимости: 1) внешне «добровольное», а по существу вынужденное поступление крестьян в кабалу к земельному собственнику; 2) переход от рабства к крепостничеству.

Первый путь В. И. Ленин упоминал еще в 1894 г. В первом выпуске своей работы «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов» он писал, что в «эпоху московского царства» «помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест»²⁵⁸. В «Проекте речи по аграрному вопросу во второй государственной думе» (написан в 1907 г., впервые напечатан в 1925 г.) В. И. Ленин отметил сходное явление для XI в.: «... В 11-м веке шли в кабалу „смерды“ (так называет крестьян „Русская Правда“) и „записывались“ за помещиками!»²⁵⁹ При этом В. И. Ленин проводил единую линию от феодальной кабалы раннего Средневековья до пережитков крепостничества в XX в.²⁶⁰ В его статье «Крепостное хозяйство в деревне» (1914 г.) читаем: «... Когда полунищий крестьянин работает на помещика своим убогим скотом и орудиями, будучи закабален выдачей денег взаймы или арендой земли, то это и есть экономическая сущность крепостного хозяйства»²⁶¹.

Второй путь установления феодализма – переход к нему от рабства – В. И. Ленин рассматривал в лекции «О государстве» как общую закономерность: «Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право»²⁶².

²⁵⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. у о.

²⁵⁵ Н. П. Павлов-Сильванский обходит вопрос о «свободе» или «несвободе» подвластного имунисту населения. Однако он утверждает, что боярщина была основана на «территориальной власти» (Павлов-Сильванский Н.П. Соч. СПб., 1910. Т. III: Феодализм в удельной Руси. С. 245). Говоря о «подвластности лица землевладельцу-господину» (Там же. С. 272), о «подданстве частному лицу» (Там же. С. 304), автор имеет в виду политическую, государственную подвластность, а не внеэкономическое принуждение. Павлов-Сильванский цитирует без каких-либо оговорок Фюстель де Куланжа, писавшего: «По отношению к людям, свободным (курсив мой. – С. К.) и рабам, живущим на его земле, он (иммунист. – С. К.) уже не только собственник, он делается тем, чем раньше был граф: в его руках все, что принадлежало государственной власти» (Там же).

²⁵⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 13. С. 401, 403.

²⁵⁷ Там же. Т. 25. С. 237; подробнее см.: Сахаров А. М. В. И. Ленин о социально-экономическом развитии. С. 83; Мавродин В. В. Указ. соч. С. у; Маньков А. Г. Указ. соч. С. 320–321.

²⁵⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. i. С. 153.

²⁵⁹ Там же. Т. 15. С. 131.

²⁶⁰ Сахаров А. М. В. И. Ленин о социально-экономическом развитии. С. 83, 85; Он же. Ленин об основных этапах. С. 303–304; Мавродин В. В. Указ. соч. С. 7; Маньков А. Г. Указ. соч. С. 320–321, ср. с. 315; ср.: Шмидт С. О. Указ. соч. С. 332, 339.

²⁶¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 25. С. 90.

²⁶² Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 70.

Таким образом, В. И. Ленин обосновал принципиальную принадлежность крепостного хозяйства в средневековой России к типу феодальной общественно-экономической формации. Он предпочитал в ряде случаев называть феодальный строй крепостническим, поскольку, во-первых, это определение было наиболее понятно и бесспорно в России конца XIX – начала XX в.²⁶³; во-вторых, оно лучше отражало специфику позднефеодальной России²⁶⁴; в-третьих, термин «крепостничество» при неизжитости политических концепций феодализма (Н. П. Павлов-Сильванский и др.) вернее передавал идею присущего этой системе «внеэкономического принуждения», личной несвободы крестьян²⁶⁵. В. И. Ленин обратил серьезное внимание на генетическую связь крепостничества с рабством, подчеркнув при этом коренное различие названных социально-экономических формаций.

Процесс перехода русской историографии на позиции марксизма-ленинизма был сложным и длительным. Проследить его на примере историографии иммунитета является одной из основных задач настоящей главы.

Наиболее характерными чертами буржуазной историографии феодального иммунитета в России были следующие: 1) отсутствие анализа производственных отношений, порождающих иммунитет; 2) абсолютизация в том или ином плане роли государства в истории иммунитета; 3) постоянная борьба двух течений – одного, стремившегося доказать независимое от пожалований возникновение иммунитета, и другого, представители которого отстаивали мысль о появлении иммунитета лишь в результате княжеского пожалования. Из двух указанных течений в начале XX в. восторжествовало первое²⁶⁶. Ведущей фигурой в нем был Н. П. Павлов-Сильванский. Его теория независимого от пожалований происхождения светского иммунитета завоевала себе немало сторонников (Н. А. Рожков, А. Е. Пресняков, М. Н. Покровский, П. И. Беляев и др.). Однако уже тогда наблюдалось отрицание правильности взглядов Н. П. Павлова-Сильванского, волна открытого преодоления его концепции (В. И. Сергеевич, П. Н. Милуков, М. К. Любавский и др.). Кроме того, и в трудах историков, в целом разделявших теорию Павлова-Сильванского, имелись внутренние противоречия, компромиссы с противоположными точками зрения, что тоже вело к определенному пересмотру и модификации всей теории.

В 1918 г. вышла в свет вторая часть книги М. Н. Покровского «Очерк истории русской культуры», где автор развил свои взгляды на иммунитет, сформулированные уже в первых четырех томах «Русской истории с древнейших времен» (1910–1912 гг.) и в первой части «Очерка истории русской культуры» (1915 г.). Покровский различал в иммунитете «положительный» признак – «право владельца судить и собирать подати на своих землях», и отрицательный – «ограждение этого права от вмешательства княжеского судьи»²⁶⁷. Такая

²⁶³ См.: Маньков А. Г. Указ. соч. С. 318; ср.: Шмидт С. О. Указ. соч. С. 339.

²⁶⁴ Вместе с тем нельзя забывать, что В. И. Ленин очень часто использует понятие «крепостничество» как синоним термина «феодализм». Поэтому едва ли мы можем точно хронологизировать тот отрезок истории феодализма в России, к которому В. И. Ленин применял определение «крепостничество», ограничив его, например, XVII–XIX вв. Речь у него идет о всем периоде – с IX по XIX в. Мало оснований относить ленинскую характеристику «барщинного хозяйства» преимущественно позднему феодализму, ибо В. И. Ленин здесь развивает марксову теорию феодальной земельной ренты, без реализации которой нет и самого феодализма.

²⁶⁵ Всех этих аспектов не учел К. Витфогель, пытающийся доказать, что В. И. Ленин якобы отрицал наличие «феодализма» в России, признавая существование в ней лишь «крепостничества» (*Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957. P. 379–380*). Рассмотрение всех высказываний В. И. Ленина по этому вопросу, как приведенных Витфогелем, так и оставшихся вне поля его зрения, показывает, что В. И. Ленин никогда не считал «крепостничество» какой-то особой хозяйственной системой или формацией, отличной от феодализма, и термин «крепостничество» применял в двух значениях: 1) как синоним «феодализма» вообще; 2) как обозначение русской разновидности феодализма, преимущественно позднего периода.

²⁶⁶ Подробнее об этом этапе развития историографии иммунитета см.: Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 126–141.

²⁶⁷ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., 1918. Ч. II. С. 124.

трактовка была по существу дальнейшей модификацией схемы Павлова-Сильванского, у которого имеются хотя и близкие, но не вполне равнозначные понятия: «сеньориальное право» и «иммунитет». В принципе «положительный» признак иммунитета в концепции Покровского соответствует «сеньориальному праву» в концепции Павлова-Сильванского, а «отрицательный» – собственно «иммунитету». Объединение у Покровского обоих признаков в общее понятие «иммунитет» помогало дальнейшей разработке теории органической связи различных сторон иммунитета как социального явления, способствовало преодолению юридической ограниченности схемы Павлова-Сильванского²⁶⁸.

Признание феодальной власти землевладельца «положительным признаком» иммунитета означало верность Покровского идее Павлова-Сильванского о возникновении иммунитета до пожалования, которую он разделял еще в «Русской истории с древнейших времен»²⁶⁹. Утверждая, что «в иммунитете важен не положительный его признак..., а отрицательный...»²⁷⁰, Покровский в книге 1918 г. уделил основное внимание последнему. Дабы не отвлекаться на «реальных корни» права владельца судить и собирать подати на своих землях, автор сослался на первую часть «Очерка», освещающую этот вопрос. Там он выводил «корни феодальных порядков древней Руси» из «суда старых родителей», из власти «барина над его холопом не только у себя дома, но и перед лицом общественной власти, которая не смела наложить руки на холопа без согласия барина». Покровский называл указанные факторы пережитками «того строя, из которого развился феодализм *семейного* строя»²⁷¹.

Иными словами, историк продолжал придерживаться мысли о том, что вотчинное право «было пережитком патриархального права, не умевшего отличать политической власти от права собственности»²⁷². Данный тезис позволял доказать независимое от государства происхождение только светского, но не церковно-монастырского иммунитета, ибо духовные власти не приравнивались к «старым родителям» и не имели холопов.

Следовательно, Покровский по существу остался на той же суженной почве признания автогенности иммунитета, что и Павлов-Сильванский, который не подводил общей социальной базы под феодальный иммунитет в целом. Павлов-Сильванский, как мы уже подчеркивали, вернулся к концепции не Неволлина, а Милютина, производя светский иммунитет из права землевладельца, а церковно-монастырский – из княжеской милости²⁷³. Покровский в борьбе с «историками-идеалистами» не забывал подчеркнуть надстроечное происхождение жалованных грамот и глубинность иммунитетных корней: «... и церковный иммунитет не создавался, а только признавался княжескими грамотами»²⁷⁴.

Это утверждение Покровского имело очень большое методологическое значение, хотя и не было оригинальным – ту же мысль, но применительно к ханским ярлыкам, высказывал

²⁶⁸ Еще в своей «Русской истории» Покровский писал, что феодализм – «...гораздо более есть известная система хозяйства, чем система права» (Покровский М.Н. [с участием Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева]. Русская история с древнейших времен. М., [1910]. Т. I. С. 94; *Он же*. Избранные произведения в четырех книгах. М., 1966. Кн. I. С. 130); «...сила шла впереди права» (Покровский М.Н. Русская история... Т. I. С. 92; *Он же*. Избранные произведения... Кн. I. С. 129).

²⁶⁹ Покровский М. Н. Русская история... Т. I. С. 84–85; *Он же*. Избранные произведения... Кн. I. С. 121–122. В книге М. С. Ольминского, вышедшей в том же 1910 г., что и первый том «Русской истории» Покровского, также подчеркивалось независимое от жалованных грамот происхождение иммунитета (Александров [Ольминский] М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб., 1910. С. 9-ю, 13–17).

²⁷⁰ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 124.

²⁷¹ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., 1915. Ч. I. С. 257; ср. С. 220.

²⁷² Покровский М. Н. Русская история... Т. I. С. 86. См. также: Покровский М. Н. Избранные произведения... Кн. I. С. 123. В дореволюционные годы мысль о решающей роли рабовладения для возникновения вотчинного хозяйства высказал Б. И. Сыромятников – см.: Сыромятников Б. И. История русского государственного права: Лекции, читанные в Московском Коммерческом институте в 1908/09 академическом году. М., [1909]. С. 72. Эта работа появилась на год раньше первого тома «Русской истории» М. Н. Покровского.

²⁷³ Подробнее см.: Каштанов С.М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 128.

²⁷⁴ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 124.

некогда К. А. Неволин²⁷⁵. Покровский пошел дальше Павлова-Сильванского, и возрожденный им тезис Неволлина получил признание в последующей советской историографии. Тем не менее, в книге 1918 г. данный тезис звучал декларативно, поскольку автор не только не доказывал его, но больше того – он довольно тщательно заслонил его другой концепцией возникновения иммунитета, весьма близкой к концепции княжеской милости, которую он оспаривал, критикуя «историков-идеалистов». Вместо фигурировавшей еще у Павлова-Сильванского идеи милости (по отношению к духовным землевладельцам) Покровский развил идею «табу»: «В основе „феодалных вольностей“ лежит понятие *иммунитета*, а в основе самого этого понятия – идея, нам хорошо знакомая: идея „табу“, только табу это нечто неприкосновенное безусловно, для всех людей, а иммунитет создавал неприкосновенность условную, для некоторых людей при известных обстоятельствах». «Имение, пользующееся иммунитетом, есть *табу* для королевской, царской, великокняжеской – чьей угодно администрации... Есть много оснований думать, что идея условного табу зародилась там же, где идея табу вообще – в области религиозной. Древнейшие, и абсолютно, и относительно, в истории отдельных народов, образчики иммунитета встречаются нам в *церковных* имениях и владениях» (далее приводился пример Нипура в Вавилоне)²⁷⁶.

Покровский указывает, что «в древней Руси церковь отгораживается от княжеского суда всех раньше – и всех основательнее»: в XII в. князья признают право церковного суда над так называемыми «церковными людьми» (сюда автором включались «не только те, кто дал аскетический обет», но и все, «кто... работал» в обширном церковном хозяйстве); затем, в XIII–XIV вв., полный иммунитет предоставили русской церкви татарские ханы в своих ярлыках; «позднейшие грамоты русских удельных князей лишь по частям подтверждали то, что универсально и сразу было даровано татарскими ханами»²⁷⁷.

Идею «табу» Покровский распространил и на светский иммунитет, существенно ослабив тем самым концепцию независимого от государственной власти происхождения иммунитета, которую он тут же декларировал: «Светское табу от княжеского судьи появляется в русской истории позже церковного – и объем его меньше... Светское табу само по себе не может нас удивить: мы знаем, что и на родине табу, в Полинезии, вождь может „табуировать“ любую понравившуюся ему вещь... отчего не произвести ему такой же операции по отношению к понравившемуся ему человеку?»²⁷⁸. Столь широкое и произвольное объяснение пожалования светского иммунитета правом княжеского «табу» Покровский, однако, конкретизировал и поставил на почву реальных фактов: «Иммунитет давался светскому владельцу за службу и, конечно, фактически под условием этой службы. В обмен на эту последнюю князь налагал на себя и своих слуг, так сказать, пост по отношению к данному имению»²⁷⁹. Здесь уже иммунитет обусловлен службой, связан с вассалитетом и даже рассматривается как его следствие²⁸⁰. Новизну и важность этого положения можно оценить, учитывая, что главный предшественник Покровского – Н. П. Павлов-Сильванский – изучал иммунитет и вассалитет совершенно изолированно один от другого.

Не видя в иммунитете характерного порождения феодальной формы земельной собственности, Покровский допускал возможность его ликвидации в случае отсутствия жало-

²⁷⁵ Неволин К. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. СПб., 1847. С. 202; см.: Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. I]. С. 274.

²⁷⁶ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 122–123.

²⁷⁷ Там же. С. 123.

²⁷⁸ Там же. С. 124.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Мысль, подобную идее Покровского, высказывал А. Богданов, видимо, опираясь на материал западноевропейской истории: «Во внутренние дела поместья своего данника (вассала) сюзерен, вообще говоря, не вмешивался» (Богданов А. Краткий курс экономической науки. 2-е изд. Пг., 1922. С. 39).

ванной грамоты: «...в любой момент мог явиться конкурент и, фактически же, упразднить монополию»²⁸¹. Жалованную грамоту автор считал «юридической основой иммунитета»²⁸² и приравнивал ее по значению к документам XIX – начала XX в., оформлявшим какую бы то ни было «монополию»: «...жалованная грамота... являлась не материальной, а идеологической необходимостью при создании иммунитета, как в наше время закон, изданный государственной властью, является необходимостью при создании любой *монополии*», которая может существовать «и раньше закона»²⁸³. В основе уподобления жалованных грамот позднейшему законодательству, утверждавшему права «монополии»²⁸⁴, лежит челобитная теория Ланге – Сергеевича, модернизированная Н. А. Рожковым (выдача грамоты – нотариальный акт, князь – «простой нотариус») ²⁸⁵. Однако Покровский не был безусловным последователем этой теории. В работе 1918 г. он не проводит мысль, что жалованные грамоты давались как бы автоматически, в порядке штамповки привилегий. Его теория «табу» и выдачи грамоты как компенсации за службу по существу ближе к концепции княжеской «милости», т. е. выборочного, а не сплошного пожалования землевладельцев.

Итак, можно построить следующую схему происхождения иммунитета по Покровскому: 1) «положительный» иммунитет проистекает а) светский – из власти «старых родителей» или холоповладельцев, б) церковно-монастырский —? (остается без объяснений), но оба могут существовать до выдачи жалованной грамоты; 2) «отрицательный» иммунитет в целом обусловлен идеей «табу», причем а) светский дается за службу, оказываясь оборотной стороной или следствием вассалитета, б) церковно-монастырский —? (остается без объяснений); 3) жалованная грамота – «юридический источник» иммунитета, она закрепляет «отрицательный» иммунитет по типу закона, устанавливающего «монополию»; без грамоты иммунитет (опять-таки, видимо, лишь «отрицательный») подвержен угрозе «упразднения».

Сравнительно с первым томом «Русской истории» (1910 г.) здесь введено различие «положительного» и «отрицательного» признаков иммунитета и подчеркнуто, что не только светский, но и церковный «положительный» иммунитет возникает без юридического оформления его грамотой. Углублена трактовка «отрицательного» иммунитета, слабо намеченная в 1910 г.: новым было стремление вывести «отрицательный» иммунитет из идеи «табу». Эта идея придавала всей проблеме несколько внеисторический характер и в то же время ослабляла верность автора концепции Сергеевича, согласно которой пожалования составляли «общее правило». Если в 1910 г. Покровский писал, что привилегия принадлежала целому сословию землевладельцев, а никак не отдельным лицам в виде особой государственной милости²⁸⁶, то в 1918 г. он утверждал, что «иммунитет создавал неприкосновенность условную, для некоторых людей при известных обстоятельствах»²⁸⁷. Зато объяснение пожалования иммунитета светским землевладельцам их службой князю вполне гармонировало с имеющимся в книге 1910 г. тезисом о политических мотивах выдачи ханских ярлыков²⁸⁸.

²⁸¹ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 125.

²⁸² Там же. С. 124.

²⁸³ Там же. С. 124–125.

²⁸⁴ В XVIII в. под «монополиями» подразумевались чаще всего винные откупа. Покровский же имел в виду, вероятно, различные организационные формы капиталистического предпринимательства.

²⁸⁵ Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России. М., 1906. С. 21, 27; см.: Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 129.

²⁸⁶ Покровский М. Н. Русская история... Т. 1. С. 85. (См. также: *Он же*. Избранные произведения... Кн. I. С. 122).

²⁸⁷ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 122. В другом месте этой работы автор говорит: «Грамоты носили индивидуальный характер – давали иммунитет определенному лицу или, лучше, определенной семье» (Там же. С. 125).

²⁸⁸ Смысл выдачи ярлыков Покровский видел в том, что, с одной стороны, благодаря этому церковь возносила за ханов публичные молитвы, а, с другой стороны, привилегии церкви стесняли власть местных князей, ослабляя их перед лицом

Модификацию взглядов Покровского на происхождение иммунитета нельзя оценить однозначно. Безусловным шагом вперед было различие «положительного» и «отрицательного» признаков иммунитета, декларирование независимости от пожалований и светского, и церковного «положительного» иммунитета, установление связи между пожалованием «отрицательного» светского иммунитета и службой.

Идея «табу» способствовала изживанию представления об автоматическом пожаловании грамот всем членам определенного сословия, т. е. она заключала в себе фермент преодоления челобитной теории Ланге – Сергеевича. Вместе с тем эта концепция, во-первых, переносила поиски причин возникновения «положительного» и «отрицательного» церковного иммунитета в область чисто идейную и, во-вторых, служила новым основанием для выведения «положительного» иммунитета в целом из характерных особенностей не феодальных, а патриархально-родовых и патриархально-рабовладельческих отношений.

Незыблемым ядром концепции Покровского и оставалось признание этих отношений источником «положительного» светского иммунитета. Взятые изолированно от феодального способа производства, личностные (фактически патриархально-рабовладельческие) связи рассматривались Покровским в качестве первопричины развития иммунитета. В книге 1918 г. замечен более существенный, чем в работе 1910 г., отход автора от теории феодально-землевладельческого происхождения иммунитета, намеченной в трудах Н. П. Павлова-Сильванского.

Ни Павлов-Сильванский, ни Покровский не выводили иммунитет из механики реализации феодальной формы земельной собственности. Оба они говорили о свойственном феодализму «соединении» собственности на землю с властью над людьми²⁸⁹, т. е. ставили собственность и иммунитет в ряд явлений одного порядка. Однако Павлов-Сильванский придерживался публично-правовой концепции иммунитета, считая его по содержанию государственным правом, и это право он иногда трактовал не просто как «соединенное» с земельной собственностью, а как органически «приданное» к ней. Характерно в этом плане его замечание, что составитель одной грамоты видит в иммунитете «естественный *придаток*» (курсив мой. – С. К.) к праву собственности на село²⁹⁰. Покровский по существу противопоставил публично-правовой концепции иммунитета представление о частноправовой его природе (власть «старых родителей» и холоповладельцев), и частное право на людей у него гораздо больше оторвано от права собственности на землю, чем у Павлова-Сильванского иммунитет как конструкция публичных прав от землевладения в узком смысле слова. Можно даже сказать больше, в схеме Покровского феодальная собственность на землю ни в малейшей степени не играет роль источника иммунитета.

Именно поэтому, не найдя в патриархальных и рабовладельческих отношениях причин установления власти монастырей и церкви над людьми, Покровский оставил открытым вопрос о происхождении «положительного» иммунитета духовных феодалов и не дал общей концепции возникновения иммунитета, удовлетворительно объясняющей наличие его у представителей различных господствующих сословий феодального общества.

ханов (Покровский М. Н. Русская история... Т. 1. С. 221; *Он же*. Избранные произведения... Кн. 1. С. 219).

²⁸⁹ «Основным политическим признаком феодализма является соединение землевладения со властью над людьми, которые живут на земле данного землевладельца» (Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. I. С. 255–256). В 1910 г. Покровский говорил о «неразрывной связи» землевладения с политической властью (Покровский М. Н. Русская история... Т. 1. С. 84; *Он же*. Избранные произведения... Кн. 1. С. 121). Тезис автора прямо восходит к идее Павлова-Сильванского, считавшего «главную, первую черту феодализма» «раздробление верховной власти или тесное слияние верховной власти с землевладением» (Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907. С. 69). Павлов-Сильванский имел в виду, в частности, и то, что владлец сеньории «соединяет частные права собственника земли с некоторыми государственными правами на лиц, живущих на его земле» (Там же).

²⁹⁰ Павлов-Сильванский Н. П. Соч. Т. III. С. 296.

К заслугам Покровского принадлежит попытка проследить развитие иммунитета на всем протяжении существования феодализма в России. Как известно, К. А. Неволин резко противопоставлял юрисдикцию русских землевладельцев раннего периода (в отношении «людей свободных») судебным полномочиям позднейших помещиков (в отношении их крепостных). В. И. Сергеевич и М. А. Дьяконов, напротив, провели единую линию от иммунитета до крепостного права. Эту последнюю тенденцию воспринял Покровский в своей «Русской истории...» (1910–1912 гг.), а вслед за ним – П. И. Беляев (1916 г.)²⁹¹.

В «Русской истории» Покровский говорил об иммунитете как сословном праве²⁹² без указания того, был ли этот характер сословного права присущ иммунитету с самого начала его существования или он установился позднее. В «Очерке» автор, признавая некоторую выборочность ранних пожалований, прослеживал постепенное *превращение* иммунитета в сословное право: «... В церковном иммунитете мы видели уже образчик светского табу, распространявшегося на целую категорию лиц. Дальнейшее развитие иммунитета и заключалось в применении его ко все новым и новым случаям, и в распространении его на целые общественные группы»²⁹³.

Способом такого «распространения» иммунитета Покровский считал выдачу не только собственно жалованных, но и уставных губных и земских грамот: жалованные грамоты предоставляли иммунитет «отдельным имениям», а уставные – «коллективным единицам, городам и волостям»²⁹⁴. Говоря, что «сущность в обоих случаях была совершенно та же самая»²⁹⁵, автор однако отмечал большую близость «волостного» иммунитета «к церковному, чем к частно-помещичьему», и это обстоятельство наводило его на мысль «о возможности *идейного* влияния» церковного иммунитета на «губную и земскую реформу» Ивана Грозного²⁹⁶.

Указанная близость «церковного» и «волостного» иммунитетов заключалась в том, что для них не отыскивался источник «положительного признака» иммунитета, который был бы тождествен власти «старых родителей» или холоповладельцев, лежавшей, по мнению Покровского, в основе иммунитета светских феодалов.

Практически у Покровского как «церковный», так и «местный» (губной и земский) «иммунитет» представал в качестве иммунитета «отрицательного», или, вернее, его «положительный» признак – власть над людьми и т. д. – должен был выводиться не из каких-то глубоких корней, независимых от пожалования, а из самого пожалования, из отрицания верховной властью полномочий местных властей – наместников, волостелей и др. Следовательно, теория «местного иммунитета» означала дальнейший подрыв декларируемой автором общей концепции иммунитета как явления, которое имеет положительный и отрицательный признаки, находящиеся в таком сочетании, когда предполагается существование «положительного» признака до возникновения признака «отрицательного».

Теория «местного иммунитета» восходила к идеям второго тома «Русской истории» (1910 г.), где Покровский говорил, что «правившие земством капиталисты» не только пользовались «финансовым иммунитетом... но и судили»²⁹⁷. В работе 1918 г. эти идеи были развиты в определенную схему. В литературе конца XIX – начала XX в. попытки сблизить жалованные и уставные (губные и земские) грамоты наблюдаются у П. И. Беляева и С. А.

²⁹¹ Каштанов С.М. К историографии крепостного права в России. [Ч. I]. С. 277–278, 305; [Ч. II]. С. 132, 134, 138.

²⁹² Покровский М. Я. Русская история... Т. 1. С. 34–85. (См также: *Он же*. Избранные произведения... Кн. i. С. 121–122).

²⁹³ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 125.

²⁹⁴ Там же. С. 132.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Там же. С. 133.

²⁹⁷ Покровский М. Н. Русская история... Т. II. М., [1910]. С. 241 (*Он же*. Избранные произведения... Кн. i. С. 427).

Шумакова, причем если Беляев (1899 г.) искал общую исходную редакцию названных разновидностей грамот, то Шумаков (1917 г.) признавал сами жалованные грамоты источником более поздних губных и земских²⁹⁸. Последняя постановка вопроса по существу соответствовала представлению Покровского о создании «местного» (губного и земского) «иммунитета» под влиянием иммунитета «церковного».

Сходство взглядов Шумакова и Покровского проявилось также в том, что каждый из них рассматривал областные и частновладельческие привилегии как способ ограничения самодержавия, как своего рода конституционные нормы. По формулировке Шумакова, уставные (губные и земские) и жалованные грамоты представляли собой «хартии вольностей отдельных классов (уставные грамоты) и лиц (грамоты жалованные в тесном смысле), вырванных и завоеванных ими в пылу классовой социально-экономической борьбы»²⁹⁹. Покровский вместо термина «вольности» пользовался понятием «гарантии», но фактически выражал ту же мысль: «Московское государство знало, таким образом, два рода гарантий – гарантии общественных *групп*, и гарантии *местностей*»³⁰⁰.

Эти поиски исторических прецедентов конституционного ограничения самодержавия характерны для русской историографии 1916–1917 гг.³⁰¹ Рассмотрение иммунитета и самоуправления именно под таким углом зрения привело Покровского к признанию местничества «своеобразной формой иммунитета»³⁰². Как указывал автор, «связь эта до сих пор не была подмечена в русской исторической литературе»³⁰³. Почему же местничество оказывается формой иммунитета? Да только потому, что оно давало определенные политические гарантии и ограничивало самодержавие³⁰⁴, не позволяя ему превратиться в «абсолютную монархию»: «„отечество“ является первой *политической гарантией*, какую мы встречаем на русской почве, если не считать церковного иммунитета»³⁰⁵.

При квалификации местничества в качестве разновидности иммунитета автором допущена логическая ошибка, так как из посылки, что иммунитет есть форма политической гарантии, сделан вывод, что всякая политическая гарантия – иммунитет. Та же логическая ошибка лежит в основе отождествления губного и земского самоуправления с «иммунитетом». Во всех этих случаях потеряна ориентация на «положительный» признак иммунитета и его источники.

Конечно, увлечение построением схемы «гарантий» от произвола царской власти и приравнивание их к «иммунитету» было обусловлено в большей степени острым интересом автора к судьбам русской государственности накануне и в период краха самодержавия. Несмотря на спорность и уязвимость выдвинутых Покровским положений, они сохраняют

²⁹⁸ Беляев П.И. Источники древнерусских законодательных памятников // ЖМЮ. 1899. Ноябрь. С. 151; Шумаков С. Обзор «грамот коллегии экономии». М., 1917. Вып. IV. С. 5; ср.: Каштанов С.М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 127, 139.

²⁹⁹ Шумаков С. Указ. соч. Вып. IV. С. 3.

³⁰⁰ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 133.

³⁰¹ Интерес к данной проблеме сохранился у Покровского и позднее. Так, в «Русской истории в самом сжатом очерке» (1920 г.) он обратил особое внимание на договор бояр с Сигизмундом, отцом Владислава, любопытный «в том отношении, что это первая попытка русской конституции, т. е. первая попытка определить права и обязанности государя, закрепить их письменным договором, который был бы для него обязателен» (Покровский М. Н. Избранные произведения... М., 1967. Кн. 3. С. 69).

³⁰² Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 125.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ «...В самой существенной своей прерогативе, назначении министров и генералов, выражаясь по-теперешнему, „земной бог“ далеко не был свободен: на место *a* он мог посадить только представителя рода *A* или того, кто был этому последнему „в версту“...» (Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 125).

³⁰⁵ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 126.

научное значение, давая пищу для размышлений о характере реформ местного управления XVI–XVII вв. и эволюции иммунитета в это время.

В книге 1918 г. Покровский сосредоточил основное внимание на той стороне иммунитета, которую составляли взаимоотношения царской власти с представителями господствующего класса. Именно о «гарантиях» для дворян идет у него речь при рассмотрении развития «иммунитета» в XVIII – первой половине XIX в. Говоря, что в этот период «с местным иммунитетом дело обстояло не лучше, чем с сословным», поскольку отсутствовали гарантии гарантий³⁰⁶, Покровский под «местным» иммунитетом подразумевает в основном систему местного дворянского самоуправления и называет «веткой иммунитета» право дворян выбирать судей из своей среды, причем он не вполне правомерно отождествляет этот порядок с земским самоуправлением более раннего времени³⁰⁷.

«Дворянский иммунитет» Покровский трактует исключительно как право личной неприкосновенности и неподсудности дворянина: «Дворянский „иммунитет“ при Екатерине II совершенно не отвечал окружающей социальной обстановке. Дворянин мог пользоваться им, лишь сидя безвыездно в своем имении: туда действительно суд к нему „не въезжал“, разве в самых исключительных случаях. Но стоило ему приехать в город, он сталкивался с созданною новыми экономическими условиями бюрократической администрацией, весьма мало склонной уважать какие бы то ни было привилегии. Стоило ему поступить на службу, и он сталкивался с дисциплиной, бюрократической, если он был „штатским“, еще более суровой дисциплиной постоянной армии, если он был военным»³⁰⁸. В свое время П.И. Беляев подчеркивал, что московские цари были не в силах «уничтожить существование сеньорий, ячеек крепостного права», «сеньории эти „процветали“ до позднейших времен», помещики в своих имениях уподоблялись монархам, выполняли судебно-полицейские функции и т. д.³⁰⁹. В отличие от Беляева Покровский выпятил другую сторону дела – слабость отдельно взятого дворянина и даже местной дворянской корпорации перед лицом абсолютистской монархии с ее организованным аппаратом насилия.

На примере М. М. Щербатова и декабристов Покровский показывает, что дворянство дорожило своими иммунитетными привилегиями и скорбело об их умалении правительством: «Щербатов имел в виду... охрану не только *сословного*, но и *местного* иммунитета. Его схема охватывала „феодалные вольности“ так широко, как только можно себе представить»³¹⁰, «миросозерцание декабристов в целом было, несомненно, буржуазным... и, тем не менее, сословная дворянская обида, нарушение иммунитета верных вассалов русского царя трогает его (Каховского. – С. К.) сильнее, чем что бы то ни было»³¹¹.

Не вкладывая в понятие «абсолютная монархия» специального конкретно-исторического и социального содержания, подразумевая под ней государство с неограниченной властью монарха, Покровский считал иммунитет, даже в форме унифицированной сословной привилегии, институтом, противоречащим абсолютной монархии, мешающим монархии быть «абсолютной»³¹². По словам автора, французское королевство до 1789 г. «отнюдь не было абсолютной монархией», поскольку там, как и в России, имелось противоречие: «... Король был государем божией милостью, если не прямо земным богом; но в то же время у

³⁰⁶ Там же. С. 134–135.

³⁰⁷ Там же. С. 130–132.

³⁰⁸ Там же. С. 131.

³⁰⁹ Беляев П.И. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение // ЖМЮ. 1916. Октябрь. С. 152; Ноябрь. С. 164–165; ср.: Каштанов С.М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 188.

³¹⁰ Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 140.

³¹¹ Там же. С. 132.

³¹² Фактически это означало отрицание тезиса Павлова-Сильванского о возникновении в России XVIII в. «абсолютизма» (Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. С. 124, 144–147).

его вассалов был свой иммунитет, и остатки этого иммунитета, не совсем мирно, но упрямо, продолжали сосуществовать уже с бюрократической монархией»³¹³; во Франции еще при Монтескье «налицо были иммунитеты, сословные и провинциальные, и ограждавший их парламент»³¹⁴.

Покровский проводит прямую аналогию между Францией и Россией XVIII в.: в «Наказе» Екатерины II Сенат признается хранителем гарантий, его роль фактически отождествляется с ролью французского парламента – судебной курии³¹⁵. «Теория „монархического“ либерализма... – заключает автор, – последнее звено длинного эволюционного ряда, первым звеном которого были столь первобытные учреждения, как „табу“ и иммунитет»³¹⁶.

По широте хронологического охвата проблемы иммунитета в России Покровский может быть поставлен рядом только с П. И. Беляевым. Лишь эти два историка уделили серьезное внимание эволюции иммунитета в XVIII – первой половине XIX в.³¹⁷. Но Покровский, подобно Шумакову, сделал основной акцент на вольностях – «гарантиях» дворянства, считая их в каком-то смысле явлением положительным – ограничивавшим самодержавие. Беляев же (как и Ольминский) выделил прежде всего отрицательную сторону привилегий – самовластие дворян в пределах их имений.

У Покровского и Беляева, при всем различии их концепций, было известное сходство и в трактовке происхождения иммунитета. В схеме Покровского источником иммунитета оказывалась «власть старых родителей» или холоповладельцев; Беляеву иммунитет напоминал «опекуна в примитивном смысле, имеющего власть над подопечным имуществом и действующего в своих интересах»³¹⁸. Оба исследователя существенно отошли от землевладельческой концепции иммунитета Н.П. Павлова-Сильванского, вероятно, вследствие ее несовершенства, ибо Павлов-Сильванский хотя и признавал иммунитет придатком к земельной собственности, однако не показывал, как именно обуславливался иммунитет собственностью на землю³¹⁹.

³¹³ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 136.

³¹⁴ Там же. С. 138.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Там же. С. 142.

³¹⁷ Их идейными предшественниками в этом вопросе являлись Сергеевич и Павлов-Сильванский. Первый говорил, что право вотчинного суда «вошло в состав крепостного права» (Сергеевич В. Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. I. С. 330). Второй утверждал: «Основую социального строя нашей московской и петербургской монархии был тот же сеньориальный режим. Господский, помещичий суд и управление у нас известны достаточно хорошо из очень недавнего прошлого. Источником его было боярское вотчинное право удельной эпохи» (Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси. С. 124–125). Дворянское сословие, по мнению Павлова-Сильванского, унаследовало «от феодальной эпохи сеньориальное право» (Там же. С. 125). Правда, это позднее «сеньориальное право» Павлов-Сильванский не называет прямо «иммунитетом». Иммунитет он считал институтом «политическим», имевшим «державное» значение (Павлов-Сильванский Н. П. Соч. Т. III. С. 304), а, по его концепции, «политический феодализм окончательно пал у нас... при Иване Грозном» и на его место пришел «так называемый феодализм социальный» (Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. С. 124). Но этот взгляд историка не противоречит тому, что он рассматривал «сеньориальное право» XVII–XIX вв. по существу как продолжение иммунитета, ибо, во-первых, по признанию автора, само «политическое значение иммунитета» даже в удельное время сильно варьировалось и «могло сводиться к нулю», когда иммунитетом обладал мелкий вотчинник (Павлов-Сильванский Н.П. Соч. Т. III. С. 305), во-вторых, в устах Павлова-Сильванского «сеньориальное право» почти тождественно «иммунитету»: «Иммунитет или, точнее, вообще сеньориальное право...» (Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси. С. 81). Единую линию от иммунитета удельной Руси до самовластия «государей»-помещиков XVIII в. проводил также М. С. Ольминский (Александров [Ольминский] М. Указ. соч. С. 6, 9, 54–55).

³¹⁸ Беляев П.И. Древнерусская сеньория... // ЖМЮ. 1916. Октябрь. С. 161.

³¹⁹ Павлов-Сильванский считал, что решение вопроса о начале иммунитета «надо искать в направлении, указанном Маурером, именно в отношениях вотчин к маркам-волостям» (Павлов-Сильванский Н. Иммунитеты в удельной Руси // ЖМНП. 1900. Декабрь. С. 353; Он же. Соч. Т. III. С. 295; ср.: Тарновский Ф.В. Феодализм в России: Критический очерк // Варшавские университетские известия. 1902. [Вып.] IV. С. 19). Маурер усматривал основу иммунитета в свободе барского двора «от полевых общинных уз» вследствие выхода его из общины-марки (Маурер Г. Л. Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общинной власти. М., 1880. С. 254–259). Павлов-Сильванский никак не смог применить теорию Маурера на деле, т. е. показать на русском материале высвобождение барского двора от общинных

Основанное на идеях Павлова-Сильванского мнение Беляева, что иммунитет – это «конструкция публичных прав как принадлежности недвижимых имений»³²⁰, сочетается в работе того же автора с противоречащим данному положению славянофильским тезисом, согласно которому феодал – не собственник, а лишь властитель, опекун³²¹. Покровский не отрицал собственность феодала на землю и констатировал соединение с нею власти над людьми, но самое эту власть – источник «иммунитета» – он выводил не из собственности на землю, а из патриархально-рабовладельческих прав.

Может быть, отчасти поэтому распространение иммунитета в XVI – начале XIX в. Покровский связывал не с историей земельной собственности, а только с историей взаимоотношений между господствующим классом и правительством. Классовая направленность иммунитета против крестьянства исчезла из поля зрения Покровского. Автор вслед за В. И. Лениным применил марксово понятие «внеэкономического принуждения», однако он выделил его в категорию, стоящую как бы вне самой схемы получения феодальной земельной ренты³²². Так, в 1910 г. Покровский отождествлял с «внеэкономическим принуждением» княжеский разбой, ограбление земель (видимо, сюда включалось и взимание дани)³²³. В 1915 г. Покровский писал: «Судопроизводство XVIII в. было конкретной формой того внеэкономического принуждения, на котором держалось крепостное хозяйство»³²⁴. Под «судопроизводством» автор подразумевал тут государственную уголовную юстицию, служившую «торговому капиталу»³²⁵, хотя он и замечал, что в 9/10 случаев дела решал суд помещичий, а не государственный³²⁶. О «крепостном хозяйстве» Покровский говорил как о «базисе» феодального «правосудия», не показывая включенность внеэкономического принуждения в систему функционирования «крепостного хозяйства»: «...Базисом утонченно-жестокому „правосудию“ XVIII в. служило именно крепостное хозяйство со сложившимися в нем нравами и обычаями»³²⁷.

Следовательно, Покровский создал весьма своеобразную концепцию истории феодального иммунитета в России. Он не дал определения иммунитета как внеэкономического принуждения. Возможно, ученый был склонен даже к противопоставлению этих понятий, ибо в иммунитете (во всяком случае «положительном») он усматривал господство «частного права»³²⁸, власть «старых родителей» и холоповладельцев, а внеэкономическое принуждение относил к функциям публичной власти³²⁹. Вместе с тем, труды Покровского, как

уз и возникновение на этой почве иммунитета (см.: Павлов-Сильванский Н. Иммунитеты... С. 353–356; Он же. Соч. Т. III. С. 295–298). Марковская теория Маурера впервые была заявлена в середине 50-х годов XIX в. (*Maurer G. L. von. Einleitung zur Geschichte der Mark. Erlangen, 1854; Idem. Geschichte der Markenverfassung in Deutschland. Erlangen, 1856*). Она имела большой успех в немецкой, французской и российской историографии. Основные ее положения разделяли К. Маркс и Ф. Энгельс, что впоследствии способствовало укоренению идеи Маурера в советской историографии (см.: Данилов А. И. Маурер (Maurer) Георг Людвиг фон // СИЭ. М., 1966. Т. 9. Стб. 188–189). Неприменимость теории Маурера и его сторонников к социальным отношениям меровингского периода блестяще показал Фюстель де Куланж, который считал марку более поздним явлением – XIII в. (см.: *Fustel de Coulanges [N.D.] Histoire des institutions politiques de l'ancienne France: L'alleu et le domaine rural pendant l'époque mérovingienne. Paris, 1889. P. 171–220*).

³²⁰ Беляев П. И. Древнерусская сеньория... // ЖМЮ. 1916. Октябрь. С. 150.

³²¹ Там же. С. 161.

³²² В рамках данной схемы рассматривалось «внеэкономическое принуждение» в книге А. Богданова и И. Степанова. Авторы говорят о «внешнем, внеэкономическом принуждении землевладельцев к труду», хотя под принуждающей силой понимают помещика, а не государство (Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. 2-е изд. [М.], 1918. Т. I. С. 285). Определение внеэкономического принуждения как «внешнего» представляется малоудачным.

³²³ Покровский М. Н. Русская история... Ч. I. С. 135 (Он же. Избранные произведения. Кн. 1. С. 169).

³²⁴ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. I. С. 235.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Там же. С. 236.

³²⁷ Там же. С. 237.

³²⁸ Покровский М. Н. Русская история... Т. 2. С. 253 (Он же. Избранные произведения. Кн. 1. С. 438).

³²⁹ Позднее Покровский писал, что власть московских царей и российских императоров «была политической оболочкой

думается, стимулировали работу мысли советских историков в направлении отождествления иммунитета с внеэкономическим принуждением.

Покровский отошел от схемы как Павлова-Сильванского, так и Сергеевича, взяв у первого идею независимости первооснов иммунитета от пожалования, а у них обоих – представление о превращении иммунитета в сословное право. Покровский пошел дальше Павлова-Сильванского, высказав мнение, что и церковный иммунитет существовал до пожалований. В отличие от Сергеевича, он видел в выдаче грамот не простое выполнение воли челобитчиков, а политическую сделку, хотя и сравнивал выдачу грамот с учреждением «монополий». Поставив иммунитет в связь с вассалитетом, Покровский сделал заметный шаг вперед по сравнению с Павловым-Сильванским и Сергеевичем. Покровский, наряду с Шумаковым, верно уловил конституционное значение иммунитета, ограничивавшего самодержавие в пользу дворянства.

Влияние идей В. И. Ленина на созданную Покровским концепцию иммунитета сказалось в том, что историк рассматривал «положительный иммунитет» прежде всего как хозяйственную, а не чисто юридическую или чисто политическую категорию. Порывая с традициями буржуазной историографии, Покровский не считал иммунитет «удельного периода» условием «свободы» крестьян. Напротив, своим отождествлением первоначального иммунитета с властью холоповладельцев Покровский поставил знак равенства между иммунитетом и личной несвободой непосредственных производителей. Тем самым он приблизился к пониманию иммунитета как способа «внеэкономического принуждения», хотя его толкование последнего отличалось противоречивостью.

Ленинскому подходу к изучению крепостного хозяйства соответствовало и стремление Покровского провести прямую линию между ранним и поздним (XVIII–XIX вв.) иммунитетом, что также нарушало каноны буржуазной историографии. Если В. И. Сергеевич и М. А. Дьяконов говорили лишь о включении норм иммунитета в состав крепостного права, то Покровский считал самое власть крепостников формой иммунитета.

В то же время в концепции Покровского были слабые и спорные места: тенденция отрыва иммунитета от землевладения (при декларировании связи между ними), выведение иммунитета из первобытных и патриархально-рабовладельческих отношений, отождествление с иммунитетом любой формы местного самоуправления и т. п.

К 1918 г. относится выход двух книг еще одного видного историка, занимавшегося проблемой иммунитета, – А. Е. Преснякова. Иммунитет и жалованные грамоты интересовали его на этот раз в связи с вопросом об укреплении власти московских государей. Если в печатном тексте лекций Преснякова 1907/08–1915/16 гг. и в его монографии 1909 г. нет прямых высказываний о природе иммунитета³³⁰, то в книге 1918 г. он прямо солидаризируется с мнением К. А. Неволлина, что грамоты «только подтверждали тот порядок, который существовал сам собой и по общему правилу с древнейших времен», а обычай «возобновления» жалованных грамот использовался «для постепенного пересмотра грамот по их содержанию, с общей тенденцией к ограничению предоставленных грамотчикам льгот и привилегий»³³¹.

Однако, кроме повторения верных идей Неволлина, Пресняков переосмыслил с новых позиций всю проблему выдачи жалованных грамот в целом. Во-первых, он подчеркнул

„внеэкономического принуждения”» (Покровский М. Н. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // Борьба классов. 1931. № 2. С. 85).

³³⁰ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. I: Киевская Русь. С. 194–195; *Он же*. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909. С. 296. В неопубликованном тексте лекций есть утверждение (со ссылкой на Н. П. Павлова-Сильванского) о независимом от пожалований происхождении иммунитета (Чирков С. В. А. Е. Пресняков как источниковед и археограф: дис... канд. ист. наук. М., 1975. С. 121–122).

³³¹ Пресняков А. Е. Московское царство. Пг., 1918. С. 41; *Он же*. Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 453–457.

классовую солидарность князей-жалователей с представителями господствующих сословий, получавших жалованные грамоты: эти акты давали «крупным землевладельцам опору по отношению к другим группам населения»³³². Во-вторых, автор обратил особое внимание на установление с помощью жалованных грамот политической зависимости грамотчиков от князей: акты ставили «вотчинную власть в подчиненную зависимость от власти великого князя, делали ее из самодовлеющей – делегированной путем милостивого пожалования», «пожалование налагало обязанность верности и могло быть обусловлено определенными требованиями». Наконец, в-третьих, Пресняков отметил, что выдача грамот укрепляла княжескую власть как институт, превращая ее в источник «всякого признанного права»³³³.

Решающее значение Пресняков придавал, видимо, второму моменту, ибо, по его мнению, «вся эта эволюция отношений» (выдача грамот и ограничение привилегий) была «направлена к разрушению коренного противоречия между вотчинной властью князя над всей территорией его княжения и вотчинными же правами крупных землевладельцев. Весь строй этих прав был настолько близок к княжескому властвованию над территорией и населением, что связь боярщины с княжеством, казалось, держится только на личной вольной службе ее владельца князю»³³⁴.

Следовательно, Пресняков разделял взгляд Павлова-Сильванского на боярщину как тип «государства в государстве»³³⁵. Мысль Преснякова о создании с помощью жалованных грамот «обязанности верности» или, другими словами, вассальной зависимости совпадает и с воззрениями М.Н. Покровского. Но Пресняков больше, чем Павлов-Сильванский³³⁶ или Покровский, подчеркнул политическую сущность выдачи жалованных грамот. Характерно введенное им понятие – «политика жалованных грамот»³³⁷. Намечавшийся еще в работах В. А. Панкова и М. Н. Покровского поворот к новым позициям в оценке мотивов выдачи грамот Пресняков довел до логического конца. Одновременно с Покровским Пресняков ясно показал, что политическая сущность выдачи жалованных грамот заключалась в установлении вассалитета-сюзеренитета, определенной формы союза или договора между жалователем и грамотчиком и формы подчинения вассала сюзерену. Впрочем, о «феодализме» автор предпочитал не говорить и избегал пользоваться западно-феодальной терминологией Павлова-Сильванского.

Приближение Преснякова к марксистской постановке вопроса выразилось прежде всего в его попытке вскрыть классовую сущность «политики жалованных грамот». Пресняков четко показал, что князь-жалователь – представитель интересов господствующего класса и не может не действовать в пользу последнего. Как это далеко от взглядов того же

³³² Пресняков А. Е. Московское царство. С. 41. Очень четко по этому вопросу высказался Пресняков и в другой связи, а именно – объясняя, почему в земельных спорах между вотчинниками и волостью князя обычно поддерживали вотчинников: «...Вотчинное землевладение имело слишком большое значение для самой княжеской власти, чтобы она могла стать на сторону волости в этом конфликте. Развитие вотчинного землевладения с присущей ему вотчинной властью стало существенным моментом в организации боевой силы и хозяйственных средств княжества рядом с путным-дворцовым и наместничьим управлением. Боярство и духовенство, две живых и влиятельных опоры великокняжеской власти, могли особенно рассчитывать на ее заботу [о] (в издании «о» отсутствует. – С. К.) своих интересах, об укреплении их социальной силы. А в то же время – дать им опору в своей власти значило для великого князя усилить свои связи с руководящим общественным слоем и свое влияние на него. Обе эти задачи великокняжеской власти определяют существо политики жалованных грамот» (Там же. С. 38–39).

³³³ Там же. С. 41.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Ср.: Там же. С. 39.

³³⁶ Павлов-Сильванский был настолько увлечен сравнением правовых норм русских и иностранных иммунитетов, что почти не обратил внимания на политический аспект выдачи жалованных грамот. Единственное, о чем он говорит, это об ограничении иммунитетов в XV–XVI вв., подчеркивая, хотя опять-таки в чисто юридическом плане, большую ограниченность московских грамот по сравнению с прочими (Павлов-Сильванский Н.П. Соч. Т. III. С. 287–289).

³³⁷ Пресняков А.Е. Московское царство. С. 39.

Сергеевича, писавшего в свое время: «Различие черных и белых сох не стоит ни в какой связи с сословным различием лиц»³³⁸! Однако в трактовке природы иммунитета Пресняков не поднялся до анализа рентных отношений и остался на уровне концепции Неволлина.

В работах и Покровского и Преснякова практически нет анализа конкретного материала жалованных грамот, поэтому их труды имели значение лишь для теоретического углубления проблемы и постановки новых вопросов. Такой же неисточниковедческий характер носила и вышедшая в 1922 г. «Русская история» Н. А. Рожкова.

Взгляды Рожкова на иммунитет не претерпели существенных изменений по сравнению с дореволюционным периодом. Его концепция по-прежнему состояла из очевидного соединения отдельных положений теории Павлова-Сильванского, с одной стороны, и Сергеевича – с другой³³⁹. У Неволлина и Павлова-Сильванского Рожков взял 1) идею обусловленности иммунитета землевладением³⁴⁰ и независимости его от пожалований³⁴¹; 2) утверждение, что жалованные грамоты только подтверждали давно сложившиеся права³⁴². У Сергеевича заимствовано 1) отнесение иммунитета не к числу феодальных институтов, а к числу «зародышей феодализма»³⁴³ (отсюда и повторение мысли Сергеевича, что феодализм на Руси не развился)³⁴⁴; 2) представление о выдаче грамот как более или менее механическом «нотариальном» акте³⁴⁵.

В третьем томе «Русской истории» Рожков говорил, что в процессе «падения феодализма» всюду сохранялись «устои старого феодального общественного строя – феодальные привилегии и феодальная сословность»³⁴⁶. Возможно, это положение он распространял и

³³⁸ Сергеевич В. Древности русского права. СПб., 1903. Т. III. С. 31.

³³⁹ См.: Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II] С.129.

³⁴⁰ «...Обладание землей – все равно на вотчинном или поместном праве – обуславливало собою и принадлежность помещику или вотчиннику прав суда над всеми жителями его имения и сбора податей с них» (Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). Пг.; М., 1922. Т. II. С. 33). Это же определение см. в более ранних работах автора: Рожков Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения. СПб., 1905. Ч. II, вып. I. С. 147; Он же. Происхождение самодержавия в России. М., 1906. С. 20. Понятие «обладание землей» в книге 1922 г. не расшифровывалось, а в книге 1906 г. читаем: «... Носитель верховной власти был таковым именно по той причине, что он обладал землей, верховные права являлись не (так у Рожкова. – С. К.) чем иным, как одним из хозяйственных атрибутов земельного владения, вроде отдельных земельных угодий» (Рожков Н. Происхождение самодержавия в России. С. 29; ср.: Там же. С. 39). Трактовка верховных прав в качестве «хозяйственных» атрибутов была отступлением от публичноправовой концепции Павлова-Сильванского к частноправовой концепции Б. Н. Чичерина (о ней подробнее см.: Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. I]. С. 282; ср.: Там же. [Ч. II]. С. 128).

³⁴¹ «Не следует думать, что дача жалованных грамот князьями свидетельствует о происхождении всех этих преимуществ из княжеского пожалования» (Рожков Н. Русская история... Т. II. С. 34). То же самое в книгах: Рожков Н. Обзор русской истории... Ч. II, вып. I. С. 147; Он же. Происхождение самодержавия... С. 20.

³⁴² «...Жалованные грамоты только формулировали давно сложившийся и господствовавший обычай и подтверждали, укрепляли права...» (Рожков Н. Русская история... Т. II. С. 34). То же самое в книгах: Рожков Н. Обзор русской истории... Ч. II, вып. I. С. 147; Он же. Происхождение самодержавия... С. 20–21. Неволлинская мысль о позднейшем ограничении привилегий четко сформулирована и подтверждена материалом грамот в книге 1905 г. (Рожков Н. Обзор русской истории... Ч. II, вып. I. С. 147).

³⁴³ «Судебные и податные привилегии можно назвать только иммунитетом, а иммунитет, как и бенефиций, являются лишь одним из зародышей феодализма» (Рожков Н. Русская история... Т. II. С. 35). То же самое см. в книге: Рожков Н. Обзор русской истории... Ч. II, вып. I. С. 148.

³⁴⁴ «Феодальных отношений в удельной Руси и в социальном отношении, как и в экономическом, не было, были налицо только их элементы, не вышедшие из первоначальной стадии развития» (Рожков Н. Русская история... Т. II, вып. I. С. 35). В книгах 1905–1906 гг. дано более короткое резюме: «Феодальных отношений в удельной Руси не было, были налицо только их элементы, не вышедшие из первоначальной стадии развития» (Рожков Н. Обзор русской истории... Ч. II, вып. I. С. 148; Он же. Происхождение самодержавия... С. 21).

³⁴⁵ «...подобно тому, как теперь всякое вещное право нуждается в нотариальном акте укрепления» (Рожков Н. Русская история. Т. II. С. 34). То же самое в книге: Рожков Н. Обзор русской истории... Ч. II, вып. I. С. 147. Немного иная редакция в книге 1906 г.: «...подобно тому, как теперь имущественные права нуждаются в нотариальном акте укрепления» (Рожков Н. Происхождение самодержавия... С. 21; о князе в роли «простого нотариуса» см.: Там же. С. 27).

³⁴⁶ Рожков Н. Русская история. М.; Пг., 1922. Т. III. С. 284.

на Россию³⁴⁷, хотя не признавал наличия в ее истории периода развитого феодализма. Если подобное допущение верно, в утверждении Рожкова можно усматривать признак солидарности с тезисом Покровского о превращении иммунитета в сословную привилегию, что не исключает вероятности непосредственной переработки Рожковым идеи Сергеевича – Дьяконова относительно вхождения иммунитета в состав крепостного права.

Таким образом, в книге 1922 г. наблюдается не ослабление, а скорее некоторое нарастание влияния построений Сергеевича на схему Рожкова. В связи с отрицанием Рожковым феодализма в России его концепция имела точки прямого соприкосновения и с теорией П. Н. Милюкова. Это проявилось, в частности, в трактовке иммунитета в книге 1922 г., где Рожков писал: «...Иммунитеты не превратились в полный суверенитет, за исключением непродолжительного момента в XIII в. для отдельных великих княжеств...»³⁴⁸.

Милюков высказывал в свое время аналогичную мысль: «В своей вотчине он (русский землевладелец. – С. К.) никогда не был тем полным государем, судьей и правителем, каким был западный барон в своей баронии»³⁴⁹.

Рожков эволюционировал в сторону все большего признания самобытности России. Покровский и Пресняков оставались ближе к Павлову-Сильванскому, но и они несколько отошли от тех прямых отождествлений русских институтов с западными, которые есть у Павлова-Сильванского. Впрочем, всех этих авторов объединял с Павловым-Сильванским, по крайней мере, один основополагающий момент – представление о независимости происхождения иммунитета от пожалований.

Весьма короткое замечание о русском иммунитете принадлежит П. Кушнеру (1924 г.): «Иммунитет на Руси получил также немалое распространение: к XIV веку им обладало большинство крупных земельных собственников»³⁵⁰. Неясно, какой теории происхождения русского иммунитета придерживался автор. Во всяком случае, возникновение иммунитета на Западе он связывал с борьбой между вассалами и королем, говорил, что «иммунитет был получен вассалами не сразу», установление иммунитета происходило путем заключения договоров между королем и вассалами, а сам иммунитет есть «отказ короля от вмешательства в действия вассалов, производимые на их земле или над людьми, находящимися у них в зависимости»³⁵¹. С Рожковым его сближает толкование феодального суда как доходной статьи³⁵². В целом автора трудно считать вполне четким сторонником теории самобытного происхождения иммунитета.

Некоторые противоречия в понимании происхождения русского иммунитета наблюдаются у И. М. Кулишера (1925 г.). К теории автогенности иммунитета он присоединился в следующих словах: «... Нет сомнения в том, что вотчинники сами издавна себе присваивали эти права...»³⁵³; «начало... иммунитету было положено, по-видимому, уже в древней-

³⁴⁷ Рожков отрицал наличие развитого сословного строя в удельной Руси: «Сословный строй только слабо намечался» (*Рожков Н.* Происхождение самодержавия... С. 22), но для второй половины XVI–XVII в. признавал существование таких явлений, как «сословность, резкие юридические различия одних общественных групп от других» (*Рожков Н. А.* Город и деревня в русской истории: (Краткий экономический очерк истории России). 2-е изд. М., 1904. С. 53).

³⁴⁸ *Рожков Н.* Русская история. Т. II. С. 286; ср. с. 417.

³⁴⁹ *Милюков П.* Очерки по истории русской культуры. 2-е изд. СПб., 1896. Ч. I. С. 165; 3-е изд. СПб., 1898. С. 168; 4-е изд. СПб., 1900. С. 178–179; 5-е изд. СПб., 1904. С. 207–208; 6-е изд. СПб., 1909. С. 221–222. Павлов-Сильванский тоже признавал, что «„окняженье“ земли у нас, в противоположность Западу, предупредило ее „обояренье“ и поэтому иммунитет в России не перешел в суверенитет, но он объяснял это обстоятельство «чисто случайной причиной» – «быстрым размножением рода владетельных князей Рюриковичей» (*Павлов-Сильванский Н. П.* Соч. Т. III. С. 308).

³⁵⁰ *Кушнер (Кнышев) П.* Очерк развития общественных форм. М., 1924. С. 207.

³⁵¹ Там же. С. 206.

³⁵² Там же. С. 231.

³⁵³ *Кулишер И. М.* История русского народного хозяйства. М., 1925. Т. I. С. 97.

шие времена»³⁵⁴. Подобно Преснякову и Покровскому, Кулишер видел начало иммунитета на Руси в праве церковного суда³⁵⁵.

Автор не дает какого-либо своего объяснения исконности иммунитета, ссылаясь на страницы книг Неволлина, Сергеевича, Павлова-Сильванского и Преснякова, хотя взгляды этих историков отнюдь не идентичны. В другом месте того же труда Кулишер как бы забывает тезис о независимости иммунитета от жалованных грамот и говорит, что благодаря содержащемуся в грамотах освобождению крестьян от суда наместников «право суда и расправы *передавалось* (курсив мой. – С. К.) вотчиннику», «от жалованных льготных *грамот* (курсив мой. – С. К.) ведет свое начало и податная ответственность землевладельцев...»³⁵⁶.

Кулишер, вероятно, склонен был считать вотчинников инициаторами выдачи грамот. По его выражению, вотчинники, присвоившее себе иммунитетные права, «*заставляли* (курсив мой. – С. К.) князей подтверждать их»³⁵⁷. Здесь звучит отголосок челобитной теории, осмысленной в духе Шумакова, рассматривавшего жалованные грамоты в качестве хартий вольностей, «вырванных и завоеванных... в пылу классовой социально-экономической борьбы»³⁵⁸.

В трактовке существа иммунитета Кулишер тоже несколько отошел от Павлова-Сильванского и приблизился к Рожкову. Он оценивал не только податной, но и судебный иммунитет исключительно как доходную статью³⁵⁹. Павлов-Сильванский не отрицал эту роль иммунитета и даже говорил, что для мелкого феодала весь смысл иммунитета мог сводиться к получению дохода³⁶⁰, однако в целом он считал иммунитет прежде всего формой политического властвования³⁶¹. Такого аспекта ни у Рожкова, ни у Кулишера нет. Их взгляды на сущность иммунитета восходят к концепциям Чичерина и Ключевского³⁶².

В соответствии с идеями последнего, Кулишер уделил много внимания хозяйственному, эксплуатационному предназначению иммунитета.

По мнению автора, ограждение крестьян иммунитетных владений от поборов и наездов княжеской администрации способствовало предупреждению разорения крестьянства. Кулишер подчеркивал, что взамен освобождений, даруемых князьями, «вотчинники могли, конечно, требовать усиленных повинностей и платежей в свою пользу – эксплуатация в пользу князя и его людей заменялась эксплуатацией труда в интересах вотчинников духовных и светских. Иммунитет доставлял им реальные выгоды, выражаемые в росте их доходов»³⁶³.

Вопрос о значении жалованных грамот для усиления внутривотчинной эксплуатации был поставлен применительно к одному частному случаю еще Н. Никольским³⁶⁴, а в общей форме – В. А. Панковым. Панков высказал мысль, что положение крестьян в пожалованных вотчинах в XVI в. было не более легким, чем в других землях (всю разницу он усматривал только в способности богатых тарханщиков давать крестьянам кратковременные льготы)³⁶⁵.

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Там же. М., 1925. Т. II. С. 104.

³⁵⁷ Там же. Т. I. С. 97.

³⁵⁸ Шумаков С. Указ. соч. Вып. IV. С. 3.

³⁵⁹ Кулишер И. М. Указ. соч. Т. I. С. 99 («Для игумена или архимандрита вся суть заключалась именно в этом»).

³⁶⁰ Павлов-Сильванский Я. Я. Соч. Т. III. С. 305.

³⁶¹ Там же. С. 304.

³⁶² Ср.: Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 282, 302.

³⁶³ Кулишер И. М. Указ. соч. Т. I. С. 103.

³⁶⁴ Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб., 1910. Т. I, вып. 2. С. 59–60.

³⁶⁵ Панков В. Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI века и его политическое и экономическое

Это мнение Панкова соответствовало утверждению Н. И. Ланге о том, что вотчинное тягло и вотчинный суд были не лучше, «если не хуже» государственных³⁶⁶. Кулишер, напротив, полагал, что эксплуатация в частновладельческих вотчинах, принадлежавших как светским лицам, так и духовенству, «была все же меньше», чем «эксплуатация в пользу князя», поскольку задача «борьбы за рабочие руки» вынуждала частных землевладельцев к соблюдению «умеренности в эксплуатации крестьянского труда»³⁶⁷.

Автор не дал обоснованного решения этого вопроса³⁶⁸, но шел в интересном и малоизученном направлении.

Старому тезису буржуазной историографии, считавшей одним из мотивов выдачи жалованных грамот стремление заселить пустующие земли и превратить их «в цветущие луга и поля» (Соловьев, Горбунов, Дювернуа, Мейчик, Панков)³⁶⁹ Кулишер придал новый аспект, выделив тут проблему «борьбы за рабочие руки»³⁷⁰ и связанную с ней проблему ограничения крестьянских переходов и закрепощения крестьян. Одновременно автор конкретизировал идею Сергеевича – Дьяконова о вхождении иммунитета в состав крепостного права. Он попытался вскрыть механику складывания крепостной зависимости на почве иммунитета, выводя из него, а вернее из жалованных грамот, как судебную власть землевладельцев, так и их податную ответственность «за исправное отбывание тягла проживающими за ними крестьянами», и резюмировал: «Следовательно, и в податном отношении создавалась зависимость крестьян от вотчинника, ответственность перед последним, возможность для него воздействовать на крестьян принудительными мерами для побуждении их к уплате податей»³⁷¹.

Так преодолевалось давнее представление о том, что иммунитет, в отличие от позднейших крепостников, пользовались властью в отношении людей «свободных». Это представление было сформулировано еще Невוליным и поддерживалось многими исследователями, условно разделяющими историю русского крестьянства на период «свободы» (до конца XVI в.) и период «несвободы» (с конца XVI в.)³⁷².

Таким образом, Кулишер сосредоточил основное внимание на социальных, классовых сторонах иммунитета, на его обращенности против эксплуатируемого большинства. И столь выразительно это было сделано в советской историографии впервые.

Автор попытался также в самых общих чертах проследить политику правительства в XVI–XVII вв. в отношении иммунитета духовенства. Он пришел к заключению, что, несмотря на ряд ограничений, иммунитетные привилегии монастырей, особенно судебные, устойчиво сохранялись³⁷³.

значение. СПб., 1911. С. 176–186; ср.: *Каштанов С.М.* К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 135.

³⁶⁶ Ланге Н. Древние русские смесные или вобчие суды. М., 1882. С. 21, 23.

³⁶⁷ Кулишер И. М. Указ. соч. Т. I. С. 103–104.

³⁶⁸ Достаточно спорно его утверждение, что «вотчинники не разоряли своих крестьян в той мере, как это делали за пределами вотчин княжеские наместники, тиуны и волостели» (Там же. С. 104).

³⁶⁹ Подробнее см.: *Каштанов С.М.* К историографии крепостного права в России. [Ч. I]. С. 279, 290, 296, 307; [Ч. II]. С. 134.

³⁷⁰ Надо, впрочем, сказать, что аспект «борьбы за рабочие руки» был уже отчетливо намечен Сыромятниковым (*Сыромятников Б. И.* История русского государственного права: Лекции... М., [1909]. С. 72; ср.: *Муравьев В.А.* Указ. соч. С. 29–30).

³⁷¹ Кулишер П.М. Указ. соч. Т. II. С. 104.

³⁷² Такое противопоставление есть, например, у Милюкова, Панкова и др. (см.: *Каштанов С.М.* К историографии крепостного права в России. [Ч. I]. С. 277; [Ч. II]. С. 131), хотя еще И.Е. Андреевский само получение грамот обуславливал фактической зависимостью «земледельцев от владельца земли» – возникшим элементом крепости (*Андреевский И.* О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С. 32; ср.: *Каштанов С. М.* К историографии крепостного права в России. [Ч. I]. С. 293–294).

³⁷³ Кулишер П. М. Указ. соч. Т. II. С. 64–66.

В работе Кулишера дается не только трактовка проблем, но и содержится прямое обращение к источникам: жалованные грамоты нередко цитируются, хотя использование их носит ярко выраженный «иллюстративный характер», обычный для юридических исследований XIX – начала XX в.

Итак, новизна концепции Кулишера заключалась главным образом в установлении тесной связи между проблемой иммунитета и проблемой борьбы за «рабочие руки» и за ограничение крестьянских переходов. Основное противоречие его схемы – признание исконности иммунитета и вместе с тем рассмотрение его в качестве источника вотчинной власти – своеобразное сочетание взглядов Павлова-Сильванского и Сергеевича. При всей противоречивости и непоследовательности концепции Кулишера в ней наблюдается несомненное влияние марксизма-ленинизма, которое проявилось в показе классовой сущности иммунитета, несвободы крестьян в рамках иммунитетных отношений.

Если в сочинениях Покровского, Преснякова, Рожкова, Кушнера, Кулишера прослеживается известное «количественное» накопление наблюдений и мыслей, шедших вразрез с представлениями Павлова-Сильванского о происхождении иммунитета, то «качественный» взрыв или разрыв с этой концепцией был произведен в работах С. В. Юшкова и С. Б. Веселовского. Эта вторая волна открытого преодоления взглядов Павлова-Сильванского наступила через 20 с лишним лет после первой, на гребне которой находились В. И. Сергеевич и П. Н. Милюков. Первая волна докатилась до 1918 г. (книга Панкова 1911 г., лекции Любавского 1915–1918 гг.) и замерла под натиском работ Покровского, Преснякова и др.

Следование советских историков концепции Павлова-Сильванского в течение первых семи лет развития нового общественного и государственного строя в России не было безоговорочным, и тем не менее возрожденная Павловым-Сильванским мысль о независимости происхождения феодального иммунитета от княжеских пожалований получила в это время широкую поддержку. Теория Павлова-Сильванского привлекала попыткой найти объективные истоки иммунитета и феодализма в целом, поставить историю России в рамки общеевропейских закономерностей.

Вместе с тем все более выяснялись и слабые стороны этой теории. Важную роль в отказе от концепции Павлова-Сильванского могло сыграть то обстоятельство, что теория политического феодализма рушилась под влиянием идей марксизма-ленинизма, отрицавшего возможность политической «свободы» крестьянства в условиях «внеэкономического принуждения».

В 1925 г. с весьма оригинальной работой выступил С. В. Юшков. В ней коренным образом пересматривалась теория самобытного происхождения иммунитета. Заслуживают внимания источниковедческие предпосылки автора. По его мнению, у нас нет данных ни в пользу того, что иммунитет был созданием государственной власти, ни в пользу того, что «право на иммунитет является исконным обычным правом крупных землевладельцев и дружинников»³⁷⁴. Юшков счел несостоятельной попытку Павлова-Сильванского объяснить вслед за Маурером происхождение иммунитета выходом крупного землевладельца из общины и освобождением от общинных уз: «... В древнейшей Руси не было следов общины и, тем более, общины того типа, который был бы сходен в основных чертах с германской маркой...»³⁷⁵. В этом отрицании наличия территориальной (или сельской) общины в древней Руси Юшков не был одинок. Такую же мысль (фактически тоже направленную против теории Павлова-Сильванского) мы находим, например, у М. Н. Покровского³⁷⁶. Последний,

---

³⁷⁴ Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1925. Т. III, вып. IV. С. 85.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Согласно Покровскому, до XVI в. на Руси не было главного признака сельской общины – переделов, существовало «печищное» или «дворищное» первобытное землевладение – «отнюдь не ассоциация свободных и равных землевладельцев, какою рисуется некоторым исследователям, например, община древних германцев». «Для того чтобы возникла и у

как известно, усматривал истоки иммунитета не в землевладении, а во «власти старых родителей» и холоповладельцев, что означало неприятие концепции Маурера – Павлова-Сильванского.

Отвергал Юшков и возможность следовать мнению двух других немецких авторитетов, на которых отчасти опирался Павлов-Сильванский – Эйхгорна и Цепфеля, считавших иммунитет исконной принадлежностью всякого крупного землевладения³⁷⁷ (хотя и выводивших иммунитетные права из разных источников)³⁷⁸.

Юшкову казались бесплодными попытки искать корни иммунитета в эволюции какого-то одного, отдельно взятого института. Он видел в иммунитете «порождение экономического и социально-политического строя эпохи, *предшествующей феодализму*» (курсив мой. – С. К.), но тут же заявлял, что на происхождение и развитие иммунитета влиял «целый ряд *феодальных* (курсив мой. – С. К.) институтов: и патронат, и вассалитет, и бенефиций, и основные черты хозяйственно-административного строя боярщины-сеньории и т. д. . .»³⁷⁹ Иммунитет, по определению Юшкова, являлся «одним из основных устоев *феодальной* (курсив мой – С. К.) системы и одним из характернейших и необходимейших ее признаков»³⁸⁰.

Признавая иммунитет типично феодальным институтом, Юшков не порывал с Павловым-Сильванским в главном. Понимание синкретической природы иммунитета было плодотворным и открывало пути для дальнейшего, более глубокого изучения его происхождения. Вместе с тем, оставалось неясным, что представляла собой механика возникновения иммунитета в дофеодальную эпоху и под влиянием феодальных институтов типа патроната, вассалитета и т. п. Особенно туманен тезис об иммунитете как порождении дофеодальных отношений. Или это пережиток концепции Сергеевича, или тут имеется в виду факт вырастания самого феодализма, а вместе с ним и иммунитета из предшествующих им социальных отношений?

Юшков оказался первым советским автором, давшим развернутую критику теории самобытного, независимого от княжеского пожалования происхождения иммунитета в древней Руси. Согласно Юшкову, здесь «процесс сеньоризации... почти полностью протекал на почве развития княжого землевладения и обуславливался фактом передачи княжеских земель церковным учреждениям и боярству. Почти все сеньориальные права были унаследованы новыми владельцами от князя, одним словом, княжое землевладение было организующим центром феодализации, основным очагом феодальных отношений... Отсюда естественнее всего предполагать, что иммунитет был принадлежностью не всякой вотчины, не всякого крупного владения, а только того, которое было передано князем и на которое уже распространялись и осуществлялись те права, которые обеспечивались иммунитетом»³⁸¹.

Ранний русский иммунитет Юшков практически сближал с кормлением, осмысливая его в духе Ключевского – как форму удовлетворения экономических потребностей княжеских бояр и слуг: «...Передача этих прав и обеспечение их иммунитетом первоначально обуславливалась³⁸² не столько административным, сколько экономическими моментами, так как эти права – право на суд и дань – были одним из главных источников доходов с пожа-

---

нас община с ее переделами, мало было тех финансовых и вообще политических условий, о которых нам еще придется говорить ниже: нужна была еще земельная теснота, а о ней и помину не было в домосковской и даже ранней московской Руси» (Покровский М.Н. Русская история... Т. I. С. 73; *Он же*. Избранные произведения... Кн. I. С. ш).

³⁷⁷ Юшков С. В. Указ. соч. С. 85.

³⁷⁸ Цепфель – из неприкосновенности частного жилища, Эйхгорн – из отношения дружинников к королю (подробнее см.: Павлов-Сильванский Н.П. Соч. Т. III. С. 293–294; Тихомиров Б. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси // Историк-марксист. 1936. Кн. 3 (55). С. 5).

³⁷⁹ Юшков С. В. Указ. соч. С. 86.

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ Там же. С. 87.

³⁸² Так в тексте.

лованных земель, а в некоторых случаях и единственным, именно, при пожаловании административных единиц, волостей и городов. Можно, пожалуй, предполагать, что пожалование дани и суда вместе с пожалованием земли было более обычным в IX–X вв., нежели в XII–XIII, когда были найдены и усвоены интенсивные способы эксплуатации земли и когда было обращено больше внимания на землевладение, дававшее новые источники дохода для владельца»³⁸³.

Из такого понимания иммунитета, рассматриваемого в качестве права на суд и дань, не порожденного спецификой земельной собственности, вытекало предположение о весьма раннем возникновении светского иммунитета на Руси. Юшков думал, что, несмотря на отсутствие каких-либо данных относительно существования светского иммунитета в XI–XIII вв., есть основания считать вероятным наличие его в этот период: «... Поскольку процесс феодализации имел свой основной очаг в княжеской дружине, можно предполагать, что светский иммунитет хронологически предшествовал церковному. И только в XIII в. этот институт стал развиваться на почве церковного землевладения... Развитие же боярского землевладения не поспевало за развитием церковного, почему не был отражен светский иммунитет в памятниках того времени»³⁸⁴.

Ставя светский иммунитет хронологически раньше церковного, Юшков вступал в противоречие с взглядами Покровского, Преснякова и др., но представление о такой последовательности появления иммунитетов в принципе соответствовало теории Павлова-Сильванского.

«Исходными пунктами» развития церковного иммунитета на Руси Юшков считал постановления Устава Владимира, т. е. опять-таки «пожалование»³⁸⁵. Под церковным иммунитетом автор подразумевал всякие вообще судебно-административные или финансовые права церкви, хотя он понимал, что подобные привилегии вне связи с землевладением еще не создавали полного или полноценного иммунитета. Так, по Уставу Владимира, «иммунитет, предоставленный церкви, является частичным: 1) он касался только судебной области и не говорил об освобождении от финансовой администрации князя, 2) он не носил территориально-поземельного характера»³⁸⁶.

Тенденцию недифференцированной характеристики полномочий церкви мы наблюдали уже в работах Покровского, Кулишера и др.

Нам кажется, что судебные права церкви в отношении лиц, не связанных с ней узами феодально-поземельной зависимости (например, бояр, купцов, крестьян, не живущих в пределах церковных вотчин), нельзя определять в качестве иммунитета³⁸⁷. Юшков признавал условность или спорность подведения этих привилегий под понятие «иммунитет», поэтому он назвал указанные привилегии «частичным» иммунитетом.

При рассмотрении «развития церковного иммунитета» Юшков уделил главное внимание усилению его социальной направленности и возникновению земельной базы: «... Перечень лиц, подлежащих епископскому церковному суду, все более растет, начинает захватывать уже и те элементы, связь которых с церковью основывается на хозяйственно-экономических отношениях»³⁸⁸; «... первоначальные постановления о церковной

³⁸³ Там же.

³⁸⁴ Там же. С. 88–89.

³⁸⁵ Там же. С. 89. В дальнейшем «... право на суд осуществлялось церковью без особого пожалования со стороны князя и основывалось на общих постановлениях о церковном суде, выраженных в княжеских уставах» (Там же. С. 91).

³⁸⁶ Там же. С. 89.

³⁸⁷ Подробнее см.: Каштанов С.М., Клокман Ю.Р. Советская литература 1965–1966 гг. по истории России до XIX века // ИСССР. 1967. № 5. С. 167; ср.: Каштанов С.М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте. С. 198.

³⁸⁸ Юшков С. В. Указ. соч. С. 89.

юрисдикции стали носить и территориально-поземельный характер»³⁸⁹; расширение канонических прав церкви «имело целью обобщить иммунитетные формы³⁹⁰ для церкви и придать им территориально-поземельный характер»³⁹¹.

Юшков считал, что «иммунитет уже достаточно развивался (так! – С. К.) в XII в. и был уже обычным институтом на исходе рассматриваемой эпохи»³⁹².

Общую тенденцию эволюции иммунитета Юшков изображал как путь от полных изъятий к менее полным, но эту меньшую полноту позднейшего иммунитета он объяснял «не столько стремлением князей ограничить иммунитет, сколько расширением³⁹³ публичных прав и установлением³⁹⁴ новых публично-правовых обязанностей, благодаря новым экономическим условиям и социально-политической перестройке»³⁹⁵ – напротив, «...крайняя несложность, малочисленность прав, которые могли обеспечиваться иммунитетом XI–XII вв., побуждает думать, что они обеспечивались им всецело, без тех ограничений, которые мы наблюдаем обычно в XIV–XVI в.»³⁹⁶.

Конечно, установление новых налогов и повинностей было само по себе формой ограничения иммунитета, ибо для освобождения от них требовалась жалованная грамота, но в то же время через жалованные грамоты XIV–XV вв. проводилась отмена именно старинных и «простейших» привилегий – свободы от дани³⁹⁷ и полного судебного иммунитета³⁹⁸. Поэтому трактовка Юшкова не исчерпала всей глубины вопроса и не перечеркнула тезис об ограничительной политике князей.

Юшков коснулся и проблемы сходства русского иммунитета с западным. Он в целом поддержал мнение Павлова-Сильванского, заявив, что «исходные пункты» русского иммунитета аналогичны с западными, «более или менее и объем прав по иммунитету как у нас, так и [на]³⁹⁹ Западе, был одинаков»⁴⁰⁰.

Главную специфику русского иммунитета Юшков усмотрел в наличии грамот с «положительной» формулировкой иммунитетных норм. Если Покровский подразумевал под «положительным» признаком иммунитета существование вотчинной власти независимо от грамот, то Юшков называл «положительным иммунитетом» или «иммунитетом в широком смысле» такое пожалование, при котором иммунитетные права передавались в форме их утверждения за землевладельцем, а не в форме отрицания прав местных агентов князя. Пожалования последнего типа Юшков определял в качестве «отрицательного иммунитета» или «иммунитета в тесном смысле слова». При этом в обоих случаях имелись в виду словесные формулировки грамот. Поскольку «положительный иммунитет» встречается в древнейших грамотах, Юшков говорит, что «иммунитет положительный как бы предшествовал иммунитету отрицательному», отрицательный иммунитет возник из положительного⁴⁰¹.

³⁸⁹ Там же. С. 90.

³⁹⁰ Так в тексте; вероятно, надо «нормы».

³⁹¹ Юшков С. В. Указ. соч. С. 90.

³⁹² Там же. С. 91.

³⁹³ В тексте «расширению».

³⁹⁴ В тексте «установления».

³⁹⁵ В тексте «перестройки».

³⁹⁶ Юшков С. В. Указ. соч. С. 91.

³⁹⁷ *Kashtanov S.M. The centralised State and feudal Immunities in Russia // The Slavonic and East European Review. 1971. April. Vol. XLIX, № 115. P 235–254.*

³⁹⁸ *Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. II. С. 116–225.*

³⁹⁹ В тексте «на» пропущено.

⁴⁰⁰ Юшков С. В. Указ. соч. С. 91.

⁴⁰¹ Там же. С. 87–88.

Автор усиленно подчеркивал этот момент, но он ему мало что давал при его концепции государственного происхождения иммунитета в целом.

Сравнение с западными источниками навело Юшкова на мысль об особой архаичности «положительного иммунитета»: «Даже ранние меровингские дипломы всегда формулировались отрицательно... Возникает вопрос, не носит ли эта форма иммунитета (положительная. – С. К.) глубоко архаические черты, уже изжитые в раннем западноевропейском средневековье и сохранившиеся только у нас?»⁴⁰². Ответа на этот вопрос наша историография пока не дала, хотя решение его может оказаться совсем не таким, каким оно рисовалось Юшкову.

Юшков игнорировал специфику феодальной собственности на землю и особенности ее функционирования на Руси в разные периоды развития феодализма. Это позволило ему возродить в правах гражданства «жалованную» теорию происхождения иммунитета. Но это возрождение старой теории проходило на иной основе, чем в трудах Сергеевича, Милюкова или Любавского. Автор признавал наличие феодализма на Руси, иммунитет он считал одним из важнейших устоев феодализма и солидаризировался с тезисом об однородности русского и западного иммунитетов. Другими словами, теперь опровержение Павлова-Сильванского сочеталось с глубоким усвоением кардинальных положений его концепции.

Через год после появления работы Юшкова, в 1926 г., вышла книга С. Б. Веселовского, где тоже проводилась мысль, что источник иммунитета – княжеское пожалование. Веселовский изложил здесь свои взгляды на происхождение и развитие иммунитета светских лиц, оставив вне сферы изучения монастырский иммунитет, но коснувшись некоторых вопросов истории иммунитета церковных учреждений. Под иммунитетом Веселовский подразумевал предоставление тому или иному лицу податных и судебных привилегий. Вслед за Сергеевичем он говорил о пожаловании иммунитета тяглым людям – рыболовам, сокольникам, кирпичникам⁴⁰³, бортникам⁴⁰⁴, ставя знак равенства между иммунитетом феодалов-землевладельцев и корпоративными привилегиями некоторых групп тяглецов⁴⁰⁵, не имевших права феодальной собственности на землю и не владевших крестьянами.

Согласно мнению Веселовского, «судебные и другие иммунитетные права землевладельцев в XIV–XVI веках могли... основываться только на княжеских пожалованиях»⁴⁰⁶, поэтому они «имели личный характер и вовсе не были связаны с землевладением частных лиц по обычному праву»⁴⁰⁷. Выясняя происхождение иммунитета светских вотчинников, Веселовский видел корни его в рабстве, когда господин являлся единственным судьей раба: «Самые глубокие корни иммунитета имели не земельный, а личный характер, вытекали из личных отношений сильных к слабым»⁴⁰⁸.

По Веселовскому получалось, что в основе иммунитета лежали две линии личных отношений: во-первых, личная зависимость раба или полусвободного человека от своего господина, зависимость должника от кредитора (долговое рабство), во-вторых, личные отношения между вассалом и сюзереном.

По мнению Веселовского, первая линия отношений превращалась в иммунитет путем ограничения полной неподсудности рабов государственным судьям. Происходило это не на базе установления феодальной формы земельной собственности, а в результате якобы «развившегося сознания, что известные преступления являются общественным злом, а не

---

⁴⁰² Там же. С. 91.

⁴⁰³ Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 78–83.

⁴⁰⁴ Там же. С. 86–87.

⁴⁰⁵ Там же. С. 73.

⁴⁰⁶ Там же. С. 31.

⁴⁰⁷ Там же С. 27; ср. с. 26, 71.

⁴⁰⁸ Там же. С. 23; ср. с. 8, 20.

только убытком для потерпевших»⁴⁰⁹. Веселовский не отрицал совершенно роли земельной собственности, но в его схеме она играла второстепенную роль в оформлении феодального иммунитета: «Чтобы связать эти предпосылки (личную зависимость «сильного» от «слабого» – С. К.) с землей, дополнить их другими необходимыми элементами и придать всему определенность института землевладельческого иммунитета, нужно было пожалование князя»⁴¹⁰.

Проследивая дальнейшую судьбу иммунитета, Веселовский указывал, что прекращение выдачи жалованных грамот светским землевладельцам не означало ликвидации их феодального иммунитета. Свой вывод автор обосновывал данными о всеобщем распространении иммунитетных привилегий в среде феодалов в XVI в. и закончившимся, наконец, разграничением финансовых полномочий государства и феодалов в отношении вотчин и поместий⁴¹¹. По мнению Веселовского, установление четкого круга платежей и повинностей, которые должны были нести крестьяне светских землевладельцев в пользу государства, т. е. принуждение крестьян иммунитетных владений к уплате главных поземельных налогов, способствовало ухудшению положения крестьян. Автор объяснял это увеличением ответственности феодалов за уплату крестьянами податей в казну⁴¹², не отмечая, однако, что рост финансового гнета государства, отмена некоторых податных привилегий феодалов вызывали, в свою очередь, усиление эксплуатации непосредственных производителей самими земледельцами с целью получения ренты.

Внутренне противоречивы суждения Веселовского о целях выдачи жалованных грамот. С одной стороны, он предполагал значительную активность государства в этом деле, считая жалованные грамоты универсальным средством государственного управления⁴¹³, экономической политики в первую очередь (задача разграничения «интересов княжеского хозяйства и частных землевладельцев»⁴¹⁴). С другой стороны, эту политику он понимал в значительной мере модернизаторски – как систему хозяйственного регулирования, особенно переоценивал значение традиции и шаблона в выдаче жалованных грамот монастырям, которые приобретали их якобы «автоматически»⁴¹⁵, не учитывал ограничительной роли жалованных грамот, отводя ее только грамотам указным⁴¹⁶.

Веселовский применял старый метод отвлеченно-юридического анализа жалованных грамот. Однако, будучи прекрасным знатоком источников, как изданных, так и неопубликованных, он внес в этот метод довольно значительный элемент историзма. Иллюстрируя ту или иную юридическую норму памятниками XV, XVI, XVII вв., автор стремился показать разное значение ее в разных исторических условиях, отмечал архаизм формуляра жалованных грамот и указывал на необходимость сопоставления их с другими документами, более живо отражающими реальное положение вещей⁴¹⁷.

Сам автор считал свою работу основанной теоретически на концепции Сергеевича, противопоставленной взглядам Неволлина и Павлова-Сильванского. Однако идейные истоки построений Веселовского сложнее.

⁴⁰⁹ Там же. С. ю.

⁴¹⁰ Там же. С. 23; ср. С. 13, 26.

⁴¹¹ Там же. С. 98–113.

⁴¹² Там же. С. 104–105.

⁴¹³ Там же. С. 82–83; ср. с. 24.

⁴¹⁴ Там же. С. 37; ср. с. 35. С. Б. Веселовский в соответствии со своей концепцией писал о превращении «сборов из княжеских в вотчинные» (С. 42).

⁴¹⁵ Там же. С. 59.

⁴¹⁶ Там же. С. 35.

⁴¹⁷ Там же. С. 104–105. Критический анализ книги С. Б. Веселовского см. также: Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. II. С. 105–106.

Веселовский не указал или не заметил, что, пытаясь найти «самые глубокие корни иммунитета» в рабстве и вообще в отношении «сильных к слабым», он прямо повторяет Покровского, а по существу и Сыромятникова. Именно Покровский выводил «положительный» признак иммунитета из власти «старых родителей» и холоповладельцев. Развитие теории Покровского позволяло настаивать на личностном характере иммунитета и отрицать феодальное землевладение в качестве его основы. От Покровского, Преснякова и Сыромятникова шло и понимание вассально-сюзеренных отношений как одного из факторов складывания иммунитета. Не случайно Веселовский, подобно Покровскому, игнорировал проблему монастырского иммунитета, происхождение которого не вязалось с концепцией рабовладельческой природы иммунитета и – при отрицании определяющей роли земельной собственности – могло быть объяснено только пожалованиями.

Промежуточное положение земельной собственности в схеме Веселовского напоминает аналогичный момент в концепции Юшкова. Оба автора не считали земельную собственность источником иммунитета и в то же время сознавали, что без нее иммунитет не приобретает законченного вида. Так, Юшков называл «иммунитет», не построенный на территориальной основе, «частичным», а Веселовский воспринимал выдачу жалованной грамоты как следствие необходимости связать «предпосылки» иммунитета (личностные отношения) с «землей» и дополнить «другими элементами», чтобы «придать всему определенность института *землевладельческого* (курсив мой. – С. К.) иммунитета». Здесь сказалось влияние идущего от Гизо, Фюстель-де-Куланжа, Павлова-Сильванского и Покровского представления о «соединении» власти и земельной собственности при феодализме, но не происхождении власти из особенностей реализации феодальной формы земельной собственности, как это показал Маркс.

Сама идея возникновения иммунитета в результате пожалования не была вызвана только прямым обращением к трудам Сергеевича. Ранняя советская историография достаточно подготовила пересмотр схемы Павлова-Сильванского. Никто из советских авторов, чьи взгляды охарактеризованы выше, не поддержал теорию складывания иммунитета на почве освобождения барского двора от общинных уз. Более того, Юшков прямо ее отверг, а Покровский, формально не отвергая, предложил совсем иную трактовку. Тот же Покровский считал «отрицательный» признак иммунитета, т. е. пожалование, более важным, чем «положительный». Его теория «табу» открывала прямой путь к возрождению идеи пожалований. Кулишер, забыв на время принятую концепцию, писал, что право суда «передавалось» в грамотах вотчиннику из рук наместников и волостелей. Вполне соответствует этому мнению Веселовского о превращении «сборов из княжеских в вотчинные».

Доказательство Веселовским всеобщего распространения иммунитетных норм после прекращения выдачи жалованных грамот светским феодалам в XVI в. было дальнейшей конкретизацией тезиса Сергеевича о вхождении иммунитета в состав крепостного права, который разделяли Дьяконов и Беляев и переосмыслил Покровский.

Как и Кулишер, Веселовский связывал проблему распространения иммунитета с проблемой эксплуатации крестьянства. Отмечая ухудшение положения крестьян в результате отмены важнейших привилегий, Веселовский практически присоединялся к мнению Кулишера, что в пожалованных вотчинах крестьянам жилось легче, чем в непожалованных (Панков считал эту разницу несущественной, а Ланге вообще отрицал преимущества вотчинного суда и тягла).

Когда Веселовский говорил об «автоматической» выдаче жалованных грамот монастырям, то в этом проявилось его следование идеям Сергеевича, Рожкова (князь – «простой нотариус»), отчасти Покровского (учреждение «монополий»). Когда же автор усматривал в жалованных грамотах светским лицам средство государственного управления, то тут давала себя знать близость концепции Веселовского к взглядам П.И. Беляева («регулиру-

рование финансовых отношений населения»). Непризнание Веселовским ограничительной функции жалованных грамот созвучно аналогичному тезису Юшкова, хотя Веселовский в этом вопросе шел на уступку традиционным представлениям, отводя роль ограничителей иммунитета указным грамотам.

А. Е. Пресняков упрекал Веселовского в том, что он не упомянул своего главного и прямого предшественника – П.И. Беляева⁴¹⁸. Действительно, для концепции Беляева характерен не только взгляд на жалованные грамоты как на акты государственного управления, но и тезис о неразрывной связи между средневековым иммунитетом и позднейшим крепостным правом. Пресняков считал обоснование этого тезиса наиболее ценным результатом работы Веселовского⁴¹⁹. Однако, во-первых, рассматриваемый тезис – не исключительное изобретение Беляева. Он был уже у Сергеевича, на которого Веселовский опирался в первую очередь, затем его приняли Дьяконов, Покровский, Ольминский. Да и Павлов-Сильванский говорил о «сеньориальном режиме» XVI–XIX вв. Во-вторых, вполне сблизить концепции Беляева и Веселовского невозможно: они по-разному решали вопрос о происхождении феодального иммунитета. И, наконец, в-третьих, идейные источники концепции Веселовского были гораздо сложнее и гораздо современнее, чем это казалось самому Веселовскому, выступавшему под знаменами Сергеевича – Дьяконова, и его оппоненту Преснякову, ставившему автора в прямую зависимость от Беляева.

Веселовский испытал на себе влияние прежде всего современной ему советской историографии, в которой центральной фигурой был М. Н. Покровский. Разрушая концепцию самобытного происхождения иммунитета, Веселовский, как и Юшков, не выступал против теории существования феодализма в России, хотя, в отличие от Юшкова, не делал акцента на феодальной природе изучаемых явлений. Возрождение взглядов

Сергеевича в труде Веселовского имело целый ряд ограничений, и новые веяния сыграли в формировании его концепции весьма важную роль.

Критикуя Веселовского за формально-юридический подход к исследованию «вотчинного режима»⁴²⁰, Пресняков не внес, однако, ничего методологически нового в постановку этого вопроса. Вслед за Павловым-Сильванским он не видел в «феодализме» общественно-экономической формации. Поэтому он противопоставлял «феодализм» (до XVI в.) «крепостному режиму» (после XVI в.), а боярство – дворянству как различные «классы»⁴²¹. Подобно Веселовскому, Пресняков абстрагировался от внутренней структуры феодальной собственности на землю, из-за чего он и не смог выяснить подлинную природу иммунитета, идя в своей критике Веселовского на постоянные уступки его концепции.

Эта компромиссность позиции Преснякова видна даже в основном вопросе, разделявшем двух авторов, – в вопросе о происхождении иммунитета. С одной стороны, Пресняков отрицал княжеское пожалование в качестве источника иммунитета, с другой – он весьма непоследовательно связывал иммунитет с землевладением. Для него было «бесспорно» положение Веселовского, что «корни иммунитета имели не земельный, а личный характер»⁴²². По его мнению, «нельзя выводить из землевладения не только „предпосылок иммунитета“ в отношениях подсудности, но также повинностей хозяйственного характера, а вернее представлять себе дело так, что власть над трудовой силой была предпосылкой для

---

⁴¹⁸ Пресняков А.Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость // ЛЗАК. Л., 1927. Вып. 34. С. 175–176.

⁴¹⁹ Там же. С. 180.

⁴²⁰ Там же. С. 186.

⁴²¹ Там же. С. 175–176, 188.

⁴²² Там же. С. 179.

организации как вотчинного, так и дворцового землевладения, с постепенным разграничением их прав и интересов»⁴²³.

Строго говоря, источник иммунитета Пресняков видел не в землевладении, а в рабовладении, холоповладении, но он правильно считал древнерусских холоповладельцев одновременно землевладельцами – и в этом единственное отличие его концепции происхождения иммунитета от соответствующих взглядов Веселовского. Натуральное, замкнутое рабовладельческо-землевладельческое хозяйство – это именно та структура, которая определяла, согласно Преснякову, возникновение иммунитета. И в этом построении Пресняков вполне следовал за Сыромятниковым и Покровским. Иммунитет на захваченных феодалами новых землях автор связывал с поселением на них опять-таки «несвободной челяди и полусвободных людей: закупов, изгоев, серебрянников, половников и т. п.». «Можно только с полным сочувствием повторить утверждение

С. Б. Веселовского, что „выводить право суда над свободными людьми из землевладения, из землевладельческих прав... нет никаких оснований», – писал Пресняков⁴²⁴.

Но такая постановка вопроса по существу оставляла место для княжеского пожалования как источника иммунитетных прав землевладельца в отношении «свободных людей», оказавшихся в орбите феодального землевладения: «...Разграничение, путем освобождения населения иммунитетных владений от ряда сборов и повинностей и от вмешательства в административное и хозяйственное властвование над ним, вело к превращению повинностей из княжеских в вотчинные и к закреплению вотчинной юрисдикции за счет княжеской»⁴²⁵. Вместе с тем сходные рассуждения Веселовского о разграничении тягла Пресняков расценивал как проявление старой теории выделения частных хозяйств из княжеского. У Преснякова, таким образом, акцент сделан на существовании частных хозяйств параллельно с княжеским и зарождении рабовладельческого земельного иммунитета независимо от княжеских пожалований, которые, однако, приобретали решающее значение по мере распространения иммунитета на прежде свободных людей.

Само «властвование» (значит, и публичную княжескую власть) Пресняков считал предпосылкой иммунитета в большей степени, чем землевладение. Это проистекало из невнимания автора к внутренней структуре феодального землевладения, неизбежно порождавшей иммунитет. Пресняков вслед за Павловым-Сильванским и Покровским представлял механизм феодальной экономики в виде простого «соединения крупного землевладения с мелким хозяйством». Это соединение, по словам автора, «вполне соответствовало основам феодального хозяйства, сводившегося, по существу, к сбору доходов с населения, подвластного вотчинной власти»⁴²⁶.

Игнорируя, как и Веселовский, проблему монастырского иммунитета, Пресняков не дал универсального объяснения независимости иммунитета от пожалований. Практически он хотел лишь показать, что соединение с землей власти светских вотчинников над несвободными людьми существовало до пожалования и не возникало благодаря пожалованию. Пресняков углубил аргументацию Веселовского, доказывавшего наличие корней иммунитета в рабовладельческой власти. Саму организацию феодального землевладения Пресняков выводил из владения несвободными людьми, дополненного пожалованием привилегий в отношении свободных.

---

⁴²³ Там же. С. 185–186.

⁴²⁴ Там же. С. 180.

⁴²⁵ Там же. С. 186.

⁴²⁶ Там же. С. 187.

Это весьма условное разделение зависимых людей на «несвободных» и «свободных» было пережитком старого юридического мышления и не соответствовало специфике социальных отношений при феодализме⁴²⁷.

Подводя итоги развития ранней советской историографии иммунитета (1917–1927 гг.), следует подчеркнуть в ней тенденции неуклонного отхода от концепции Павлова-Сильванского, видевшего зарождение иммунитета в освобождении боярской усадьбы от уз сельской общины, и переход на точку зрения Покровского, отождествлявшего корни иммунитета с властью «старых родителей» и холоповладельцев. Эта тенденция достигла апогея в работах Веселовского и Преснякова. Одновременно пересматривалась вся дореволюционная теория иммунитета как власти над свободным крестьянством (до конца XVI в.) и утверждалось представление, что в истоках своих иммунитет есть власть над несвободным населением.

Это был путь к иной концепции феодализма, чем та, которая сложилась в трудах Павлова-Сильванского. Вместо схемы политического феодализма возникали очертания теории, ставящей во главу угла экономические, частнособственнические отношения.

Преодоление взглядов Павлова-Сильванского имело свои издержки: к концу изучаемого периода возродилась концепция пожалованного иммунитета. Это объясняется тем, что рабовладельческая теория происхождения иммунитета не давала вполне удовлетворительного истолкования того разделения публичноправовых функций между государством и частными феодалами, которое засвидетельствовано в источниках.

Но если в отношении проблемы происхождения иммунитета возникали разногласия, то вопрос о дальнейшей его судьбе – конечном переходе в крепостное право – решался довольно единодушно.

Таким образом, советская историография феодального иммунитета в России уже в первом десятилетии своего развития сделала заметные шаги в сторону марксизма, хотя она еще не овладела теорией земельной ренты. Влияние ленинизма нашло свое выражение в постепенном отходе от концепции «политического феодализма», от представления об иммунитете как чисто государственной власти сеньора над лично свободными людьми, в распространении мнения о несвободе подвластных иммунитету людей, в понимании классовой природы иммунитета и классовой сущности иммунитетной политики, в углублении тезиса о переходе иммунитета в крепостное право. Вместе с тем в это время в историографии еще вполне ощущался груз старых концепций иммунитета. Неумение связать иммунитет с землевладением при помощи теории феодальной земельной ренты определило преувеличение роли рабовладельческих и патриархальных отношений в появлении иммунитета, возрождение отвергнутого взгляда на пожалование как источник иммунитета.

В 20-х годах XX в. активная разработка концепций иммунитета не сочеталась с достаточно активной публикацией источников по его истории. Главными достижениями актов археографии в это время явились два тома «Сборника грамот коллегии экономии», подготовленного к печати учениками А. С. Лаппо-Данилевского по особым правилам, и «Памятники социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», изданные под редакцией С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. В первом из этих изданий были опубликованы грамоты, в том числе и жалованные, касавшиеся земель Двинского и Важского уездов⁴²⁸. Во втором издании первую часть, подготовленную С. Б. Веселовским, составили жалованные грамоты XIV–XV вв., выданные Троице-Сергиеву монастырю⁴²⁹. Это была довольно компактная под-

---

⁴²⁷ Характеристику отношения Преснякова к проблеме феодального иммунитета см. также: *Черепнин Л. В.* Указ. соч. Ч. II. С. юб; *Он же.* Об исторических взглядах А.Е. Преснякова // *ИЗ. М.*, 1950. Т. 33. С. 228–230.

⁴²⁸ Сборник грамот коллегии экономии. Пг., 1922. Т. I; Л., 1929. Т. II.

⁴²⁹ Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. / под ред. С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. М., 1929. Т. I, ч. 1: Жалованные и указные грамоты XIV–XV вв. С. 1–182.

борка, включавшая в себя практически все известные в то время жалованные грамоты Троице до начала XVI в.

В 20-х годах XX в. усилилось внимание российской историографии к вопросам истории предпринимательства и торговли, что нашло отражение в актовой археографии и источниковедении. В монографии А. А. Введенского о торговом доме Строгановых в XIV–XVII вв. вводились в научный оборот дотоле неизвестные документальные материалы их архива⁴³⁰. П.П. Смирнов опубликовал жалованную грамоту 1648 г. Кадашевской и Хамовной слободам и показал историю создания ее текста⁴³¹.

Первая половина 30-х годов XX в. не отмечена какими-либо значительными публикациями источников или исследованиями по истории иммунитета. Появившиеся в 1934 г. «Замечания» Сталина, Жданова и Кирова на конспект учебника по истории СССР переориентировали советскую историческую науку от социологии к конкретной истории⁴³². Это стимулировало развитие источниковедения и, в том числе, дальнейшее изучение и публикацию жалованных грамот.

В 1936 г. вышла в свет большая статья Б. Н. Тихомирова об иммунитете на Руси⁴³³. Автор привлек к исследованию значительное число опубликованных грамот XII–XVI вв. и даже ввел в научный оборот некоторые неизданные жалованные грамоты XV–XVI вв. из фонда «Грамот коллегии экономии»⁴³⁴. Вместе с тем метод изучения источников, которым пользовался Б. Н. Тихомиров, носил ярко выраженный иллюстративный характер. Каждое свое положение автор подкреплял тем или иным количеством примеров, не занимаясь при этом вопросом о происхождении цитируемого источника и его текстологией.

Начав статью с поддержки мнения Маурера «о древней свободе барского двора от въезда государственных властей и судов» как следствии «выхода из марки»⁴³⁵, Б. Н. Тихомиров рассматривает далее иммунитет как «продукт разложения патриархальных домашних общин» (больших семей)⁴³⁶. Источником иммунитета оказывается у него власть бывшего главы большой семьи: «...Огнищане и бояре, опираясь на свои дружины, сохранили за собой право суда и дани, узурпированное ими у огнищ в процессе формирования феодального землевладения»⁴³⁷. Но соответствует ли «большая семья» понятию «марка»? Не возвратился ли Б.Н. Тихомиров просто-напросто к идее М. Н. Покровского о том, что вотчинное право «было пережитком патриархального права»⁴³⁸, которое в трудах Б. И. Сыромятникова, С. Б. Веселовского и А.Е. Преснякова сближалось с правом рабовладельца. В этом плане показательна сочувственная ссылка Б.Н. Тихомирова на Зелигера, усматривавшего «процесс развития иммунитета в расширении юрисдикции господина и в перенесении ее с рабов и несвободных на свободное население вотчины»⁴³⁹. Автор отмечает наличие аналогичной идеи и у Допша⁴⁴⁰.

⁴³⁰ Введенский А. А. Торговый дом XVI–XVII веков. Л., 1924; ср. 2-е изд.: Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962.

⁴³¹ Смирнов П. Московские ткачи XVII в. и их привилегии. Ташкент, 1928.

⁴³² Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории. [М.], 1938.

⁴³³ Тихомиров Б. Н. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси. С. 3–25.

⁴³⁴ Там же. С. 21, 24, 25.

⁴³⁵ Там же. С. 3.

⁴³⁶ Там же. С. 18–19.

⁴³⁷ Там же. С. 19.

⁴³⁸ Ср.: Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. М., 1915. Ч. I. С. 256; Ср. С. 20.

⁴³⁹ Тихомиров Б. Н. Указ. соч. С. 3. Автор не дает никакой ссылки на труды Г. Зелигера. Возможно, имеется в виду следующая работа: Seeliger G. Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im frühen Mittelalter: Untersuchungen über Hofrecht, Immunität und Landleihen. Leipzig, 1903 (Abhandlungen der philol.-histor. Klasse der kgl. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften; Bd. 1, Hf. 1).

Как и Покровский, Б.Н. Тихомиров употребляет понятие «внеэкономическое принуждение», характеризуя процесс установления власти и юрисдикции вотчинника над крестьянами⁴⁴¹, но он не раскрывает суть внеэкономического принуждения как части механизма, обеспечивающего получение ренты.

Б.Н. Тихомиров считает возможным «утверждать, что иммунитет крупной боярской и монастырской вотчины был в древней Руси XII в. налицо»⁴⁴². Вместе с тем от XII в. дошли всего две иммунитетные грамоты монастырям, а иммунитетные грамоты светским землевладельцам известны лишь с XIV в. Всю историю иммунитета на Руси в XII–XVI вв. Б. Н. Тихомиров рассматривает как процесс постепенного ограничения его объема. Однако надо заметить, что ход ограничения иммунитета не был однолинейным. Кроме того, автор ничего не говорит о результатах этого процесса. Он не утверждает, что иммунитет был полностью ликвидирован, но идея Веселовского о превращении иммунитета в сословное право землевладельцев у него тоже не звучит.

Одновременно со статьей Б. Н. Тихомирова, в 1936 г., вышла в свет книга С. Б. Веселовского о сельском расселении в Северо-Восточной Руси в XIV–XVI вв. Как и С. В. Юшков, Веселовский не разделял теорию Маурера о выделении господского двора из сельской общины и взгляды Маркса по этому вопросу считал ошибочными. Источник феодального иммунитета Веселовский по-прежнему видел в княжеских пожалованиях⁴⁴³.

В 1939 г. появилась монография С. В. Юшкова, который попытался сформулировать марксистское понимание иммунитета⁴⁴⁴. Возникновение иммунитета, по Юшкову, «есть следствие возникновения феодальной ренты, ее юридическое выражение»⁴⁴⁵. Указывая на непосредственную связь феодального иммунитета с феодальной рентой, Юшков признавал тем самым основой иммунитета феодальную форму земельной собственности, ибо ею обусловливалось получение ренты. Однако Юшков не всегда выводил «право суда и право эксплуатации» из поземельной зависимости крестьянина от феодала. Источник этого права он видел также в полной собственности господина на холопа, закупа и др. (ср. точки зрения С. Б. Веселовского и А. Е. Преснякова).

По Юшкову, иммунитет существовал уже при патриархальном рабстве: «Это право (т. е. право суда и взимания дани с холопов. – С. К.) было предоставлено крупному землевладельцу. Полный холоп был в еще большей степени объектом прав до развития процесса феодализации. Но и в этот период неограниченным судьей холопа становится господин»⁴⁴⁶.

Юшков несколько переоценивал значение жалованных грамот на территории, полученные феодалами от князя и населенные волостными крестьянами. Простое установление права собственности не могло, по мнению Юшкова, в этом случае «удовлетворить» феодала и «обеспечить его права» (иммунитет), так как последние стали бы оспариваться княжеским агентом, к которому раньше крестьяне «тянули» судом и данью, и самим крестьянством, сознававшим, что «передача его под власть боярина или дружинника означает усиление его эксплуатации»⁴⁴⁷. Юшков в этом вопросе находился в значительной мере под влиянием Преснякова. Нельзя принять также определение иммунитета, предложенное Юшковым, – «юридическое выражение ренты», т. е. другими словами: санкция вотчинной власти феодала

---

⁴⁴⁰ Тихомиров Б. Н. Указ. соч. С. 4 и примеч. 1.

⁴⁴¹ Там же. С. 17.

⁴⁴² Там же. С. 24.

⁴⁴³ Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 37–55.

⁴⁴⁴ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.

⁴⁴⁵ Юшков С. В. История государства и права. М., 1940. Ч. I. С. 79.

⁴⁴⁶ Там же. С. 80.

⁴⁴⁷ Там же. С. 81.

со стороны публичной власти. Следуя этому определению, Юшков так изображал «установление» иммунитета: «Иммунитет первоначально устанавливался подтверждением, что владельцу передаются дань, виры, продажи...»⁴⁴⁸; «иммунитет оформляет и вместе с тем обеспечивает феодальную эксплуатацию...»⁴⁴⁹.

Юшков предлагал, таким образом, различать вотчинную власть феодала и иммунитет как признание, санкцию ее князем. Вместе с тем вотчинная власть феодала – атрибут феодальной собственности на землю.

В конце 30-х годов М. Н. Тихомировым был поставлен принципиально важный и новый вопрос о возможности изучения иммунитета не только по жалованным грамотам, но и по источникам внутривотчинного происхождения. М.Н. Тихомиров обнаружил уникальный памятник вотчинного управления середины XVI в. – книгу ключей Иосифо-Волоколамского монастыря. В статье, посвященной этому крупному духовному феодалу XVI в., М. Н. Тихомиров подчеркивал, что книга ключей позволяет выяснить, как монастырь пользовался своим иммунитетом на практике⁴⁵⁰. Следовательно, М.Н. Тихомиров коснулся наименее изученной стороны иммунитета – его практического функционирования в пределах сеньории. Тем самым создавались источниковедческие предпосылки для доказательства документальными данными правильности тезиса о независимом происхождении иммунитета от государственной власти, хотя М. Н. Тихомиров и не затронул вопрос о том, насколько независимо от жалованных грамот сложились порядки, зафиксированные в книге ключей.

И. И. Смирнов бегло коснулся теории феодального иммунитета, неправомерно поставив знак равенства между концепциями Неволлина – Павлова-Сильванского – Преснякова, с одной стороны, и марксистским пониманием иммунитета – с другой⁴⁵¹.

В конце 30-х годов советские историки начали на материале отдельно взятых жалованных грамот изучать конкретные политические мотивы их выдачи – работы И. И. Смирнова⁴⁵², Б. А. Романова⁴⁵³. Опыт этих исследований на расширенной базе источников был продолжен уже в послевоенный период Л. В. Черепниным.

Послевоенный период изучения жалованных грамот в советской историографии – время утверждения нового подхода к их публикации и исследованию. Советская археография послевоенных лет выработала подлинно научный метод отбора источников при публикации актов феодального землевладения и хозяйства. Для издания берутся все грамоты, отложившиеся в архиве той или иной корпорации за определенный промежуток времени, независимо от того, в каких фондах и коллекциях они хранятся в настоящий момент. Таким образом, исследователь получает весь комплекс сохранившихся грамот данной корпорации (конечно, в известных хронологических рамках). Иллюстративность в подобных публикациях почти сведена к нулю. Новый тип публикаций⁴⁵⁴ открывает широкие перспективы для изучения жалованных грамот в связи с другими актами, что необходимо при решении целого ряда проблем и прежде всего вопроса о том, насколько покрывалось феодальное землевладение жалованными грамотами, каковы были промежутки времени между приобретением земли и выдачей на нее иммунитетной грамоты, и др.

⁴⁴⁸ Там же.

⁴⁴⁹ Там же. С. 79.

⁴⁵⁰ Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI в. // ИЗ. 1938. Т. 3. С. 154.

⁴⁵¹ Смирнов И. Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого // Исторический архив. М.; Л., 1939. Т. II. С. 51.

⁴⁵² Там же. С. 51–55.

⁴⁵³ Романов Б. А. Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича рязанскому Ольгову монастырю // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Вып. 3. С. 205–224.

⁴⁵⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. I; 1958. Т. II; 1964. Т. III; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. М., 1951. Ч. I; 1956. Ч. II; 1961. Ч. III.

Острая постановка теоретических вопросов, касающихся иммунитета, была связана в рассматриваемый период с необходимостью завершить создание марксистской концепции иммунитета. Повторение

С. Б. Веселовским в 1947 г. его старой концепции иммунитета⁴⁵⁵ вызвало критику со стороны И. И. Смирнова, который доказывал несостоятельность теории происхождения иммунитета, развиваемой в книге Веселовского⁴⁵⁶. Одновременно И. И. Смирнов аргументировал свой взгляд на основные вопросы истории иммунитета. Исходя из замечания К. Маркса о верховной власти феодала в военном деле и суде как атрибуте земельной собственности, он указал, что материальной основой, «реальной базой иммунитета являлась крупная феодальная земельная собственность»⁴⁵⁷. Однако у К. Маркса ничего не сказано о том, атрибутом какой феодальной земельной собственности был иммунитет – крупной или мелкой. Еще Н.П. Павлов-Сильванский и С. В. Юшков всячески подчеркивали обусловленность иммунитета крупными размерами феодальных сеньорий.

Но принять данный тезис значит отказаться от рассмотрения иммунитета как атрибута феодальной собственности на землю и видеть его корни в политическом значении того или иного феодала. И. И. Смирнов отвлекся, таким образом, от производственных отношений феодализма и перенес свое внимание в область политики и государственного строя. Называя иммунитет «одним из существенных элементов феодального государства»⁴⁵⁸, автор склоняется к пониманию иммунитета как способа государственного управления, по крайней мере, в вопросе о помещичьем иммунитете, «причина которого была совсем иной, чем старые иммунитеты, обладателями которых являлись бояре-вотчинники»⁴⁵⁹. И. И. Смирнов подразумевает под иммунитетом «изъятие феодалов-землевладельцев из круга ведения органов центральной власти и сосредоточение в руках феодалов права суда и управления по отношению к населению своих владений»⁴⁶⁰. Далее автор указывает, что иммунитет мелких и средних землевладельцев стал устанавливаться только в XV–XVI вв., до этого у них не было иммунитетных прав⁴⁶¹. Таким образом, по мнению И. И. Смирнова, существовало феодальное землевладение без феодального иммунитета, т. е., если исходить из определения иммунитета самим И. И. Смирновым, феодал не имел судебной-административной власти в отношении населения своего владения. И. И. Смирнов вполне солидарен, следовательно, с Веселовским в вопросе о происхождении помещичьего иммунитета.

Точку зрения, допускающую возможность существования феодального землевладения при отсутствии иммунитета, высказывает автор и рассматривая вопрос об ограничении привилегий крупных феодалов. Он целиком присоединяется к мнению Неволлина относительно борьбы феодального государства за постепенное уничтожение иммунитета⁴⁶². И. И. Смирнов утверждает, что феодальный иммунитет неразрывно связан только с одним этапом в истории феодализма – с феодальной раздробленностью⁴⁶³. «Рост княжеской (королевской) власти и развитие централизованного государства на основе ликвидации феодальной раздробленности закономерно приводят к ликвидации иммунитета», – говорит он⁴⁶⁴.

---

⁴⁵⁵ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947. С. 110–145.

⁴⁵⁶ Смирнов И. С позиций буржуазной историографии // ВИ. 1948, № ю. С. 113–124.

⁴⁵⁷ Смирнов И. И. Судебник 1550 г. // ИЗ. М., 1947. Т. 24. С. 296.

⁴⁵⁸ Там же. Ср. с. 297.

⁴⁵⁹ Там же. С. 300.

⁴⁶⁰ Там же. С. 296.

⁴⁶¹ Там же. С. 300–301.

⁴⁶² Там же. С. 297.

⁴⁶³ Смирнов И. С позиций буржуазной историографии. С. 122.

⁴⁶⁴ Там же. С. 123.

Таким образом, И. И. Смирнов не дал принципиальной критики работы Веселовского. Упрекая последнего в подходе к иммунитету «с позиций буржуазной историографии», И. И. Смирнов на деле только противопоставил одному направлению в буржуазной историографии (Сергеевич – Дьяконов – Веселовский) другое (Неволин – Павлов-Сильванский – Пресняков). Между тем еще Пресняков гораздо объективнее подошел к работе Веселовского и рассмотрел самое ценное в ней – доказательство неразрывной связи между иммунитетом и позднейшим крепостным правом. Более того, Пресняков привел дополнительные данные, подкрепляющие вывод Веселовского об унификации (а не отмене) светского иммунитета в середине XVI в. И. И. Смирнов последовал за Пресняковым только в наименее убедительной части его построений. Тезис И. И. Смирнова об уничтожении иммунитета централизованным государством, резкое противопоставление боярского и помещичьего иммунитета как имеющих якобы различную природу – все это является по существу прямым выводом из пресняковского (да и не только его) противопоставления «феодализма» «крепостному режиму», боярства – дворянству⁴⁶⁵.

Высказываясь против теории происхождения иммунитета, развивавшейся Веселовским, И. И. Смирнов, однако, шел на компромисс с ней в вопросе о возникновении иммунитета мелких и средних землевладельцев, так как допускал государственное происхождение иммунитета. Зачеркивая положительный вклад Веселовского в разработку истории позднего иммунитета, И. И. Смирнов оказался последовательнее Преснякова и встал на точку зрения Неволина, целиком государственническую в данном вопросе.

Большой вклад в изучение феодального иммунитета внес Л. В. Черепнин. В его монографии «Русские феодальные архивы XIV–XV вв.» жалованным грамотам посвящена специальная глава⁴⁶⁶. Исследование Л. В. Черепнина интересно как в части конкретного анализа жалованных грамот, так и в теоретической части, где автор объясняет общие основы и природу иммунитетных привилегий феодалов. Не возражая против формулировок С. В. Юшкова и И. И. Смирнова, Л. В. Черепнин дает свое, гораздо более глубокое определение иммунитета. Под последним он подразумевает «отношения господства и подчинения в феодальной деревне»⁴⁶⁷. Это положение Л. В. Черепнина, на наш взгляд, совершенно правильно, хотя и не совсем точно, ибо феодальный иммунитет имел место не только в деревне, но и в городе. Конкретный анализ жалованных грамот, проведенный в работе Л. В. Черепнина, – важное событие в нашей историографии, значение которого нельзя недооценивать.

Л. В. Черепнин впервые на деле отказался от отвлеченно-юридического исследования массового материала жалованных грамот и дал картину исторического развития иммунитетной политики русских феодальных правительств. Такой план позволил Л. В. Черепнину ярко, с присущими ему блеском и талантом, раскрыть интереснейшие моменты политической истории Русского государства. Серьезное научное значение имеет содержащийся в работе Л. В. Черепнина показ динамики социально-экономического развития страны. Менее удалось автору проследить историю финансовой системы. Л. В. Черепнин изучал жалованные грамоты XII–XV вв. В исследованиях автора настоящей работы была сделана попытка использовать опыт работы Л. В. Черепнина при анализе жалованных и указных грамот XVI в.

⁴⁶⁵ И. И. Смирнов сам признает свою солидарность именно с этими рассуждениями Преснякова, «если устранить из них ошибочное противопоставление „феодального хозяйства“ „крепостному хозяйству“, а также неправильную терминологию (дворянство – „новый общественный класс“»)» (*Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30-50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 340). Однако такое устранение вовсе не есть дело терминологии, оно привело бы к радикальному изменению концепции.

⁴⁶⁶ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. II. С. 97–225.

⁴⁶⁷ Там же. С. 109.

История феодального иммунитета в XVI в. стала темой моей дипломной работы, написанной под руководством А. А. Зимина и защищенной в Историко-архивном институте в апреле 1954 г.⁴⁶⁸. Основным источником исследования были жалованные и указные грамоты, собранные в архивах, библиотеках и музеях. По ним изучался ход иммунитетской политики с начала XVI в. до времени опричнины. Во втором томе работы давался перечень этих документов за 1505–1584 гг. Он включал в себя тогда 783 номера⁴⁶⁹. В одной из глав основной части автор анализировал книгу ключей Иосифо-Волоколамского монастыря как источник по истории феодального иммунитета⁴⁷⁰. Было показано, что монастырские приказчики собирали судебные и свадебные пошлины с крестьян даже в тех селах, на которые еще не имелось соответствующей жалованной грамоты⁴⁷¹.

В 1956 г. вышел в свет IV выпуск «Памятников русского права». Там, во введении и историко-правовом обзоре к разделу «Жалованные и указные грамоты», мне представилась возможность кратко изложить результаты своих наблюдений относительно эволюции податного и судебного иммунитета в разные периоды внутренней политики XVI в.⁴⁷². В 1958 г. новый вариант работы о жалованных и указных грамотах первой половины XVI в. был представлен мною к защите в качестве кандидатской диссертации⁴⁷³. Отдельные части этого исследования печатались начиная с 1956 г.⁴⁷⁴, но работа в целом увидела свет лишь в 1967 г., причем большой раздел об иммунитетной политике конца XV – начала XVI в. был написан заново⁴⁷⁵.

Продолжая заниматься изучением и поиском жалованных грамот XVI в., я сосредоточил внимание на их текстологии. Мною было установлено несколько редакций тарханых формуляров первой половины XVI в. и рассмотрен вопрос о достоверности нарративной части грамот второй половины XVI в. Эти исследования составили основное содержание докторской диссертации, защищенной в 1968 г.⁴⁷⁶ Вскоре она была издана, причем в нее вошел большой новый раздел, посвященный актовой кодикологии⁴⁷⁷. История иммунитета

⁴⁶⁸ Каштанов С. М. Очерки по истории феодального иммунитета в период укрепления Русского централизованного государства XVI века / научный руководитель А. А. Зимин. М., 1954. [Т. I]. 521 с.; [Т. II]. 309 с. (машинопись).

⁴⁶⁹ Там же. [Т. II]. С. 1–232. В дополненном и доработанном виде перечень был позднее издан: Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. [Ч. I] // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 302–376; То же. Ч. II // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 129–200; Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. То же. Ч. III // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 197–253.

⁴⁷⁰ Каштанов С. М. Очерки по истории феодального иммунитета... [Т. I]. С. 207–235; 250–270 (таблицы и примечания к ним).

⁴⁷¹ Там же. С. 234–235; ср.: Каштанов С. М. К проблеме происхождения феодального иммунитета // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. 1959. № 4. С. юб–121, особенно с. 120.

⁴⁷² ПРП. М., 1956. Вып. IV. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. С. 99–170 (далее – ПРП. Вып. IV).

⁴⁷³ Каштанов С. М. Жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI в. / научный руководитель А. А. Зимин. М., 1958. [Т. I]. С. 1–314; [Т. II]. С. 315–704 (машинопись).

⁴⁷⁴ Каштанов С. М. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот // Исторический архив. 1956. № 3. С. 211–217; *Он же*. Из истории последних уделов // Тр. МГИАИ. М., 1957. Т. 10. С. 257–302; *Он же*. Ограничение феодального иммунитета правительством Русского централизованного государства в 1-й трети XVI в. // Тр. МГИАИ. М., 1957. Т. 11. С. 269–296; *Он же*. Иммунитетные грамоты 1534 – начала 1538 г. как источник по истории внутренней политики в период регентства Елены Глинской // Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып. VIII. С. 372–420; *Он же*. Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538–1548) // Изв. М., 1960. Т. 66. С. 239–268; *Он же*. Монастырский иммунитет в Дмитровском уделе // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. ст. к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 25–29; *Он же*. Состав иммунитетных грамот первой половины XVI в. // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 98–110.

⁴⁷⁵ Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. 392 с.

⁴⁷⁶ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики: Дисс... д.и.н. М., 1968. 634 с. (машинопись).

⁴⁷⁷ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970; см. также: *Он же*. К вопросу об отмене тарханов в 1575/76 г. // Исторические записки. М., 1965. Т. 77. С. 209–235; *Он же*. Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины (соотношение текстов) // Зап. отдела рукописей ГБЛ. М., 1966. Вып. 28. С. 96–142.

второй половины царствования Ивана Грозного (1549–1584 гг.) получила освещение в ряде моих статей⁴⁷⁸ и позднее в монографии о финансах средневековой Руси⁴⁷⁹.

Сформулированные нами теоретические положения и примененный метод изучения грамот вызвали критическое к себе отношение со стороны И. И. Смирнова и Н. Е. Носова, причем И. И. Смирнов коснулся вопросов теории иммунитета, а Н. Е. Носов главным образом метода исследования источников. Уже в «Памятниках русского права» (1956 г.) я высказал мысль, что феодальный иммунитет, как бы его ни ограничивали, не может быть ликвидирован до падения всего феодального строя в целом, ибо он является синтезом экономической и политической власти феодала⁴⁸⁰. И. И. Смирнов считал такое понимание иммунитета ошибочным⁴⁸¹. В соответствии с посылками А. Е. Преснякова и своей собственной концепцией он противопоставляет иммунитет более позднему вотчинному суду, ссылаясь при этом на мнение Неволлина о том, что право вотчинного суда в раннюю эпоху в корне отличалось от права суда позднейших «владельцев населенных имений», являвшихся «естественными судьями своих крепостных». Декларация «естественных» прав земельных собственников в отношении крестьян сама по себе едва ли может считаться сколько-нибудь аргументированным доказательством правомерности того противопоставления, к которому прибег Неволлин. Между тем И. И. Смирнов целиком и полностью подписывается под этим заявлением Неволлина⁴⁸². Но верно ли оно по существу?

Мысль Неволлина строится на противопоставлении вотчинных крестьян периода феодальной раздробленности как свободных крестьянам эпохи централизованного государства как крепостным. Выходит, что население феодальных вотчин до создания централизованного государства было свободным. Но К. Маркс в III томе «Капитала» указывал: «Во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается „владельцем“ средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель – как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»⁴⁸³. В таком же смысле говорит В. И. Ленин относительно «давности кнута»⁴⁸⁴ в русском феодальном государстве: «Этот кнут имеет тысячелетнюю историю»⁴⁸⁵.

⁴⁷⁸ Каштанов С. М. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Тр. МГИАИ. М., 1961. Т. 16. С. 427–462; *Он же*. К изучению опричнины Ивана Грозного // ИСССР. 1963. № 2. С. 96–117; *Он же*. Грамоты Московского Симонова монастыря как источник для изучения вопроса об отмене тарханов в 1575/76 гг. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвящ. 75-летию С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 499–503 (Тр. ЛОИИ; Вып. 7); *Он же*. Финансовая проблема в период проведения Иваном Грозным политики «судела» // ИЗ. М., 1968. Т. 82. С. 243–273; *Он же*. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в.: (По актовому материалу) // Из истории Татарии. Казань, 1970. Сб. 4. С. 164–203 (Уч. зап. КГПИ; Вып. 80); *Он же*. Рост государственных повинностей во второй половине XVI в. // Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвящ. 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 291–295; *Он же*. Финансовая политика периода опричнины // Россия на путях централизации: Сб. статей. М., 1982. С. 77–89; *Он же*. Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в. // ИСССР. 1985. № 4. С. 118–136; *Он же*. Отмена тарханов в России в середине XVI в. // ИСССР. 1986. С. 40–60; Kаштанов S. M. Die Gerichts- und Finanzpolitik zu Beginn der Regierung des «Auserwählten Rates» (Izbrannaja Rada) // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Wiesbaden, 1986. Bd. 38. 5. S. 185–204.

⁴⁷⁹ Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.

⁴⁸⁰ ПРП. Вып. IV. С. 104.

⁴⁸¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30-50-х годов XVI века. С. 351–352.

⁴⁸² Там же. С. 350–351.

⁴⁸³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 353.

⁴⁸⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 13. С. 403.

⁴⁸⁵ Там же. С. 401.

Присоединение к заявлению Невolina по существу втянуло схему И. И. Смирнова в то русло, из которого автор хочет выйти всякий раз, когда заходит речь об иммунитете. А именно: цитата из Невolina связала иммунитет с крестьянским вопросом более прочно, чем этого хотел И. И. Смирнов, предпочитающий рассматривать иммунитет только в плане истории государственного управления. К пониманию неизбежности разбора крестьянского вопроса и проблемы иммунитета в тесной взаимосвязи приходили уже очень многие историки, в том числе К. А. Невolin, К. С. Аксаков, В. И. Сергеевич, Н. Ланге, В. Панков, П. И. Беляев, С. Б. Веселовский, А. Е. Пресняков и др.

В советской историографии укоренилось определение феодального иммунитета как способа внеэкономического принуждения. Определение И. И. Смирновым феодального иммунитета как «изъятия феодалов-землевладельцев из круга ведения органов центральной власти и сосредоточения в руках феодалов права суда и управления по отношению к населению своих владений» возвращало нас к старому, юридическому пониманию иммунитета. И. И. Смирнов видит в иммунитете форму разделения политической власти между членами господствующего класса⁴⁸⁶. Остановившись на этом определении, посмотрим сначала, в каком соответствии находится оно с теорией уничтожения иммунитета, развиваемой И. И. Смирновым.

Начнем с того, что И. И. Смирнов считает иммунитетом не только полное изъятие феодальных владений из ведения правительства, но и неполное, приводившее к более зависимому положению феодалов от правительства. И. И. Смирнов признает такое понятие, как «ограничение иммунитета»⁴⁸⁷. Но где же грань между ограничением и уничтожением иммунитета? «Внешнее выражение» уничтожения иммунитета, по И. И. Смирнову, – это прекращение выдачи несудимых грамот светским землевладельцам к середине XVI в.⁴⁸⁸. Однако чем доказывает И. И. Смирнов факт действительного уничтожения иммунитета? По существу ничем. Автор пытается только установить разницу между судебным иммунитетом и позднейшим вотчинным судом: «Принципиальное различие здесь заключалось в том, что в эпоху господства иммунитета право имуниста судить своих людей противостояло праву суда государственного. По тем делам, которые судил своим судом землевладелец, органы центральной власти судить не имели права. Если же мы возьмем вотчинный суд землевладельцев, например в XVII в., хотя бы по изображению у Котошихина, то здесь вотчинный суд землевладельцев является простым продолжением и дополнением суда государственного, не противостоит ему, а сочетается с ним, дополняет его, разрешая те дела, которые не доходят до государственного суда, т. е. наименее важные, самые мелкие правонарушения. Поэтому вотчинный суд землевладельцев XVII в. не может быть подведен под категорию иммунитета, хотя материальная его основа та же, что и у иммунитета – феодальная земельная собственность»⁴⁸⁹.

Высказывание И. И. Смирнова очень неконкретно. Ставя вопрос таким образом, следовало бы точно указать, какие именно судебные права автор считает иммунитетными, а какие просто вотчинными. Почему, например, изъятие из феодального суда права разбора тяжб о душегубстве, разбое, татьбе с поличным в XV – начале XVI в. И. И. Смирнов подводит под понятие «ограничения» иммунитета⁴⁹⁰, а в изъятии этих же дел из вотчинного суда феодалов второй половины XVI–XVII в. он видит уничтожение или «упразднение» имму-

---

⁴⁸⁶ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 337–348.

⁴⁸⁷ Там же. С. 338, 347.

⁴⁸⁸ Там же. С. 347.

⁴⁸⁹ Там же. С. 351.

⁴⁹⁰ Там же. С. 338.

нитета? В чем здесь принципиальная разница? В обоих случаях можно говорить или о том, что вотчинный суд дополняет государственный или что он противостоит ему.

Сама мысль о противопоставлении и дополнении не содержит в себе сколько-нибудь убедительного критерия для дифференциации этих понятий и исходит не из сравнения ограниченного «иммунитета» XV–XVI вв. с «вотчинным судом» XVII в., а из сравнения полного иммунитета XII–XIV вв. с положением иммунитета в более поздний период. При конкретной постановке вопроса ясно, что суть дела сводится лишь к степени ограничения иммунитета. И. И. Смирнов признает сохранение «политической власти землевладельцев по отношению к крестьянам» и после так называемого «упразднения иммунитета»⁴⁹¹. А сам И. И. Смирнов в своем определении иммунитета считает его политической властью феодалов по отношению к населению их владений. Таким образом, теория И. И. Смирнова об уничтожении иммунитета логически несовместима с его определением иммунитета. Автор должен либо указать, что под иммунитетом он имеет в виду не политическую власть феодала в пределах его владений в целом, а только какую-то часть этой власти, и строго конкретно определить комплекс прав, которые он считает иммунитетными, отделив их от других политических прав феодалов, неиммунитетных. Только тогда автор будет вправе поставить вопрос об уничтожении иммунитета. Если же И. И. Смирнов сохраняет свое общее определение иммунитета, то он не может говорить об уничтожении его в рамках феодальной формации, не впадая в противоречие со своим исходным определением.

Мы сейчас пытались показать неубедительность теории И. И. Смирнова с точки зрения ее внутренней логики. Теперь поставим вопрос, правильно ли определение иммунитета как института чисто политического? И. И. Смирнов стремится рассматривать иммунитет в качестве категории, характеризующей взаимоотношения только между феодалами и правительством, однако даже в своем определении иммунитета он вынужден упомянуть население феодальных владений, ибо на это население была обращена политическая власть феодала. И. И. Смирнов считает, что власть феодала возникла независимо от государства, а иммунитет – атрибут земельной собственности. Но разве сама земельная собственность, абстрактно взятая, непосредственно рождает политические атрибуты? Рабовладельческое и буржуазное землевладение лишено таких атрибутов. К. Маркс и В. И. Ленин показали, что при феодализме в силу специфики распределения «владения» и «собственности» земельному собственнику для получения ренты необходимо внеэкономическое принуждение. Из этого и выросла высшая власть феодалов в военном деле и суде. Для И. И. Смирнова очень важно строго отделить надстроечные явления от базисных. Иммунитет он считает явлением надстроечным, значит не может быть никакой речи о его отождествлении с внеэкономическим принуждением, которое относится И. И. Смирновым к категории базисных явлений⁴⁹². Все противоречия, возникающие на почве иммунитета, автор сводит к противоречиям между феодалами и государством, а не к противоречиям между производящим и эксплуатирующим классами в первую очередь.

К. Маркс последовательно проводил мысль об органическом переплетении базисных и надстроечных явлений в рамках феодального хозяйства. Он писал, что при феодализме «отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения...»⁴⁹³. Выражением «в то же время» Маркс показывает, что экономические отношения при феодализме проявляются не столько в своем чистом виде, сколько в политической форме. Поэтому здесь мы видим «непосредственное» отношение господства и порабощения.

---

⁴⁹¹ Там же. С. 350.

⁴⁹² Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 351–352, примеч. 68.

⁴⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, Ч. II. С. 353; ср. Т. 1. С. 128, 403.

Посмотрим теперь, можно ли отделить иммунитет как явление «надстроечное» от феодального базиса. Важнейший элемент иммунитета – обеспечение феодалов земельной рентой. В получении ренты проявляется экономическая власть феодалов, ибо «какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность»⁴⁹⁴. Таким образом, получение ренты – явление экономическое, а иммунитет прежде всего и предполагает получение ренты феодалом. Значит, иммунитет – органическая часть феодального базиса. Вместе с тем само получение ренты возможно лишь при наличии внеэкономического принуждения, которое также входит в состав иммунитета. Следовательно, уже податной иммунитет выражает синтез экономической и внеэкономической власти феодала в пределах его владения. Судебно-административный, военный и таможенный иммунитеты, вырастая на базе все той же борьбы за ренту и укрепление феодальной земельной собственности, являлись широкой формой внеэкономического принуждения, усиливавшей податной иммунитет феодалов. Но, может быть, рента – сама по себе, а податной иммунитет – сам по себе? Податной иммунитет – это просто освобождение от государственных налогов, а судебный – от правительственного суда? Так полагает И. И. Смирнов, считающий в то же время земельную собственность основой иммунитета.

Какова же роль земельной собственности в схеме И. И. Смирнова? Иммунитет – ее атрибут. Почему? Неясно: ведь И. И. Смирнов не считает, что именно внутренняя структура феодальной земельной собственности порождает иммунитет. Значит, остается толкование Неволлина, согласно которому «при слабой власти общественной сильный вотчинник в пределах своей земли был самовластным господином». Отсюда фактический отход И. И. Смирнова от рассмотрения иммунитета как атрибута феодальной формы земельной собственности вообще и попытка обусловить иммунитет только крупной феодальной собственностью. Лишь крупные собственники политически независимы, лишь у них и возникает иммунитет независимо от государственной власти – такова логика И. И. Смирнова. Говоря конкретнее, по И. И. Смирнову, иммунитетом пользовались «государи», самостоятельные собственники больших земель⁴⁹⁵, причем именно вследствие своего государственного положения, а не в связи с внутренними потребностями феодального

производства в пределах их владений. По существу это та же теория государственного происхождения иммунитета, исходящая только из предположения о разделении страны на множество мелких государств, внутри каждого из которых вследствие его политической независимости рождался иммунитет⁴⁹⁶. Тогда сами крупные феодалы предстают скорее в виде удельных князей или наместников, взимающих налоги и творящих суд, чем в виде земельных собственников, получающих феодальную ренту. Вот почему И. И. Смирнов с такой легкостью упраздняет их «иммунитет». Он по существу ликвидирует не иммунитетные привилегии феодалов-землевладельцев, а государственные права удельных князей. В таком случае надо действительно признать вслед за К. А. Невוליным и К. С. Аксаковым, что крестьяне во владениях этих иммунитетов были свободными. Если доводить дело до логического конца, из всего этого будет следовать, что в период расцвета иммунитета феодализма в России еще не было (ср. выводы В. И. Сергеевича).

⁴⁹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, Ч. II. С. 183.

⁴⁹⁵ «Существо процесса ликвидации феодальной раздробленности и образования централизованного государства заключалось в том, что политическая власть, поделенная во времена феодальной раздробленности между многочисленными большими и малыми „государями“ -феодалами, в процессе образования централизованного государства постепенно (и в острой борьбе) изымается из рук феодалов и сосредоточивается в руках великокняжеской власти и созданного ею централизованного государственного аппарата» // Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 348.

⁴⁹⁶ Именно к таким выводам ведет понимание феодальной сеньории в духе Н. П. Павлова-Сильванского – как государства в государстве.

Ничуть не противоречит такому пониманию схемы И. И. Смирнова его теория происхождения и отмены иммунитета средних и мелких вотчинников в XV–XVI вв. Источником их иммунитетных прав автор прямо считает государственные пожалования. При этом, по мнению И. И. Смирнова, «для служилых людей главную ценность жалованной грамоты представляло не столько предоставление права суда в отношении своих крестьян, сколько то, что жалованные грамоты изымали грамотчика из круга ведения наместников и волостелей»⁴⁹⁷, «из подвластного лица такой грамотчик превращался в своего рода контрагента наместников и волостелей, к которому перешла часть принадлежавших им ранее прав»⁴⁹⁸. Следовательно, И. И. Смирнов рассматривает этих иммунитетов опять-таки как орган государственного управления, как «контрагентов» наместников и волостелей. Отсюда естественный вывод о ликвидации иммунитетных или государственных прав контрагентов наместников в связи с ликвидацией самой системы наместничьего управления в середине XVI в.⁴⁹⁹

Итак, мы видим, что противопоставление, отделение друг от друга податного иммунитета и ренты возможно только в том случае, если отрицать феодальные отношения внутри иммунитетного владения. Тогда земельный собственник выступает в двух резко разграниченных ролях: государя, собирающего налоги со своих подданных, и частного лица, взимающего ренту со своих крестьян (свободных или несвободных?). Как государь он осуществляет право иммунитета, как частное лицо он пользуется вотчинным правом. При такой постановке вопроса, во-первых, отпадает всякая связь иммунитета с земельной собственностью, ибо с ней связано лишь вотчинное право (рента), во-вторых, все отношения приобретают искусственный характер. Между тем своеобразие феодальной власти заключалось в тесном сочетании в ней элементов публичного и частного права.

Попытки отделить податный иммунитет от ренты, судебный иммунитет от вотчинной юстиции неизбежно должны вести к отрицанию этой специфики феодализма. Уже В. И. Сергеевич, П. И. Беляев, С. Б. Веселовский и др. правильно подметили, что иммунитет фактически сросся с крепостным правом (непонятно, почему И. И. Смирнов пишет, что Сергеевич, как и Неволин, считал иммунитет уничтоженным в процессе создания централизованного государства)⁵⁰⁰.

И. И. Смирнов обосновывает необходимость уничтожения иммунитета фактом создания централизованного государства. Он считает, что раз государство централизованное, значит оно не может терпеть какой бы то ни было децентрализации суда и финансов, иммунитет несовместим с централизованным государством⁵⁰¹. Это положение не представляется убедительным ни теоретически, ни с точки зрения известных фактов о сохранении политической власти феодалов внутри их владений в XVI–XIX вв. В чем теоретическая слабость рассматриваемого положения И. И. Смирнова? В том, что автор говорит о централизации вообще, а не о феодальной централизации конкретно. Берется какая-то общая идея централизованного государства, хотя в феодальном государстве одна степень централизации, в буржуазном – другая. И. И. Смирнов считает феодальную централизацию полной и окончательной. Однако в том-то и особенность феодальной централизации, что она даже при абсолютизме не является полной, так как в силу феодальной структуры земельной собственности, в силу законов феодального способа производства помещик или вотчинник является не просто частным лицом, но лицом, наделенным политической властью по отношению к крестьянам его владения. Следовательно, так или иначе, политическая власть в отношении огромной массы

---

⁴⁹⁷ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 348.

⁴⁹⁸ Там же. С. 341.

⁴⁹⁹ Там же. С. 350.

⁵⁰⁰ Там же. С. 346.

⁵⁰¹ Там же. С. 348–350.

эксплуатируемого населения страны при феодализме разделена между государством и феодалами.

Что касается критического отношения к моим работам со стороны Н.Е. Носова, то оно было вызвано моей статьей (1959 г.) о местном управлении в первой половине XVI в.⁵⁰², где предлагалась несколько иная методика изучения источников по истории местного управления – жалованных и указных грамот, чем в книге Носова (1957 г.) на эту жетему⁵⁰³. В 1962 г. Н. Е. Носов опубликовал большую статью, в которой подверг критике как мое понимание феодального иммунитета, так и методику исследования жалованных грамот.

Усматривая противоречивость в нашем определении феодального иммунитета, Н. Е. Носов исходит, так же как и Смирнов, из предположения, что иммунитет обязательно должен относиться либо к базису, либо к надстройке (хотя, куда его поместить, не указывает)⁵⁰⁴. Выше была показана механистичность такой постановки вопроса. Но Н.Е. Носов идет дальше. Как, говорит он, может быть иммунитет предметом особой иммунитетной политики, если он представляет собой производственные отношения⁵⁰⁵? Ведь получается, что производственные отношения определяются субъективными, а не объективными факторами⁵⁰⁶. Во-первых, мы никогда не говорили о том, что иммунитет определяется иммунитетной политикой. Наоборот, мы подчеркивали зависимость содержания иммунитетных норм от уровня социально-экономического развития⁵⁰⁷. В специальной статье, посвященной книге ключей Иосифо-Волоколамского монастыря, нами выясняется взаимосвязь между реальным положением иммунитета и жалованными грамотами. Там документально доказывалось существование иммунитета независимо от грамот и говорится, что грамоты имели значение актов, изменяющих лишь объем иммунитета⁵⁰⁸. Во-вторых, отрицание Н.Е. Носовым возможности того, чтобы производственные отношения были предметом особой политики, несостоятельно по существу.

Н.Е. Носов видит в выдаче жалованных грамот только «правовое регулирование социально-экономических отношений феодального общества в рассматриваемый период, отношений, отнюдь не определяемых конъюнктурными моментами политической борьбы, а подчиненных общим закономерностям его развития, действующим, в конечном счете, независимо от воли людей, иначе говоря, стихийно»⁵⁰⁹. Н.Е. Носов подменяет здесь один тезис другим.

Вместо доказательства того, что грамоты выдавались не по политическим, а по юридическим причинам, автор становится в позу страстного защитника бесспорного тезиса об объективном характере развития социально-экономических отношений. Ссылаясь на объективность развития производительных сил и производственных отношений, Н. Е. Носов хочет доказать совсем иное: объективность (конкретнее – пассивность, безынициативность) политики князей, выдававших грамоты, их стихийное следование объективным закономерностям, по существу отсутствие политики, наличие только ответов на просьбы грамотчиков

---

⁵⁰² Каштанов С. М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // ИСССР. 1959. № 6. С. 134–148.

⁵⁰³ Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления в Русском государстве первой половины XVI в. М.; Л., 1957.

⁵⁰⁴ Носов Н.Е. «Новое» направление в актовом источниковедении // Проблемы источниковедения. М., 1962. Т. X. С. 283–286.

⁵⁰⁵ Там же. С. 285.

⁵⁰⁶ Там же. С. 285–286.

⁵⁰⁷ Каштанов С. М. Из истории последних уделов. С. 302; *Он же*. Ограничение феодального иммунитета. С. 287–288; *Он же*. Иммунитетные грамоты 1534 – начала 1538 года... С. 400, 404, 416; *Он же*. Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538–1548 гг.). С. 267–268; *Он же*. Отражение в жалованных и указных грамотах финансовой системы Русского государства первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1961. Т. 70. С. 253–254, 265–266 и др.

⁵⁰⁸ Каштанов С. М. К проблеме происхождения феодального иммунитета. С. 119–120.

⁵⁰⁹ Носов Н. Е. Указ. соч. С. 279.

(«правовое регулирование»). Это упрощение и искажение роли княжеской власти, прикрытое как будто экономическим подходом к анализу общественно-политических отношений, в источниковедческой части статьи Н. Е. Носова прикрывается последовательно проведенной тенденцией рассматривать изложенные в грамотах обстоятельства и поводы их пожалования в качестве истинных причин выдачи изучаемых документов. Не случайно в разборе каждой отдельно взятой грамоты автор останавливается на стадии интерпретации ее мотивировочной части⁵¹⁰, не давая ни внешней, ни внутренней критики источников. Опять-таки у автора произошла подмена одного тезиса другим: вместо вопроса о причинах выдачи грамот он рассматривает вопрос о поводах пожалований.

Наконец, невозможность изучать жалованные грамоты в качестве актов внутренней политики Н.Е. Носов связывает с неполнотой состава дошедших документов⁵¹¹. Этот вопрос, конечно, имеет прямое отношение к проблеме истолкования определенных комплексов дошедших грамот, но он не имеет никакого отношения к самому принципу рассмотрения жалованных грамот как политических актов. Даже если бы сохранилась всего одна княжеская жалованная грамота, ее следовало бы рассматривать как акт правительственного происхождения, правительственной политики, и только такой подход позволил бы выяснить, какие социально-экономические факторы и внутривластные соображения обусловили ее появление.

Таким образом, и здесь Н.Е. Носов подменяет один тезис другим: неполитическое происхождение грамот доказывается их неполной сохранностью (тезис, который в других аспектах Н.Е. Носов применяет более уместно). Нельзя согласиться с противопоставлением, так сказать, «большой политики» «мелкому» «будничному» «регулированию социально-экономических отношений»⁵¹². В этом «мелком» «регулировании» проявлялась политика, может быть, более крупная, чем так называемая «большая политика», содержание которой Н.Е. Носов не раскрывает, а если речь идет о междукняжеских отношениях, то он отрицает факты именно «большой политики» как раз тогда, когда они наиболее бесспорны (выдача грамот в 1518 г. в связи с образованием Старицкого удела и др.⁵¹³).

Как известно, политика состоит из совокупности правительственных действий. Н.Е. Носов по существу предлагает изъять часть этих действий («по текущим вопросам») из понятия «политика» и отнести к особой сфере – «регулированию социально-экономических отношений». От чего же зависит эта «стихийная» часть правительственных действий, эта неполитика? Князья здесь – просто ответчики на челобитья, значит, источником иммунитетной политики являются челобитья грамотчиков и, следовательно, именно грамотчики инициаторы этой политики (такой вывод следует и из разбора Н.Е. Носовым конкретных грамот). Следовательно, вместо компромисса интересов феодала и правительства Н. Е. Носов видит в жалованной грамоте только отражение воли землевладельцев, получавших то, чего они добивались. Несостоятельность челобитной теории обнаруживается даже при беглом просмотре материала. Во-первых, чем объяснить возникновение грамот, где отсутствуют упоминания о челобитных? Предположением, что такие челобитные все же были? Но это выглядит явно неубедительно, когда новая, появившаяся якобы в результате челобитья жалованная грамота резко сокращает объем привилегий, зафиксированных в старых грамотах на те же владения. Во-вторых, как толковать сплошь да рядом встречающиеся факты невыполнения просьбы челобитчиков в ближайшее время после подачи челобитной и удовлетворение челобитных иногда через 20–30 лет?

---

⁵¹⁰ Там же. С. 290–298, 331–336 и др.

⁵¹¹ Там же. С. 279.

⁵¹² Там же. С. 280.

⁵¹³ Там же. С. 293.

Развиваемая Н. Е. Носовым теория механической выдачи жалованных грамот имеет внешнюю привлекательность потому, что она строится, казалось бы, на учете «объективных» экономических процессов: монастырь или светский феодал приобретал землю, а затем получал на нее жалованную грамоту. В своем разборе отдельно взятых грамот Н. Е. Носов фактически доказывает и без того ясный тезис о том, что сначала нужно было иметь землю, а уж потом происходила фиксация иммунитета. С этим никто не спорит. Но у Н. Е. Носова получается, что приобретение земли само по себе приводило к выдаче жалованной грамоты, являлось единственной причиной ее. С одной стороны, тут резко преувеличена роль жалованных грамот, ибо без них, выходит по существу, нет и самого иммунитета; с другой стороны, правительство изображается пассивным фиксатором экономических явлений, совершенно равнодушным к вопросу о том, кому и зачем оно выдает жалованную грамоту «по обычаю», «по традиции». Значит, роль жалованных грамот у Н.Е. Носова одновременно так преуменьшена, что на деле отрицается их конкретная политическая направленность.

Обусловленность выдачи жалованных грамот ростом феодального землевладения была далеко не прямолинейной. Если исходить только из представлений о зависимости выдачи иммунитетных грамот от приобретения феодалом земли, то не найдут объяснения, во-первых, повторные грамоты однотипного содержания на старые владения, выданные вне связи со сменой лиц на великокняжеском престоле или нарушением прав грамотчика местными властями, во-вторых, отсутствие в ряде случаев жалованных грамот на вновь приобретенные земли.

Н. Е. Носов считает неверным наше мнение, что каждая жалованная или указная грамота выражала собой определенный политический шаг правительства, была создана в ходе проведения определенной классовой и политической линии. Но ведь грамоты-то не рождались непосредственно из базиса, они появлялись через посредство правительства. Весь секрет в том, что Н. Е. Носов, разделив точку зрения С. Б. Веселовского, неизбежно должен был встать на его позиции в целом и признать, что без грамоты нет и иммунитета. Следовательно, в основе взгляда Н. Е. Носова на жалованные грамоты лежит преувеличение их «экономической» роли: наделение иммунитетных актов функцией создателей иммунитета, т. е. преуменьшение значения экономических процессов, определявших существование «обычного права» феодалов, которое составляло юридический фундамент писаных и неписаных иммунитетных привилегий.

Гиперболизация «экономической» роли жалованных грамот сочетается у Н. Е. Носова с полным игнорированием их политической роли: в самом деле, какую политическую роль могли играть грамоты, которые неизбежно или в силу заведенного обычая штамповали привилегии всех и каждого? Однако при отрицании политического значения жалованных грамот становится теоретически необъяснимым то обстоятельство, что сохранились жалованные грамоты не всем землевладельцам и отнюдь не на все земельные участки. Выход из этого положения оказывается для Н. Е. Носова, как и для В. И. Сергеевича, очень простым: сохранившиеся жалованные грамоты рассматриваются им в качестве случайного остатка того якобы огромного общего количества их, которое до нас не дошло⁵¹⁴. Факт утраты ряда грамот служит в концепции Н. Е. Носова поводом для предположения, что все землевладельцы имели грамоты, и только стихийные бедствия (пожары и т. п.) объясняют неполноту дошедшего состава источников. Не отрицая фактов гибели жалованных грамот в XVI–XX вв., мы, однако, считаем необходимым ставить вопрос иначе, а именно – насколько закономерен имеющийся комплекс источников – и думаем, что вопрос этот нуждается в тщательном исследовании.

---

⁵¹⁴ Носов Н.Е. Указ. соч. С. 263–283.

Из челобитной теории исходит Н.Е. Носов и в своем понимании того, каков должен быть научный метод изучения происхождения жалованных грамот. По Н. Е. Носову, единственным критерием истины служит тут сама грамота. Что в ней по этому поводу сказано, то и правильно. Как грамота сама объясняет свое происхождение, так оно и есть. Тот вполне понятный факт, что правительство никогда не объясняло и не стало бы объяснять в жалованной грамоте, почему ему важно ее выдать тому или иному влиятельному феодалу, Н. Е. Носов принимает за отсутствие политических соображений у авторов жалованных грамот. Поэтому конкретно-историческое исследование жалованных грамот Н. Е. Носов понимает как их конкретный пересказ. К чему же ведет метод Н. Е. Носова? Во-первых, к изолированному рассмотрению отдельно взятых грамот. При таком подходе все грамоты – более или менее «обычные», «заурядные»⁵¹⁵. Кстати, что хочет сказать автор этим термином? Разве политические акты должны быть какими-то необычайными? У Н. Е. Носова эта декларация «обычности» отдельно взятых грамот означает отрицание значения сравнительного анализа формуляра грамот с целью выяснения неравномерности экономического развития разных областей феодальной Руси⁵¹⁶.

Во-вторых, метод Н. Е. Носова ведет к отрыву исследования жалованных грамот от изучения других источников, способных пролить свет на происхождение грамот, т. е., пользуясь любимым выражением автора, «искусственно сужает источниковедческую базу» исследования иммунитета, провозглашая жалованную грамоту самодовлеющим источником⁵¹⁷.

В-третьих, метод Н. Е. Носова превращает внутреннюю политику правительства в отношении иммунитета в хаос механических и ничем не связанных между собой фиксаций феодальных привилегий⁵¹⁸.

Что же такое «иммунитет» по Н. Е. Носову? Автор нигде не формулирует своего определения этого института. А вместе с тем из текста статьи Н. Е. Носова вытекает, что «иммунитет» и «жалованные грамоты» суть однозначные понятия (например, автор пишет о нашей попытке считать «орудием» борьбы великокняжеской власти с удельными князьями «тот же феодальный иммунитет»⁵¹⁹, хотя у нас таким «орудием» признается не «иммунитет», а политика выдачи жалованных грамот). отождествляя «иммунитет» с «жалованными грамотами», Н. Е. Носов не видит связи таким образом понятого «иммунитета» с коренными вопросами социально-экономической истории: «Нельзя согласиться с попыткой... свести проблему становления и развития вотчинного крепостного хозяйства XV–XVI вв. к проблеме развития феодального иммунитета, как якобы первопричины чуть ли не всей социально-экономической истории феодального землевладения и хозяйства рассматриваемого периода», нельзя «признать, что феодальный иммунитет – это и есть тот стержень, вокруг которого или, вернее, на котором в той или иной степени зиждятся почти все социальные и политические устои феодального общества в период его наиболее полного развития»⁵²⁰.

«Первопричиной» всей социально-экономической истории феодального землевладения и хозяйств являются, как известно, изменения в производительных силах и в структуре

⁵¹⁵ Там же. С. 291, 293 и др.

⁵¹⁶ Там же. С. 286.

⁵¹⁷ В своей монографии о земской реформе Н.Е. Носов уделил внимание частным актам, закреплявшим переход в собственность монастырей тех земель, на которые потом были выданы жалованные грамоты. Сделано это для доказательства старого тезиса автора: жалованная грамота появилась потому, что монастырь получил землю (*Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969).

⁵¹⁸ Критику методики Н.Е. Носова см. также: *Зимин А. А.* О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в. // *Вопр. архивоведения.* 1962. № 1. С. 33–45.

⁵¹⁹ *Носов Н. Е.* «Новое» направление... С. 347.

⁵²⁰ Там же.

феодальной формы земельной собственности. Н. Е. Носов подменяет вопрос о сущности иммунитета вопросом об его основах, искажая тем самым нашу точку зрения. При помощи этого искажения он пытается ликвидировать самую возможность определения иммунитета в качестве синтеза экономической и политической власти феодала в пределах его владения, основанной на определенной форме собственности, зависящей от уровня развития производительных сил.

На неубедительной посылке базируется и критика Н.Е. Носовым нашего стремления изучать жалованные грамоты как один из главных источников по истории крепостного права XVI в. Автор приводит высказывание А. Е. Преснякова, советовавшего в свое время С. Б. Веселовскому обратиться для решения этого вопроса к документам «вотчинного хозяйства», а также послушным грамотам⁵²¹. Работа С. Б. Веселовского касалась источников XIV–XVII вв., наши работы, о которых пишет Н. Е. Носов, касаются первой половины XVI в. Н. Е. Носов оперирует общим понятием «XVI век»⁵²², т. е. подменяет вопрос об источниках первой половины XVI в. вопросом об источниках XVI в. в целом. Если же обратиться к составу источников первой половины XVI в., весь пафос цитирования А. Е. Преснякова пропадает, ибо от этого периода почти не имеется источников, указанных А. Е. Пресняковым. Причина нежелания Н. Е. Носова считаться с жалованными грамотами как с источниками по истории крепостного права кроется в его представлении о шаблонном характере нормативной части жалованных грамот. Н.Е. Носов некритически воспринимает мотивировочную часть жалованных грамот, зато он по существу отвергает нормативную их часть, не считает ее предметом исследования, ссылаясь на трафаретность формул. Это тезис С.Б. Веселовского. И Н.Е. Носов поверил ему не случайно. Шаблонность текста (кстати скажем, сильно преувеличенная исследователями) в глазах Н. Е. Носова – важное доказательство, во-первых, «юридического», а не политического происхождения жалованных грамот, во-вторых, единого уровня экономики в разных частях Русского государства XVI в.⁵²³

Хронологически ближайшим источником концепции Н.Е. Носова является концепция С. Б. Веселовского. Но С. Б. Веселовский противоречиво решал вопрос об отношении жалованных грамот к политике. С одной стороны, он признавал их универсальной формой государственного управления, т. е. политическими актами (грамоты светским землевладельцам)⁵²⁴; с другой стороны, С. Б. Веселовский развивал теорию «автоматической» (в трактовке Н.Е. Носова – стихийной, объективно-закономерной) выдачи грамот (грамоты монастырям). Н.Е. Носова устраивает только второе решение вопроса. Осуждая попытку С. Б. Веселовского рассматривать жалованные грамоты в качестве политических актов⁵²⁵, Н. Е. Носов очищает таким образом концепцию С. Б. Веселовского от политического налета и приходит к первоисточнику этой концепции – «чисто экономической» концепции Ланге – Сергеевича. Ее он очищает от тезиса о вхождении иммунитета в состав «крепостного права» (попытка примирить взгляды Н. Е. Носова с фактически противоположной схемой И. И. Смирнова).

При всей спорности решения вопросов истории феодального иммунитета в России советская историография достигла заметного прогресса в этой области как в части накопления материала, так и в части его истолкования. Наиболее важную роль здесь сыграли монографии Л. В. Черепнина, изучавшего происхождение и содержание жалованных грамот

⁵²¹ Там же. С. 346–347.

⁵²² Там же. С. 347.

⁵²³ Там же. С. 286; ср.: *Зимин А. А.* О методике актового источниковедения. С. 38, 45. См. также: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 34.

⁵²⁴ Именно за показ активной «политики жалованных грамот» хвалил работу С. Б. Веселовского А.Е. Пресняков (ЛЗАК. Вып. 34. С. 186–187).

⁵²⁵ *Носов Н.Е.* «Новое» направление... С. 284 (критика дается при помощи сближения точки зрения С. Б. Веселовского с точкой зрения автора настоящей работы).

XII–XV вв.⁵²⁶, и П.П. Смирнова, широко привлекая материалы жалованных грамот XVI–XVII вв. для исследования истории привилегированного («беломестного») землевладения в городах Российского государства эпохи становления сословно-представительной монархии⁵²⁷. Сама спорность многих вопросов методики изучения и теории иммунитета показывает активность советских историков в разработке данной проблемы.

Мы не рассматриваем здесь дальнейшее развитие историографии иммунитета, хотя оно этого, безусловно, заслуживает, и переходим к анализу соотношения иммунитета с феодальной структурой земельной собственности, рентой и внеэкономическим принуждением.

---

⁵²⁶ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. II. С. 97–225.

⁵²⁷ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1947–1948. Т. I–II.

Часть II

Вопросы теории феодального иммунитета

Глава 1

Иммунитет и собственность

В историографии издавна уделялось большое внимание проблеме феодального иммунитета. Теоретические вопросы, встающие при изучении этой проблемы (сущность иммунитета, его происхождение и эволюция) были и остаются предметом дискуссии.

Основоположниками марксизма-ленинизма тема иммунитета специально не разрабатывалась. В письме К. Маркса к Ф. Энгельсу от 25 марта 1868 г. только упоминаются «пользующиеся иммунитетом помещики» как один из институтов, рассмотренных в трудах Г. Маурера⁵²⁸. Ф. Энгельс в работе «Франкский период» (1881–1882 гг.) отмечает тот известный из литературы факт, что к дарениям в пользу церкви «присоединялся иммунитет, который в эпоху непрерывных междоусобных войн, грабежей и конфискаций защищал собственность церкви от насилий»⁵²⁹. В. И. Ленин вообще не оперировал в своих произведениях понятием «феодальный иммунитет». Вместе с тем Марксов анализ механизма получения земельной ренты служит основой для понимания феодального иммунитета.

Выработанные в разное время на Западе и в России концепции иммунитета довольно подробно освещены в нашей литературе⁵³⁰. Из многих аспектов теории феодального иммунитета наибольшим вниманием пользовались следующие четыре: 1) сущность, 2) происхождение, 3) эволюция и гибель иммунитета, 4) соотношение между иммунитетом и оформлявшими его иммунитетными грамотами. В данном очерке нас будут интересовать преимущественно первые два аспекта.

Начало марксистской историографии иммунитета связано с признанием его юридическим выражением феодальной ренты. Первым, кто дал такую трактовку иммунитета, был, кажется, С. В. Юшков. Он указывал: «Возникновение иммунитета есть следствие возникновения (юридическое выражение) феодальной ренты. Час рождения феодальной ренты есть час и зарождения иммунитета. История иммунитета есть в сущности история развития форм феодального властвования»⁵³¹. Несколько позже А. И. Неусыхин впервые определил имму-

⁵²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 43.

⁵²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 500.

⁵³⁰ См., например: Михаловская Н. С. Каролингский иммунитет // Средние века: Сб. М.; Л., 1946. Вып. II. С. 173–174, 180–187; Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в. [М., 1958]. С. 338–346; Гутнова Е. В. К вопросу об иммунитете в Англии XIII века // Средние века: Сб. М., 1951. Вып. III. С. 103–104; Каждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952. С. 95–96; Он же. Деревня и город в Византии IX–X вв.: Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960. С. 178–186; Горянов Б. Т. Поздневизантийский иммунитет // ВВ. М., 1956. Т. XI. С. 177–194; Он же. Поздневизантийский феодализм. М., 1962. С. 135–156; Грекул Ф. А. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века. Кишинев, 1950. С. 67–68; Он же. Аграрные отношения в Молдавии в XVI – первой половине XVII в. Кишинев, 1961. С. 234–236; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1951. Ч. II. С. 97–107; Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России // История и историки: Сб. статей. М., 1965. С. 270–312; Он же. К историографии крепостного права в России // История и историки: Историографический ежегодник 1972. М., 1973. С. 126–141; Он же. Ранняя советская историография феодального иммунитета в России // История и историки: Историографический ежегодник 1974. М., 1976. С. 148–188; Kastanov S. M. Die feudale Immunitat in Rußland // Historiographische Forschungen zur Geschichte Russlands / Hrg. von Erich Donnert. Halle (Saale), 1982. S. 21–73 [Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg: Wissenschaftliche Beiträge; 26].

⁵³¹ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 231; ср. с. 233, 237; ср. также: Он же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 375–376; Он же. История государства

нитет как «юридическую форму» или «орудие» «внеэкономического принуждения»⁵³². Как «орудие» «внеэкономического принуждения» понимали иммунитет Н.С. Михаловская⁵³³ и С. Д. Граменицкий⁵³⁴. А. И. Данилов писал, что он разделяет «данное А. И. Неусыхинным определение иммунитета как юридического оформления внеэкономического принуждения»⁵³⁵. Во втором издании вузовского учебника «Истории СССР» К. В. Базилевич дает характеристику иммунитета, заканчивающуюся словами: «Таким образом, крупный феодальный землевладелец сосредоточивал в своих руках большие средства внеэкономического принуждения и являлся не только хозяином-землевладельцем, но и почти независимым государем для населения своей вотчины»⁵³⁶.

В редакционном предисловии к книге С. Б. Веселовского «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» под иммунитетом подразумевается «система господства и подчинения в феодальной деревне, организованно проводившаяся классом феодалов методами внеэкономического принуждения»⁵³⁷. Это же определение находим в книге Л. В. Черепнина⁵³⁸, где имеется, впрочем, и другая формулировка: «...иммунитет представляет собой определенную *форму внеэкономического принуждения* в отношении непосредственных производителей классом землевладельцев-феодалов»⁵³⁹. Затем Л. В. Черепнин признал иммунитет «средством внеэкономического принуждения, правовым выражением земельной ренты»⁵⁴⁰. Сходную эволюцию определений мы наблюдаем у Ф. А. Грекула. Первоначально он говорил: «Иммунитет являлся особой формой внеэкономического принуждения крестьянского населения страны со стороны феодалов»⁵⁴¹. Позже, не отказываясь от такого понимания иммунитета⁵⁴², автор дал ему несколько иную дефиницию: «Иммунитет являлся юридическим выражением феодальной земельной ренты и одним из важных средств получения землевладельцем прибавочного продукта от непосредственных производителей материальных благ феодального общества»⁵⁴³.

Е. В. Гутнова видит в иммунитете «средство» или «одно из важнейших орудий внеэкономического принуждения, обеспечивающего эксплуатацию феодально зависимого крестьянства»⁵⁴⁴. В вузовском учебнике «Истории средних веков» она повторяет характеристику

и права СССР. М., 1940. Ч. I. С. 79-

⁵³² Неусыхин А.И. Исторический миф третьей империи // Учен. зап. [МГУ]. М., 1945. Вып. 81. С. 63, 71, 90.

⁵³³ Михаловская Н. С. Указ. соч. С. 188–189.

⁵³⁴ Он указывал: «С помощью этого института осуществлялось действие... фактора „внеэкономического принуждения“» (Граменицкий С.Д. К вопросу о происхождении и содержании франкского иммунитета // Средние века: Сб. М.; Л., 1946. Вып. II. С. 135).

⁵³⁵ Данилов А. И. Основные черты иммунитета и фогства на церковных землях в Германии X–XII вв. // Докл. и сообщ. ист. фак. [МГУ]. М., 1948. Вып. XII. С. 88.

⁵³⁶ История СССР / под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. 2-е изд. М., 1947. Т. I. С. 178. В первом издании учебника в главе того же автора это место звучало иначе: «Таким образом, крупный феодальный землевладелец сосредоточивал в своих руках и сбор налогов, и суд, и полицейскую власть и являлся не только хозяином-землевладельцем, но и почти независимым государем для своего населения» (История СССР / под ред. В. И. Лебедева, Б.Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М., 1939. Т. I. С. 205–206).

⁵³⁷ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I. С. 4.

⁵³⁸ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. II. С. 109 (здесь опечатка: «экономического» вместо «внеэкономического»). Из статьи Л. В. Черепнина в «Очерках истории СССР» можно сделать вывод, что иммунитет относится к числу «методов» и «средств» «внеэкономического принуждения» (Очерки истории СССР: Период феодализма IX–XV вв. В двух частях. М., 1953. Ч. II. С. 56–57).

⁵³⁹ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы... Ч. II. С. 109. Курсив Л.В. Черепнина.

⁵⁴⁰ Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // ВИ. 1953. № 4. С. 44; ср. с. 62–63.

⁵⁴¹ Грекул Ф.А. Социально-экономический и политический строй... С. 67.

⁵⁴² Грекул Ф.А. Аграрные отношения... С. 236.

⁵⁴³ Там же. С. 244.

⁵⁴⁴ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 104, 105, 109.

иммунитета как «важного средства» или «важного орудия» «внеэкономического принуждения и закрепощения крестьянства»⁵⁴⁵. У А. П. Каждана иммунитет тоже – одно из «важнейших средств» «внеэкономического принуждения»: это либо средство «юридического закрепления» фактически уже существующей власти феодала над зависимыми крестьянами, либо средство «подчинения» феодалу крестьян, «еще не втянутых или же втянутых в незначительной мере в феодализационный процесс»⁵⁴⁶. Иными словами, А. П. Каждан определяет иммунитет и как юридическую форму, и как непосредственное орудие внеэкономического принуждения. Понимание автором сущности иммунитета не изменилось и в дальнейшем. Он усматривает в нем «особую форму», «санкцию», «средство» внеэкономического принуждения⁵⁴⁷.

---

⁵⁴⁵ История средних веков / под ред. Е.А. Косминского и С. Д. Сказкина. М., 1952. Т. 1. С. 133.

⁵⁴⁶ Каждан А. П. Аграрные отношения... С. 95–96.

⁵⁴⁷ Каждан А. П. Деревня и город... С. 179, 183, 186.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.